

СВЕТЛАНА ЧЕРЕМУХИНА

Долгая
дорога
к себе

*Что нужно мятущейся душе? Отдохновение.
В чем нуждается душа обиженная? В мести. Чего
им не хватает? Терпения. Чтобы дождаться
любви. Чтобы простить. Чтобы обрести счастье.*

Светлана Черемухина ДОЛГАЯ ДОРОГА К СЕБЕ

ЧАСТЬ 1

Бывает так, что невозможно найти себя, не потеряв, невозможно оценить что-то, не сравнив с другим. Все познается в сравнении, и заглянуть в себя и дать оценку себе — самое трудное. Но когда происходит узнавание, понимание и осознание себя — это та сила, тот источник вдохновения и счастья, который уже невозможно забить и уничтожить.

ГЛАВА 1

Первые часы осознания своей новой ипостаси дались Свете труднее всего. Паника набросилась на нее гибкой пантерой, давя на грудь, мешая

вздохнуть, разрывая сердце на части, вызывая сильное сердцебиение. Ощущение у девушки было, как будто она погружается в омут, и темные воды смыкаются над головой, отрезая путь к свету и кислороду. Пот выступил на коже, испарина покрыла лоб. Все силы она потратила на то, чтобы не завывать в голос. Давясь слезами, часто смаргивая, пытаясь их прогнать, она часто и глубоко дышала, стараясь делать это бесшумно. Это отняло все силы, которых и так было мало.

Ее практически не кормили, только два раза в день вводили раствор глюкозы через капельницу, ловко прикрепленную к верхней полке. Умело, равнодушно, действиями, доведенными до автоматизма, с ней обращались как с товаром, неживым и не одушевленным. Не грубо, не пошло, но абсолютно бездушно.

Кто она им? Кто она вообще? Тело, которое можно продать, за которое можно получить деньги. У них семьи, их надо кормить, и каждый зарабатывает, как может, как умеет. Они умеют воровать чужие жизни, чужие души, продавая их в вечное рабство. Что получается, тем и занимаются. И не важно, что у нее были планы, что у нее были чувства, что она вкусила счастья и любви. Все оказалось перечеркнуто улыбчивым белозубым цыганом на безымянной остановке, который каждый вечер вдыхает прохладу ночи, слушает

шелест ветра в ветвях, ежится от мороза и имеет неограниченную свободу действий. Вот так. Он лишил ее всего. Просто так. Нет, не просто, а за деньги.

Она вела себя так, чтобы как можно меньше привлекать к себе внимания. Трубадур однажды вспомнил о ней случайно, и удивился:

— Надо же, молчит и не жалуется. Другим успокоительное вкалывали каждый раз после пробуждения, а эта — ниже травы, тише воды. Молодец.

— Пустая, — не согласился второй. Покорные и квелье его не интересовали. Он обожал сопротивление, его возбуждали сильные натуры. Он умел их ломать. Это придавало вкус и остроту его жизни. — Слабачка.

— Витаминчиков бы ей добавить, что ли, — рассуждал Трубадур.

— Да ладно, скоро приедет на курорт, там и получит витаминчиков, — толстяк заходился в тихом сиплом смехе, трясясь всем телом. — Солнце, воздух и вода — все что нужно молодому растущему организму.

Белобрысый мужчина смотрел на него с легким шутливым укором.

— Плохой товар — меньше выручка, Ваня. Ты хотел новую машину, у меня тоже планы, женюсь скоро, так что мотай на ус. В следующий

раз надо не только глюкозу с собой брать.

— Еще чего, — ворчал толстяк, по-хозяйски хлопая девушку по щеке. — И так сойдет. Нормальная она, — и он ощупывал ее руки, ноги. — Вон мышцы какие. Нам бы не продешевить с ней.

Света намотала это на ус себе. Притворяясь сонной и слабой, делала вид, что не опасна, что не является для них помехой, и ее оставили в покое, забыли и не трогали, но кололи раствор ежедневно по часам.

Первый день пути прошел в борьбе с удушливым липким страхом, второй оказался сложнее. Предстояла борьба с воспоминаниями, с чувством тоски и одиночества. Огромных сил ей стоило прогонять образ любимого человека, когда сердце заходило в безжалостном стуке, грозясь вылететь из грудной клетки. Нить, связывающая ее с Арсением, истончалась и слабела. Света чувствовала, словно из нее тонким ручейком вытекает душа, растекаясь лужицами на полу, жалостливо хлюпая под ногами ее равнодушных похитителей.

Обедали мужчины всегда в вагоне-ресторане, и девушка была рада, что никакой гастрономический аромат не раздражал ее ноздри.

Что же, душа и отвага тоже нуждаются в упражнении, говорила она себе, и заставляла

повторять словно молитву: «Я сильная, я смогу, я сумею, у меня все получится». Мы не рабы, рабы не мы. Да, как, на самом деле, оказывается, все сложно в этом мире. Свободолюбивое существо, живое и мыслящее, нельзя заточать в темницу, нельзя лишать полета, нельзя ломать, иначе, оно тоже может сделать больно своим поработителям, сражаясь за то, что подарили ей с рождения — свободу.

И она тренировала и волю, и мышцы. Каждый день заставляла себя сжимать кулаки, подгибать колени, но незаметно, едва-едва, чтобы не привлечь внимание мужчин. Днем времени было мало — только когда мужчины отправлялись в ресторан или выходили покурить, а ночью не щадила себя часами, изматывала до седьмого пота, до набухания вен на виске, жил на шее. А потом лежала, остывала, чтобы следы напряжения исчезли к моменту общего пробуждения. На лице снова маска равнодушия, в полуприкрытых глазах — пустота, в сердце — неугасимый огонь зреющего бунта.

И силы возвращались. Незаметно, по крупице, по капле, но тело наливалось силой и закипало. Даже голод не мог подорвать эту мощь, скрытую внутри, никуда не пропавшую, как только действие наркотика развеялось и исчезло. Мышцы тяжелели, кулаки уже сжимались, и к концу третьего дня Света могла шевелиться. Ликование скрыла под

опущенными ресницами, радость прогнала, закусив до крови губу. Она сможет, она готова, она неумолима, она... их убьет.

И час настал. На четвертый день рано утром задремавшую девушку вспугнул шорох. Она резко раскрыла глаза и вздрогнула всем телом: над ней навис толстяк со шприцем в руках. Она увидела, как расширяются его глаза от удивления. Мужчина никак не ожидал увидеть такой осмысленный гневный взгляд, а движение его просто напугало. Он открыл уже рот, чтобы крикнуть напарнику, но Света, схватив его за руку, в которой он сжимал шприц, резко ударила его в кыдык ребром ладони. Пока с хрипом он оседал на пол, заваливаясь под стол, ввела ему наркотик, предназначавшийся для нее.

Что же, ее решили транспортировать дальше в бессознательном состоянии? Она не согласна, и на этот раз им придется с ней считаться. Из поезда она выйдет своими ногами.

Услышав шорох и странные звуки, полусонный Трубадур вскочил. Он был в одних плавках и осоловело тарасил глаза. Света увидела то же обескураженное выражение в его глазах, но он также не успел ничего предпринять, Света опередила его, ударив в пах. Пока он медленно оседал, двумя ладонями нанесла удар по ушам, схватила за волосы и ударила о свое колено.

Послышался хруст, мужчина с лицом, залитым кровью, упал к ее ногам.

Одеваться не пришлось: легенцы и рубашка были на ней, балетки стояли под полкой, куртку запихнули туда же. Одевшись, дрожащими руками Света принялась шарить в карманах брюк и курток мужчин: все могло пригодиться. Улов составил около тысячи долларов, ампулы, пистолет. Схватив все это и засунув в полиэтиленовый пакет (за неимением ничего другого), Света бросилась из купе. Она слышала, как недавно поезд останавливался на полустанке, сейчас же набирал ход, но не успел еще отойти от станции далеко.

Через весь коридор Света бросилась в тамбур, дернула дверь — та оказалась не закрытой на ключ, видимо, сегодня действительно ее удачный день. Открыла дверь и замерла, но только на мгновение. Кожу обдало свежестью, но это уже был не тот климат, чтобы сжиматься от холода, они въехали в южные широты, и ветер ласкал, холодил и приятно будоражил.

Снежная равнина неслась одной ровной лентой перед глазами, изредка вспарываемая островками открытой грязной земли, и это мельтешение показывало скорость локомотива, но Света решила. Остаться в поезде она больше не могла. Неизвестно, может, здесь не только она одна томилась в неволе, и таким способом почти

легально, или, по крайней мере, с негласного молчаливого согласия местных властей и начальника поезда, перевозят рабов постоянно и систематически. Вырваться из плена, чтобы самолично вернуться в руки похитителей, найдя вагон охранников, ей не хотелось. Набрав побольше воздух в легкие, как перед погружением, Света спрыгнула. Земля больно ударила по ногам, под дых, закрутилась, завертелась. Девушка кубарем полетела под гору, натыкаясь на редкие кустики, приминая их, царапая шею и лицо, все быстрее, не в силах разобраться, где верх, где низ. Вкус железа во рту: прикусила язык, вспыхнул костер в руке: содрала кожу о какой-то острый камень, удар обо что-то твердое бедной головой, звон в ушах и мгновенная темнота.

* * *

Арсений сходил с ума от горя. Он посерел, осунулся, забыл про сон и еду. Жестоким допросам подвергались все, кого он находил хоть сколько-то причастными к делам Мангуса, кто хоть раз был замечен в поле его зрения, даже если проходил рядом. Вопрос был один: где его жена, но никто этого не знал, никто не мог сказать ничего вразумительного. Из-за этого и погибали.

Мир потемнел, перестал существовать, замер

в каком-то ином измерении, пока мужчина выпал из его хода и движения. Замерли все чувства, отпали все желания, естественные потребности. Колоколом звенела в голове одна мысль: найти любимую. Набатом грохотало сердце: спасти любимую.

Он не хотел и не мог поверить, что она мертва. Сердце противилось, все в нем возмущалось. Я бы почувствовал, шептал он себе. Я бы понял это. Я бы умер тогда. И он верил. Верил своему единственному ощущению, единственному рефлексу: она среди живых, она еще под этим небом, дышит, ее сердце бьется. И он ее найдет. Эта уверенность спасала от отчаяния, болотом готового затянуть его в свою пучину.

Сам Мангус легко отделался, и, думая об этом, Арсений скрипел зубами от ярости. Не сдержался в тот вечер, когда депутат почти заговорил. Мангус с людьми подъехал неожиданно. Видимо, и у них разведка поставлена неплохо. Претендент на трон Лугового вел себя нагло и уверенно. Смерил Арсения надменным взглядом, почувствовал себя королем. Он переоценил свои возможности, и потому проиграл. Сообщение о том, что Светлана находится у них в руках и скрыта в надежном месте разъярило Лугового настолько, что никто не понял и не заметил, как Арсений в два прыжка оказался рядом со своим врагом, захватив его в кольцо рук, сомкнув их у него на шее.

— Говори, — прорычал он, больше похожий в эту минуту на животное, чем на человека.

Все, кто увидел его волчий оскал и страшный блеск в глазах темнее свинца, отпрянули, отступили на шаг. Все знали, как он ужасен, но до этого момента никто не представлял, насколько.

— Еще чего! Ты у меня попрыгаешь, — просипел Мангус, уверенный в своей неприкосновенности. У него на руках козырь, он справится с этим монстром, с этой машиной для убийства.

— Говори, или умрешь, — Арсений и не думал ослаблять хватку.

— Сначала ты выслушаешь все мои условия, — прохрипел синеющий мужчина, — а потом выполнишь их, и тогда, может быть, вполне вероятно, но не обязательно, я, конечно, не обещаю, но подумаю... — он полагал, что играет со своим врагом, почти уже рабом, но недооценил степени гнева и ярости противника.

— Я хочу знать, где моя жена, — это было третье предупреждение, последнее.

— Сначала встань на колени, тварь, — прошипел Мангус. — Иначе, стоит мне подать знак, и с твоей женой сделают такое, что до конца жизни будешь рыдать от горя и сожаления.

Улица наполнилась криком и рычанием зверя, слышался хруст сворачиваемой шеи, и тело

Мангуса тихо сползло к ногам Арсения.

— Кто еще хочет причинить вред моей жене? — слова раздалась в абсолютной тишине, и враг дрогнул. — Кто-нибудь хочет подать знак?

Белее снега стоял Артем со своей командой, которая участвовали в похищении Светланы. Он молился, чтобы никто не показал на него. Повезло же Доку: с больной спиной остался в тепле и относительной безопасности. Но он сдал тело на руки. Если покажут, где, а там уже никого нет в живых, тогда отдуваться ему.

Дрогнул Комбат. Он наемник, его не касаются личные проблемы врагов, но раз наниматель мертв — он умывает руки. Не успел, умылся кровью, как и его бригада из пятнадцати опытных бойцов. Люди Арсения знали свое дело, и не ушел никто. На сладкое оставили Полякова.

Оглядывая поле боя, усеянное трупами, толстяк затрясся так, что вызвал усмешку на лице Арсения.

— Зачем ввязался в это дело, раз такой трус, — сплюнул мужчина в кровавый снег под ногами. На лице кровь, своя и врагов, руки сбиты, костяшки кровоточат, оружие раскалилось от постоянной работы.

— Я не воин, я стратег, — пролепетал человек. — Я мозг, — и сделал шаг в попытке отдалиться от этого чертова зверя.

— Мозг, отупевший от страха, — проворчал Арсений. — Скажи, мозг, куда спрятали мою девочку?

— Ддевочку? Ккакую ддевочку? — Поляков стал заикаться, озираясь по сторонам.

Никогда он не видел таких глаз: темные провалы ада смотрели на него, испепеляя и подчиняя. Он чувствовал, что готов обмочиться у всех на глазах. Никто не мог ему помочь. В живых не осталось никого из своих.

— Мою девочку, — прошептал Арсений. — Мою жену, — он навис над Поляковым мощной скалой, неумолимым роком. И нет спасения от этого давления, от этой нечеловеческой сути, от этой сокрушительной воли. И Поляков сломался.

— Я не знаю! Не знаю! Что ты от меня хочешь! — заверещал он, брызжа слюной, заламывая руки. — Я не трогал ее! Я с самого начала был против! Я не хотел, чтобы так! — он упал в красно-белую кашу и замолотил кулаками по снегу, разбрызгивая красные ошметки вокруг себя.

Арсений спокойно смотрел на эту истерику. Достал запасную обойму, перезарядил оружие и направил в висок ползающему у его ног мужчине. Поляков поднял глаза, полные слез и заголосил:

— Не стреляй! Не надо! Я все скажу, только не стреляй. Не убивай, не надо, прошу... — он все-таки обмочился.

— Говори.

— Ее отвезли на одну точку, — горячие слезы стекают по трясущимся щекам.

— Где?

— Недалеко от города, — жаркий пар облаком вылетает из перекошенного рта.

Арсений ткнул дулом в висок.

— Я не буду задавать наводящие вопросы, и в вопрос-ответ играть не буду. Или говоришь все, или я стреляю.

— Я все скажу, все скажу. Я все скажу, — Поляков задыхался. Ему сделалось плохо, необходимо принять лекарство, но он забыл об этом. Обычно Гриня следил за здоровьем любовника, таскал его таблетки и вовремя их ему давал. — Дом путевого обходчика, недалеко от станции Лытнёво.

Этим признанием Поляков подписал себе смертный приговор с отсрочкой, пока добирались до точки. Арсений сел за руль своей машины. На предложение заменить его даже не отреагировал. Руки дрожали, сердце стучало, он несся по ночным улицам так, словно собирался взлететь. Поляков, зажатый между жилистыми телами его подчиненных, тихо скулил от страха, закрывая глаза на особо крутых поворотах, а его тюремщики только угрюмо переглядывались с широко раскрытыми глазами, но молчали. Другие машины

едва попевали за боссом.

Дом оказался пуст, вещи были разбросаны, словно люди покидали его в спешке, собрав только самое необходимое. Арсений обследовал комнату. Все указывало на то, что здесь находилось несколько человек, минимум двое. В подвальчике обнаружили труп одного из людей Мангуса.

Арсений долго сидел рядом с неподвижным телом, сливаясь с ним по степени бледности, глядел невидящими глазами, размышлял в тишине, которую никто не смел нарушить. Парень наткнулся на стекло. Не сам, кто-то помог ему упасть. Конечно же, Светка. Значит, она сбежала. Если ее и хотели убить, то не смогли это сделать, ее палач сам попался, а ее нет. Или ее увели те, кто сбежал, или она сама ушла отсюда. А значит, скоро она может появиться дома. Вот и окровавленные веревки. Детка, она развязалась, она смогла. Она умничка!

Радость, теплота, нежность затопили сердце, вызвали улыбку. Глаза защипало, и Арсений сильно заморгал, прогоняя слезы.

— В город, — сказал он, стремительно поднявшись. На ходу выстрелил в Полякова, чтобы Светиному тюремщику не было так одиноко в сыром и холодном подвале.

В ближайшие сутки Света не появилась. Прошел день, второй, третий. Арсений склонялся к

версии, что ее все же увели, иначе она давно уже дала бы о себе знать. Значит, следует продолжать поиски.

Начался отлов отбившихся, опоздавших, оставшихся не у дел, растерянных и до смерти перепуганных боевиков. Кажется, в истории уже было такое: мнили себя завоевателями мира, надеялись на программу «блиц-крик», но не тут-то было, недооценили степень мощи и злости врага. На том и погорели.

Арсений ездил в город, откуда началось нашествие крыс, отыскал семьи многих боевиков. Мангус оказался холостяком, его престарелая мать ничего не знала о сыне: информация почти не доходила до стен дома для престарелых. Арсений брезгливо морщился, глядя на старую больную женщину, не сумевшую воспитать сына так, чтобы провести достойную старость. Что ж, она сама себя наказала.

Он понимал, что жены и дети его врагов не заслужили смерть. Их вина заключалась лишь в том, что они полюбили отморозков и убийц, но ведь, и он такой. Его рука не дрожит, нажимая на курок. Разница лишь в том, что он не воюет с женщинами и детьми, вот и не тронул никого. Достаточно того, что в этом городе появилось много вдов и детей-сирот, и никто не заплатит им компенсацию за потерю кормильца.

* * *

Бертуччо рвал и метал. Он сокрушил и смел все в своем домике, когда понял, что девушку ему не привезут. Как это пережить? Несколько дней он держался благодаря одной только мысли: скоро он будет сжимать в своих объятиях ту, ради которой согласился умереть. Нет, все же он обыграл своего брата! Он получит то, что, как его уверяли, для него совершенно недоступно! Он получит Светлану Черемухину! Нет, Луговую. Ну да это не сложно изменить, это самое простое. Ччерт, он опять упустил ее!

Он схватился за голову, стоя посреди разгромленной комнаты и тихо завыл. Вечная борьба с Арсением, вечное соперничество. Арсений и не заметил, что Бертуччо вырос, стал самостоятельной личностью и желает сам выбирать свою жизнь. И он выбрал женщину. Не важно, что ту же самую. Идеальный вкус — их общий бич. Бертуччо усмехнулся этой мысли.

Уж он бы объяснил Свете все, оправдался, почему согласился «умереть» для нее, уйти из ее жизни. Но он живой! Он не может похоронить себя здесь и все забыть. Да и как такое забудешь... Эти глаза, глубокие, прозрачно-голубые, наивные, доверчивые, усталые, разочарованные, лукавые,

озорные, беззащитные... Мужчина закусил губу и не заметил, как потекла кровь. Ее волосы. К ним можно прикасаться бесконечно долго. Нет, он врет сам себе, есть множество мест на ее теле, к которым он может прикасаться дольше.

Дурак! Какой же он был дурак! Отдать ее девственность Арсению! Болван! Он швырнул стул, чудом оставшийся целым, в окно, разбив стекло. А ведь она сама предлагала ему себя. Ему, Бертуччо Ливертъе! А он отступил, позорно, покорно. Привычно ушел в сторону, чтобы не перекрывать свет Арсения Лугового всем, желающим окунуться в его лучи. Не важно, зверь больше не может оставаться в клетке, ему надо на свободу. Он вернется в город и заявит о своих правах. Он заберет то, что желает вот уже столько времени, без чего не может жить...

Но она же любит Арсения, она умрет в тоске без него... Посмотрим. Поживем — увидим.

Неожиданно его прошиб холодный пот. Он остановился и замер посреди комнаты. А что, если Мангус не выпустит ее из своих рук? Что, если он оставит ее себе или вообще убьет? Этот отморозок не из тех, кто способен понять и оценить эту девушку по достоинству, а вот испохабить, унижить, сломать и уничтожить — это он может.

* * *

Она открыла глаза. Огромные звезды мерцали в чернильном небе. Как красиво. Как волшебно, как необычно.

Девушка поднялась с земли и осмотрелась вокруг. Странно одета, в какой-то непонятной куртке размера на четыре больше, чем требуется, в летней обуви, хотя местами еще лежит снег. Что она делает в этом лесу? Почему она здесь? Откуда пришла и куда направлялась, и почему лежала на земле, рассматривая звезды?

Девушка поморщилась. Голова сильно болит и тикает в висках. Саднит все тело и ноют мышцы, как будто она разгрузила вагон угля. Вагон угля... А что, железная дорога недалеко, она слышала стук колес проносащегося неподалеку поезда. Может, она и правда это делала? На железной дороге много угля.

Она растеряно оборачивалась, не понимая, в какую сторону ей надо идти, и зачем. Ей надо домой. Домой. Домой... Это куда? И зачем? И к кому? Она помотала головой, пытаясь растряссти кисель в мыслях, но ничего не изменилось. Она знала, что такое «идти домой», но не было картинки и четкого понимания, что есть ее дом. Вот есть железная дорога, лес и небо, и она посреди всего этого, и это все. Что ей здесь делать, что ей вообще дальше делать — она не понимала. Куда идти и

зачем? Она просто пошла вдоль железнодорожного полотна. Что ей делать со своим телом, со своим временем? Буду просто идти, подумала она. Может, я и до этого просто шла, ну, до того, как легла отдохнуть. Отдохнуть... Значит, я устала? Отчего? Я что, правда разгружала вагоны? При чем тут эти вагоны? А что еще я могла разгружать? А почему я обязательно должна была что-то разгружать? Ну, у меня все болит, на мне спецовка, фуфайка, или как это называется? Я где-то работаю? Работа... Что такое работа? Откуда это слово?

Она шла, ежась от ночной свежести, но ветер был мягкий и ласковый.

Послушайте, ведь если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно?

Это откуда? Это что? Стихи. Она точно знает, что это стихи. Откуда? Чьи? Этого она не знает. И кто она сама — ей неизвестно. Почему? Знала ли она это когда-нибудь? Надо ли это знать и почему она так к этому стремится?

Она шла и шла, пока не стало светать. Упала, не дойдя метров триста до поселка. На нее наткнулись спустя час. Охотничий пес, обнюхав и облизав ей лицо, радостно залаял, виляя хвостом: его ждала заслуженная похвала. Несколько мужчин бросились к нему со стороны поселка, несколько — из леса, в который не успели углубиться далеко.

Ее искали. Как только стало известно о ЧП

районного масштаба: товар сбежал из поезда, вырубив двух своих охранников. Один впал в младенчество, по крайней мере, стал так же глуп и беспомощен, второму насильно изменили внешность, к радости пластического хирурга. Поймать виновницу было и делом чести, и вопросом безопасности. Сбежавший свидетель всегда является угрозой хорошо поставленному бизнесу. Продавцы живого товара не собирались погореть из-за того, что приткая девица знает несколько приемчиков, а ее охранники оказались олухами.

Очнулась девушка от того, что кто-то усиленно ее тряс. Раскрыв глаза, она никого не увидела. Оглядевшись, поняла, что находится в фургоне с брезентовым тентом. Она куда-то едет? Нет, ее куда-то везут по очень неровной дороге, по бездорожью. Бездорожье... Кто? Куда? Домой? Или разгружать вагоны?

Она попыталась подняться, но оказалось, что сделать этого не может. Руки и ноги были крепко связаны, от пояса тянулась веревка, прикрепленная к металлическому каркасу фургона, к которому крепился тент. Что это значит? Девушка решила подождать, пока ее куда-то привезут. Кто-то же ее привязал, значит, кто-то и развяжет. Она закрыла глаза и попыталась снова заснуть. Пусто в голове, пусто в желудке. Пусто вокруг. Какая пустая у нее

жизнь. Жизнь... что это? Какая она должна быть?

* * *

Арсений лежал на полу посреди холла, раскинув руки, словно падая в пропасть с огромной высоты. Столько дней о ней нет вестей. Даже выкуп не требуют, никаких условий не выставляют. Ничего. Тогда для чего ее удерживают? С какой целью? И кто? Он никак не мог этого понять. И что ему делать, он не знал. Он зашел в тупик.

Во дворе слышались медленные шаги, кто-то поднимался по лестнице, открылась дверь, и кто-то переступил порог. Животным натренированным инстинктом Арсений понял, кто это. Ноздри его затрепетали, мышцы напряглись, но он продолжал лежать, не двигаясь. Если он вскочит — он убьет, а ему хотелось поговорить.

— Знаю, что ты чувствуешь, понимаю тебя, и со всем соглашаюсь, — тихо произнес Бертуччо. — У тебя есть полное право убить меня.

— Ты за этим пришел? — глухо спросил Арсений, не поворачивая головы.

— Нет. Я хочу жить. Я хочу ее найти. Я хочу помочь.

— Тогда зачем ты ее погубил?

— Что? — Бертуччо побледнел. Он понимал свою вину, он клял себя и оплакивал потерянное

счастье.

Мужчина на полу все же пошевелился, поднялся и сел на колени, по-прежнему не оборачиваясь к вошедшему.

— Ты понимаешь, что наделал? Ты сдал ее моим врагам! Отдал в их руки! Сам, добровольно!

Бертуччо издал странный звук, похожий на сдавленный стон.

— И не говори больше, что ты ее любишь. Подвергнуть смертельной опасности человека можно только ненавдя его, — сердце снова сильно заколотилось, как в тот момент, когда он узнал, кто его предал, кто выдал его чувства и указал на Свету, как на выгодного заложника для того, чтобы диктовать свои условия и получить город на блюдечке.

— Тогда я должен был сдать им тебя, — глухо вырвалось у Берта.

— Все-таки ты сказал это, — горько улыбнулся Арсений. Он по-прежнему не поднимал головы.

Бертуччо в порыве непонятых сейчас чувств подскочил к брату, упал рядом с ним на колени и схватил его за шею, сильно прижавшись к нему.

— Связанные одной цепью, — грустно усмехнулся Арсений. — Только раньше нас объединяла любовь, а теперь — ненависть.

— Нет, — Берт замотал головой. — Не говори

так.

— Да. Теперь кто кого. Кто быстрее ее найдет и успеет нажать на курок.

Бертуччо поднял на него потемневшие глаза.

— Так и будет, клянусь, — кивнул Арсений. — Мы на равных, победитель получает все.

Кажется, он уже однажды говорил это.

— Какое же тут равенство! Если ты убьешь меня, она просто всплакнет. А если я тебя — она умрет.

— Жизнь такая штука... я все меньше и меньше понимаю что-нибудь в ней. Кто знает, как все обернется и чем закончится... — Арсений гладил волосы Берта. Все как раньше, только теперь между ними пропасть, полная боли и горя.

— Мы найдем ее, и все будет хорошо, — твердил как заклинание Берт. Только сейчас он понял, как же все это время ему не хватало брата. Они сиамские близнецы. Проклятые сиамские близнецы. Несчастные и обездоленные. Потерявшие смысл жизни, радость и вкус... — Все будет хорошо, — шептал он как молитву.

ГЛАВА 2

Ее вели мимо странных одноэтажных строений, напоминающих хижину. Хижины? Хм,

хижина дядюшки Тома. Плантации. Плантации? Девушка округлила глаза: время от времени ей попадались люди, бедно одетые, с повязанными на головах платками или тюрбанами, так как солнце пекло нещадно, несмотря на то, что местами лежал снег. На лицах печать уныния, замкнутость, отстраненность. Сломленные души. Это откуда? Почему? Кто сломал? Зачем? Она крутила головой во все стороны, пока не получила затрещину.

— Чего лыпаешь? Иди, давай, да под ноги смотри, и так тебя все заждались, — грубый окрик охранника вернул ее к действительности.

На все ее вопросы никто не хотел отвечать, и пока ее отвязывали в кузове машины, хранили молчание. Подтолкнули в спину, чтобы спрыгнула на землю, ткнули в бок, чтобы шла по тропе. Она ничего не понимала. Ей было нужно домой. Так это и есть ее дом?

— Мы идем домой? — спросила она, попытавшись оглянуться на двух своих провожатых, но тут же получила очередной тычок, принудивший ее опять отвернуться.

— Домой, домой, тебе тут будут рады.
Девушка улыбнулась. Наконец-то.

Мужчина сидел в плетеном кресле, курил сигару и читал стихи. Вернее, держал в руках томик стихов Бальмонта, но не видел ни строчки. Легкий

ветер трепал его волосы, то закидывая ему челку на глаза, то отбрасывая ее назад. Мужчина не обращал на это внимания. Уже несколько минут он наблюдал за девушкой, идущей к нему с таким спокойствием, словно на встречу с долгожданной судьбой, всегда относившейся к ней благосклонно. Одухотворенность, вот как можно назвать выражение ее лица.

Мужчина всегда искал это в женщинах, но ему редко везло. Мучить пустых и никчемных телок было скучно, неинтересно, а вот таких, в глазах которых горит особенный свет, искрится ум, отражается внутренний мир, он обожал. Только такой случай выпадал нечасто. Сломать сильную личность, поработить многогранную душу, подавить негибаемую волю, найти предел их мужества, насладиться их падением, подойти к границе их морального и физического терпения.... О, вот истинное наслаждение, вот ради чего стоит жить.

Генрих ждал. Он во все глаза смотрел на девушку, которая должна подарить ему минуты истинного счастья. А может, и часы, смотря, на сколько ее хватит. О, он как истинный гурман, растянет удовольствие на долгие недели. Он постарается.

— Генрих, товар прибыл, — сообщили охранники, приблизившись к крыльцу красивого

домика.

— Отлично, отлично, — мужчина обнажил крепкие белые зубы в искренней улыбке. О, эти зубы умеют рвать нежную женскую плоть. Их уже сводит в предвкушении. — Определите ее в сектор «Б», пускай с месяц в поле поработает, пообвыкнет, осмотрится, а там, возможно, я определю ее в дом.

Охранники снова толкнули девушку в спину, она нервно заозиралась, удивилась, что в дом ее не пустили. Разве она шла не сюда?

— Да, и вот еще что, — остановил Генрих ретивых провожатых, — покормите ее с дороги, устала, наверное, — и он долго смотрел ей в след, пока озадаченные мужчины вели девушку на кухню.

На их памяти еще ни разу не было такого, чтобы доставленный товар кормили, прежде чем отправить на поля.

* * *

— Ты слишком долго копаешься, — услышала она шепот за спиной.

Обернулась. На нее с опаской смотрела черноволосая девушка с голубыми глазами. Все остальные трудились, не поднимая головы, а она с интересом ее рассматривала своим цепким взглядом.

— Медленно, говорю, все делаешь, — улыбнулась голубоглазка.

— Но надо же тщательно пропалывать.

— Ага, а потом тебя тщательно накажут за низкие показатели, — скривилась брюнетка.

— А что же делать? — удивилась девушка.

— Порасторопнее надо быть, порасторопнее. Руками шевели и поменьше думай, — проворчала та. — Кстати, о чем ты все время думаешь? У тебя такой отстраненный вид.

— Не знаю, — пожала плечами, продолжая прореживать растения, девушка. — Я мало что помню. Вот пытаюсь вспомнить... осень.

— Осень? — брюнетка опять скривилась. — А чего ее вспоминать? Слякоть, дождь, холод, брр, — она поежилась, будто оказалась на пронзительном ветру в хмурый пасмурный день. Хорошо, что здесь тепло и светит солнце. И этот свежий ветер с гор. Это порой может примирить с той участью, которая постигла смешливую от природы и неугомонную девушку.

Хмурый пасмурный день... Листья, много листьев. Низкое небо, затянутое облаками, мелкий-мелкий дождь, почти изморось, и... счастье. Что такое счастье? Вот это томление, которое теснит сейчас грудь, когда хочется петь и плакать? А почему этого хочется? Осень — это что-то хорошее. Это что-то... приятное. Что?

— Слушай, ну ты даешь, — брюнетка хохотнула, дернув ее за рукав. — Опять задумалась? Мечтательница. Ты это дело брось, здесь это не приветствуется, — тут же с мрачным видом посоветовала она.

— А почему? Это... плохо?

— Для тебя — да. Будешь хуже работать — запорют. Здесь хоть умри, а свою норму сделай. Иначе — не жить, — и она провела ребром ладони по своему горлу.

— Как это? — удивилась девушка.

— Ну что ты глазами хлопаешь! И это, что ли забыла? — недоверчиво покосилась на нее голубоглазка.

— А что, должна помнить?

— А как же. Ты знак свой видишь? — она взяла девушку за тонкую кисть, поднесла к ее глазам. Квадрат в треугольнике с цифрами внутри. — Помнишь, что это означает? Что это такое?

— Нет, не помню. Я... не знаю... А что это означает? Скажи мне, пожалуйста. В голове полный сумбур.

— Сумбур? Ну надо же, как ты выражаешься, — голубоглазая девчонка недоверчиво взглянула на нее.

— Да, я ничего не помню.

— «Не помню», — передразнила брюнетка и

недоверчиво на нее посмотрела. — Это знак раба.

— Я раб? А ты?

— И я, — вздохнула брюнетка.

— Но у тебя он другой, — девушка взглянула на треугольник, навсегда впитавшийся черными чернилами в кожу красивой брюнетки.

— Ясное дело, я из свободных, — почти гордо заявила черноволосая девушка, и добавила с грустью: — Была...

— А что это значит? А я из каких?

— Ну ты чего, совсем ничего не помнишь? Здорово же тебя приложили. За побег, что ли, или за воровство? Или хозяйину отказала?

Девушка неуверенно улыбнулась и лишь пожала плечами.

— Короче, я из свободных. А ты — раба от рабы.

— А это плохо?

— Да как сказать, — брюнетка вдруг спохватилась и тоже принялась работать. Руки резво выдергивали траву, сказывался опыт в этом деле. — Я сюда попала из своей нормальной жизни. Восемь лет назад. Поэтому у меня знак отличия — просто треугольник с личным номером. А ты уже родилась здесь, от рабы, которая, может, была свободной когда-то, а может, и нет.

— А это как?

— Нет, ну ты как малый ребенок, —

притворно возмутилась рассказчица. — Впрочем, ты и есть ребенок. Вы все, рожденные в рабстве, как дети.

— Почему? Мы никогда не будем большими?

— Нет, не в этом смысле, — брюнетка посмотрела на девушку с жалостью. Сердце ее защемило. Такую обидеть — все равно что дитя ударить. А ее вон как, что ничего не помнит. Мозг, наверное, отказывается вернуться в кошмарную реальность.

Голубоглазая красавица вздохнула.

— Работай давай, чего на меня смотришь. Слушай, дети рабов ничего не знают и ничего не понимают.

— Это как? Совсем-совсем?

— А кто будет их обучать? Кто будет читать им сказки? Их выращивают для работы. Вот. И интеллект им не нужен. Они иногда и говорить-то толком не могут, просто не умеют. Зато работают лучше обычных людей. Просто как роботы.

— Роботы?

— Вот-вот, ты даже не знаешь, что это такое. Они ничего не знают, ничего не понимают, они глупы, — она покосилась на девушку, внимательно и с интересом ее слушающую. — Ну, в общем, они не развиты, вот и все. Просто с самого рождения их не считают за людей. Их готовят только для работы. Они не люди.

— А кто же?

— Никто! Просто никто, понимаешь? — глаза голубоглазой красавицы сверкнули.

— Вот как? Но это же... плохо, — девушка отвлеклась от работы и задумалась вновь. Разве так бывает? И разве так правильно?

— Нет, слушай, ты и здесь долго не протянешь. Тебя опять высекут, и снова все забудешь, даже то, что я тебе рассказала, — заворчала болтушка. — И знает откуда-то, что правильно, что не правильно, — она осекалась и внимательно посмотрела на девушку. — А что правильно?

— Я не знаю, — она пожала плечами.

— Знаешь, откуда-то знаешь, но... не помнишь, — брюнетка смотрела на нее с любопытством. — Но молчок!

— Почему?

— Работать надо! — воскликнула брюнетка. — Ладно, потом поговорим, — буркнула она и замолчала.

В столовую они отправились вместе. Черноволоска взяла ее под руку и доверительно зашептала ей на ухо.

— Главное, ни на кого не смотри, а то...

— Почему?

— Да потому! Посмотришь в глаза, и получишь на орехи.

— На орехи?

— Дуреха, избыют тебя.

— Опять избыют?

— Опять и снова. Всегда. Здесь бьют всех и постоянно.

— Но... зачем?

— Ой, святая простота! — девчонка даже руками всплеснула от возмущения. — Чтобы боялись, чтобы слушались, чтобы исполняли приказы, понятно?

— Но я и так все исполняю. И слушаться готова, если это разумно, — девушка удивленно смотрела на свою приобретенную подругу.

— Разумно? — глаза брюнетки расширились. — Ты сказала «разумно»? Ну ты даешь! Откуда ты такое-то слово знаешь?

— А ты не знаешь?

— Ну я-то, допустим, много чего знаю, у меня вообще два курса политеха за спиной, а вот тебе откуда такое словечко известно? Хотя, слышала, наверное, от кого-то. Пошли, нам еще очередь занимать.

И она потащила новую приятельницу под навес, где в длинный ряд выстроились мрачные хмурые люди в ожидании своей порции похлебки.

— Как тебя называют? — спохватилась вдруг черноволосая девушка. — Столько времени уже

болтаем, а я даже не знаю твоего имени. Я — Таня, а вам обычно имен не дают, но ведь как-то надо вас звать, и придумывают простые, например, Лена, или Ира, или Юля. Или клички дают. Такие, чтобы легко и быстро позвать. У нас одна девочка есть, так ее Муркой зовут, — Таня было усмехнулась, но, тут же согнала улыбку с лица, глянув на девушку. Все равно что смеяться над ней.

— Я не знаю, — девушка удивленно посмотрела на новую подругу, попутно озираясь вокруг.

Они как раз вошли под темный навес, покрывающий довольно большую площадь с земляным полом. Сюда не проникали жаркие лучи солнца, было сумрачно и как-то неуютно. И люди здесь все какие-то... потерянные, несчастливые. И повара у огромной походной кухни не улыбочивые. По очереди мрачно зачерпывают огромными черпаками дымящуюся жижу, равнодушно разливая в подставленные миски. Кругом печать уныния, и только Таня оживлена. А, нет, вон еще несколько девушек шушукаются, и даже улыбаются, но как-то не смело, не уверенно, тайком.

— Я не помню своего имени, — произнесла девушка. — Надо спросить у кого-нибудь. Только у кого? Не подскажешь?

— Ладно, спросишь у старшего смены вечером, когда сдавать работу будешь. Ты же

должна быть записана у него, — и Таня внимательно посмотрела на девушку.

Они уже получили свою порцию странного супа сомнительного наполнения, и прошли к одному из столов, грубо сбитых из неструганых досок. Скамьи также не отличались качеством. Все было сделано наспех, неаккуратно и кое-как. Это даже покорило девушку.

— Спасибо за совет, — она осторожно присела, чтобы не занозиться.

Таня не сводила с нее удивленных глаз. По опыту она знала, что у рабов нет чувства осторожности, почти напрочь отсутствует рефлекс самосохранения. Им его просто отбивают.

— Надо же, «спасибо», — усмехнулась она. — Скажите пожалуйста, рабы какие нынче вежливые пошли. Ну ты точно странная.

— Я не знаю. Я такая, какая есть, — пожалала плечами безымянная девушка.

Таня захлопала глазами и даже недоверчиво покачала головой. Вдруг она, глянув куда-то поверх головы безымянной подруги, напряглась и резко наклонилась над тарелкой. Словно неожиданно сильно проголодалась и решила суп просто выпить, не тратя время на долгую работу ложкой.

— Наклонись, живо! — скомандовала она почти грубо. — Не поднимай голову, прямо сейчас, слышишь? — потребовала она, и даже потянула

девушку за рукав, при этом больно ущипнув.

— А что такое? Что случилось? — девушка неуверенно подчинилась, но ее одолевало любопытство.

— Сиди и молчи, — почти не шевеля губами, потребовала Таня.

Девушка пригнула голову, как ей и велели, искоса огляделась. Почти все, кто сидели за столами, также опустили головы и ели медленно и тихо, не слышен был даже стук алюминиевых ложек о металлические миски. Мимо навеса, импровизированной столовой в полевых условиях, неспешно прогуливался красивый мужчина, брюнет с аристократическими чертами лица. Он словно кого-то выискивал среди обедающих, но так, не спешно, не срочно, а просто, чтобы по-приятельски кивнуть и поприветствовать.

Девушка узнала его, и улыбнулась Тане.

— Я его знаю, — шепнула она подруге, но та, шикнув, незаметно для других показала кулак и с силой пнула под столом.

— Молчи, дуреха, если жизнь дорога, — прошипела она с таким выражением, что девушка почла за лучшее подчиниться и больше не высовываться.

Оказавшись в поле, принявшись за работу, девушка решила вернуться к интересующему ее вопросу.

— Таня, а почему на этого человека нельзя смотреть? — спросила она.

— Почему нельзя? — глаза девушки были серьезны. — Были, кто смотрел, и были они симпатичными, даже красотками, вот в тебе что-то такое же есть. Так вот, все они мертвы.

— Как это? — удивилась девушка. — У него такое свойство что ли, он взглядом убивает?

Таня изумленно поглядела на нее.

— Слушай, ну у тебя и шутки, подруга... Нет, у него свойство мучить и убивать.

— Не может быть, — девушка округлила глаза. — А с виду такой... порядочный. Он красивый. Благородный.

— Смотри-ка, уж не влюбилась ли ты? — хохотнула Таня, но как-то нервно. — Слушай, а ты точно раба? — спросила она и потянулась к руке девушки.

Знак рожденного в рабстве никуда не пропал, тот же квадрат с цифрой в треугольнике.

— Не знаю, может, ты рождена от хозяина, и он тебя обучал? А потом ты ему надоела, или как-то сильно провинилась, и он тебя нам продал? — предположила брюнетка.

— Не знаю, — в очередной раз пожала плечами неизвестная. — Может, и так, и меня везли к вам, только я из поезда выпала.

— Как это из поезда? Ты и на поезде ехала?

Это откуда же тебя перевозили? — Таня не на шутку взволновалась, и снова потянулась к руке с татуировкой.

— Я очнулась рядом с железнодорожным полотном. Я сначала подумала, что разгружала уголь, — улыбнулась девушка.

— Уголь? Почему?

— Не знаю, я была в фуфайке. И у меня все болело, и рядом проносились поезда.

— Да, ты загадочная, — проговорила Таня. — Только, если мы не будем работать, нас просто прибьют, и твоя загадочность тебя не спасет. А может... как раз она и спасет... — проговорила она задумчиво.

Вечером они легли рядом на одну кровать. Смотрели на звезды, обнявшись, словно согревая друг друга душевным теплом.

— Знаешь, — обратилась Таня к подруге. — Ты завтра утром испачкай лицо землей.

— Зачем это?

— Это мой тебе дружеский совет. Не хочу потерять подругу, — мрачно сообщила Таня. — Просто сделай, как я сказала, и тогда, возможно, взгляд Генриха тебя не убьет, как других.

Совершенно неосознанно эта черноволосая девчонка почувствовала в своей новой подруге что-то такое, что притягивает к ней мужчин. А если

еще они несут в себе зло, как хозяин этих проклятых плантаций, то это странное загадочное существо притянет и его. А так жалко потерять близкую душу, а Таня уже считала ее именно такой, поверив ей и практически влюбившись в ее сосредоточенный серьезный взгляд, задумчивые глаза и поразительно гармоничные черты лица, наполненные каким-то смыслом, одухотворенные и притягательные. Жаль, что вся ее жизнь пройдет на этом поле, и она обречена на долгую жизнь в неволе и мучительную смерть. Но пусть лучше живет так, чем умрет.

Большой абсолютно круглый диск луны, белый, светящийся, словно внутри него включилась лампочка, заглянул в окно напротив кровати двух девушек, тесно прижавшихся друг к другу.

— Морей неведомых далеким пляжем идет луна, жена моя... — услышала Таня тихий голос девушки и пораженная приподнялась на локте.

— Слушай, а это еще откуда?

— Я не знаю.

— Ты ничего не знаешь, ничего не помнишь, а выдаешь такое... Я за один день знакомства с тобой уже устала удивляться.

— Красиво, правда? — улыбнулась девушка, ее глаза в темноте блестели, отражая свет луны.

— Нет, ты не можешь быть рабой, рожденной в рабстве. Ты слишком много знаешь для этого, —

рассуждала Таня, снова улегшись на подушку. — Или у тебя все же был покровитель, который тебя всему обучил.

— Слушай, Таня, а ты знаешь, чьи это стихи? — оживилась вдруг девушка.

— Нет, не знаю. Я поэзией никогда не увлекалась.

— А чем ты тогда увлекалась?

— Ну, фэнтэзи любила читать. Знаешь, что это такое?

— Фэнтэзи? — девушка проговорила это слово, будто пробуя на вкус. — Нет, не знаю.

— Знаешь, конечно. Знаешь, но не помнишь. Теперь я в этом уверена, — заключила Таня. — Только вот что, — она снова приподняла голову и обратилась к подруге, — поменьше болтай со всеми, ладно? И никому не смотри в глаза — дольше проживешь.

— Хорошо, спасибо, — кивнула девушка, приобнимая подругу.

— Надо же, какая вежливая, опять «спасибо», — улыбнулась Таня и сладко зевнула.

— Приятных снов, — сказала ей девушка.

— И тебе, — произнесла ошарашенная голубоглазка.

Утро выдалось хмурое. Низкое небо затянули матово-белые облака, и тусклый глаз солнца едва

угадывался сквозь их пелену. Какой-то серый свет лился на землю, мягкий ветер обволакивал, неся свежесть с гор. Девушка отчаянно зевала, ей ужасно хотелось спать.

Разбудил ее, как и всех ее соседок по бараку, стук железного прута о рельсу. Очень не хотелось раскрывать глаза, но Таня отчаянно трясла ее за плечи.

— Вставай сейчас же, — шептала она недовольно. — Чего разлеглась? Ты не на курорте. Нет, ну как ты так можешь-то, а? Совсем ведь без меня пропадешь. И как ты только дожила до своих лет с такой любовью поспать!

Девушка распахнула голубые глаза и улыбнулась ей.

— Доброе утро, — сказала она.

— Когда это оно бывает добрым, — ворчала брюнетка, застегивая пуговицы на сарафане. — За восемь лет ни одного такого не было. Разлеглась тут. Кнута отведать хочешь?

— Нет, конечно, не хочу, — девушка резво вскочила с кровати и принялась одеваться, но на лице осталась загадочная улыбка, отзвук ночного сна.

Таня, поспешно заплетая косу, наблюдала за ней.

— Чего улыбаешься-то? Приснилось что ли что хорошее? — поинтересовалась она.

Она уже давно не видела никаких снов. Первый год после того как ее поймали и продали сюда, на плантации, ей каждую ночь снился родной дом и любимый парень из соседнего потока, а потом... все забылось, запылилось. За столько-то лет она успела примириться со своей участью. Человек ко всему привыкает.

— Да, приснилось, и очень хорошее, — девушка потянулась, выгибая спину, и столько было в ней грации, что Таня засмотрелась на нее.

Ее удивили крепкие мышцы на руках и крепкий пресс таинственной незнакомки. Откуда все это? Нет, она не простая рабыня, у нее есть какая-то тайна, о которой она сама, к сожалению, не помнит... если не врет... Хотя, нет, у нее очень честные глаза. Такой человек не может врать и изворачиваться.

— Ну так расскажи, — добровольная покровительница потащила девушку к выходу, где столпились все их соседки и дежурный пересчитывал их, сверяясь со списком. Та на ходу застегивала пуговицы серой застиранной блузки с чужого плеча.

— Это сложно объяснить, — девушка задумалась. — Мне приснилось лицо...

— Ну чего молчишь-то? — толкнула ее в бок товарка после долгих минут молчания. — Скоро на поле уж придем, а ты все в облаках витаешь...

Они поднимались по узкой протоптанной тысячами пар ног тропе на вершину склона тонкой вереницей.

— Если бы я умела рисовать, я бы его нарисовала для тебя, — сказала девушка.

— А ты не умеешь рисовать? — Таня тихо рассмеялась, чтобы не привлекать к себе внимания. — Мне казалось, что ты умеешь все.

— Понимаешь, это такое лицо... очень красивое. Такое гордое, правильное, такие глубокие глаза... кажется, серые, но это было видно не четко. Длинные волосы. Такие красивые, их еще ветер развевал.

— Так это женское лицо, раз волосы длинные.

— Нет мужское. Очень сильный мужчина.

— Как ты это поняла? Если только одно лицо видела.

— Я не могу объяснить, но это очень удивительный человек, в его посадке головы, во взгляде, во всех чертах просматривается такая сила, гордая и неукротимая, что дух захватывает, и глаз не оторвать.

— Ну ты даешь! — только и произнесла удивленная Татьяна. — Это надо же так описать. И надо же такое увидеть! Тебе это приснилось? Ты его раньше видела?

— Не знаю, — был ответ, как всегда лаконичный и конкретный.

— А что-нибудь еще видела? — Тане было интересно. Она словно читала интересную книгу, слушая эту незнакомую девушку. В ее жизни так давно не было ничего красивого.

— Кажется... не помню... как будто... ощущение такое, будто это осень.

— Почему осень? Опять осень?

— Да, может быть, поэтому и приснилось так, потому что накануне я об этом долго думала, словно пытаюсь что-то вспомнить...

— Если ты помнишь осень, значит ты не вечно жила на юге. Где же ты была? Кто же ты?

— Там много желтого, багряного, золотого... и голуби. Я как бы и не видела их, а слышала их воркование. Ну знаешь, как они переговариваются между собой?

Таня только кивнула, раскрыв рот.

— И шуршание листьев слышала. И легкий шум ветра. Будто одежда на ветру трепещет. И волосы у него развевались. Красиво. И лицо красивое, и ощущения красивые. Замечательный сон. Как жаль, что короткий, — девушка вздохнула.

— Пойдем, подойдем к дежурному, может, он скажет, как тебя называют, — Таня потащила подругу за собой к мужчине, который шел впереди толпы, недавно всех пересчитавший в долине.

Девушки и женщины уже расходились по полю, занимая свои грядки, закрепленные за ними.

Им предстоял длинный день, нудная изнурительная работа и тоскливое ожидание вечера, когда все закончится и можно будет забыться коротким тревожным сном.

А Татьяне так хотелось увидеть это красивое лицо. И вспомнить осень. Она так ее не ценила. Все время было некогда остановиться и рассмотреть мир вокруг себя. Стоило все это потерять, чтобы сейчас, находясь на другом конце страны, без прав и без будущего, слушать о красоте мира от девушки, рожденной в рабстве.

Дежурный хмуро смотрел на приближающихся к нему девушек.

— Чего надо? — грубо спросил он.

— Махмуд, — обратилась к нему Татьяна. — Скажи, у этой девушки есть какое-нибудь имя? — и она указала на молчавшую блондинку.

Махмуд прошелся тяжелым взглядом по лицу девушки, сплюнул в сторону и вновь уставился на Татьяну.

— А тебе какое дело?

— Ну, надо же ей знать, как ее зовут. И мне надо к ней как-то обращаться.

Он протянул руку, в которой был зажат кнут, и его концом поднял лицо девушки за подбородок. Та невольно поморщилась и отодвинула голову, отталкивая кнут. Мужчина неприятно оскалился.

— Строптивая, — процедил он. — Быть тебе

битой. Уж Генрих позаботится.

— Так как на счет имени? — напомнила о себе Татьяна, с беспокойством глядя на мужчину. Чего это он так себя ведет? Ох, не стоило к нему подводить эту странную мечтательницу и лишней раз привлекать к ней внимание.

— Никак. У меня она стоит под номером семь, — бросил Махмуд, и замахнулся. — А ну пошли работать, твари.

Таня почла за лучшее тут же исчезнуть с его глаз долой.

— Семь, как же, — бурчала она, не выпуская руку девушки. — Звать тебя, что ли, Семеркой?

Спину нещадно ломило, сказывалась вчерашняя нагрузка. Не будучи привычной к долгому сидению на корточках, девушка страдала, не смея подняться, чтобы прогнуться в пояснице и хоть немного ослабить боль. Танины предупреждения о скором и быстром наказании возымели свое действие, и девушка предпочла встать на колени, чем немного облегчила свое положение. Правда, часа через три в такой позе колени были содраны в кровь.

Она видела, как несколько человек получили свою порцию наказания, слышала свист кнута, грубую ругань зрителей, и скрипела зубами, не понимая, зачем это делать. Вряд ли на этом поле есть хоть кто-то, кто намеренно замедлял работу.

Она видела слезы, стертые украдкой грязными ладонями, гримасу боли и слышала невольные вскрики. Боже, зачем же так?

Ближе к полудню на поле снова появился хозяин плантаций. Одетый во все белое, он шел так, словно гарцевал на ретивом скакуне, лицо его светилось каким-то внутренним светом, и девушка, заметив его издали, засмотрелась на высокого рослого человека, уверенного и такого красивого. Конечно, его нельзя сравнивать с тем мужчиной из ее сна, но все же, по-своему, он тоже красив, также горд, разве что... в его лице есть что-то неумовимо опасное. Теперь она это чувствовала.

— Видишь его? — спросила тихо Таня, из-под ресниц наблюдая за ним. — У, гад, чтоб он сдох! — проговорила она с таким чувством, что ее соседка по грядке замерла, в удивлении уставившись на нее.

— Опустит голову, — проговорила тихо Таня. — Не забывай: он появляется — ты исчезаешь.

И словно в подтверждение сказанных слов об опасности данного человека, девушка стала свидетелем ужасной сцены.

Генрих подошел к одному из дежурных, приведших группу женщин из соседнего барака, и что-то зашептал ему на ухо, указывая пальцем вытянутой руки в сторону какой-то склоненной фигуры, одной из его подопечных. Дежурный с

хищным блеском в глазах посмотрел в том направлении, и девушка, которая привлекла их внимание, сжалась, побледнев и замерев на месте. Дежурный дал знак своим помощникам, и те направились к девушке, которую указал им хозяин. Как только ее подняли под руки, грубо, рывком, она запричитала, заголосила, о чем-то умоляя их, пока ее тащили через все грядки в сторону хозяйского дома. Но ее просьбы были тщетны. Никто не собирался ей помогать, никто не мог отменить приказ хозяина.

Он хозяин плантации, он хозяин всех этих женщин. Он заплатил за их жизни деньги, они в его воле, в его руках, в его власти.

За большим домом, скорее даже, усадьбой, располагались конюшни, сараи и, как подозревали многие, шепотом передавая эту информацию друг другу вечерами в своих бараках, подвал для пыток в одном из служебных помещений хозблока.

Генрих с отстраненной улыбкой наблюдал за этой драмой, словно любовался забавной игрой ребятишек. Как только он повернул голову в сторону поля, все, как по команде, вновь склонили головы к земле.

Семерка молча наблюдала всю эту сцену, без единого выражения на лице, и лишь широко распахнутые глаза выдавали ее волнение. Неожиданно для Тани она зачерпнула рукой горсть

земли, и стала водить ею по своему лицу, вымазывая себя с остервенением, говорившем об истинных ее чувствах. Обе не заметили, что Генрих орлиным взором наблюдал этот всплеск эмоций, и ироничная улыбка расплзлась по его жестокому лицу. Что-то напевая себе под нос, нисколько не страдая от отсутствия солнечного света, он направился вслед за девушкой, крики которой доносились издалека словно писк странной птицы.

ГЛАВА 3

Пролетело несколько дней, серых и безрадостных, лишенных каких-либо событий, но девушку радовало хотя бы то, что Генрих больше не появлялся в поле и больше никого не забирал.

Какое-то томление не оставляло ее, но дать ему название и понять причину его возникновения она не могла. Что-то не так в этом мире, что-то не так с этим небом, что-то не правильно в ее жизни, но что? Где ее мать? Где она раньше работала? Кому принадлежала? А надо ли ей это знать? Разве сейчас ей плохо? Ее не бьют, у нее даже появился близкий человек — Таня, красивая, добрая, хорошая. А кто был раньше рядом с ней? Может быть, все было настолько плохо, что она даже не может это вспомнить? А Генрих — знает ли он что-то о ней? Ведь у кого-то он ее купил. Откуда-то

ее везли...

Однажды после ужина девушка решила пройтись одна, в наступающих сумерках, под стрекот цикад. Природа замерла, духота и парение говорили о приближающейся грозе, и Семерка вдруг испытала прилив сил, даже какую-то радость. Будет гроза? Наверное, это здорово, иначе чего бы ей так радоваться этому.

«Лететь по ветру кувыркаясь, качаясь, прыгая и плача с дождем дуэтом...» Что это? Откуда эти строки? Почему она вдруг вспоминает какие-то стихи? Кто ее обучил этому?

Девушка подняла глаза, рассматривая вдали горы, величественные и равнодушные ко всему земному. Их красота и холодность тронули ее до слез. Она смотрела на их снежные шапки, теряющие четкость очертаний в душном мареве, окрашенные в этот час в розовые оттенки заходящего солнца, и не понимала, откуда на глазах появились слезы. Почему? Что в этом такого? Или все, кто смотрит на горы, испытывают в такие моменты необъяснимую тоску по чему-то неведомому? Ближайший склон, покрытый низким кустарником, таких эмоций у нее не вызывал.

Впереди замаячила высокая фигура. Мужчина шел навстречу Семерке, неспешно и вальяжно. Еще не видя его лица, девушка по манерам поняла, что это Генрих. Что он здесь делает в такой час?

Обычно, в это время, как девушка слышала, он проводит время с родственниками и друзьями в своей усадьбе. Что ему понадобилось на этой узкой тропе между крутых склонов, вблизи барачков, таких неприглядных, таких грязных и запущенных?

Семерка остановилась, не решаясь продолжить путь, а Генрих, наоборот, заметив ее, приветливо помахал рукой и ускорил шаг, стремительно сокращая расстояние между ними.

— Рад тебя видеть, — улыбнулся мужчина, поравнявшись со своей рабыней.

Не переставая улыбаться, он вдохнул пьянящий запах травы и листвы, росшей по одной стороне тропинки, ведущий в лагерь, расположенный в низине.

Девушка вежливо кивнула, опустил глаза и стараясь не смотреть на него. Сердце учащенно забилось.

— Как твои дела? — Генрих приблизился к девушке вплотную, заглядывая в ее огромные от страха глаза. — Я смотрю, ты плакала? — он вдруг протянул руку и пальцами стер ей слезы. — Не плачь, не надо. Все будет хорошо. У кого-то обязательно все будет хорошо, — сказал он, сверкнув глазами из-под темных бровей.

— Я хотела бы, чтобы хорошо было у меня, — произнесла девушка.

— А разве у тебя что-то плохо? — мужчина

поднял брови, изобразив удивление. — Насколько мне известно, с тобой обращаются довольно неплохо. Для рабы, рожденной в неволе — это уже отличные условия. Ты чем-то недовольна?

— Нет, что Вы, я довольна, — прошелестела девушка, не поднимая глаз. — Но почему мне так хочется улететь отсюда? Здесь так красиво, но я понимаю, что это не мое.

Генрих внимательно посмотрел на говорившую.

— Разумеется, это не твое. Раньше ты работала в таком месте, где света божьего не было видно, понимаешь? Тебе разрешено видеть эту красоту и великолепие природы, но ты никогда раньше с таким не сталкивалась. Я не удивлен, что ты не можешь к этому привыкнуть.

— А где я раньше жила? Каким был мой хозяин? Моя мать осталась там? Она жива? — девушка вдруг решила, что Генрих может что-то знать о ее прошлой жизни. Может быть, он прольет немного света на ее прошлое?

— Почему ты решила, что я интересуюсь прошлым своих рабов? — холодно произнес мужчина.

Семерка поняла, что вопросы ему не понравились. Она потеряла бдительность, переступив черту. Он хозяин, а она никто, и не имеет права приставать к нему с расспросами.

— Простите меня, — прошептала она, склонив голову.

Генрих насмешливо улыбнулся, протянул руку, и за подбородок поднял лицо девушки.

— Пойми, я рад бы был тебе помочь, но я мало что знаю о том, что с тобой было прежде. Я не был там, где тебя купил, переговоры велись на расстоянии, через посредников. Так всегда происходит. К тому же, покупку рабочей силы не сопровождают личными документами и сведениями о персональных данных. И их родословная не прилагается, это же не породистые щенки, понимаешь?

— Нет.

— Конечно, нет, — он покачал головой, не сводя с нее снисходительного взгляда. — Ничего удивительного, — он пожал плечами. — Просто я не знаю, кто ты, и ты не знаешь кто ты. Так что можешь быть кем хочешь. Ага? — он ей подмигнул.

Девушка подняла глаза на мужчину, и в них зажегся какой-то неведомый свет, от сияния которого мужчину прошиб холодный пот. Он с трудом сдержался, чтобы не наброситься на нее, не сдавить ее трепетное тело в жестких объятиях, не сжать свои пальцы на нежной шее. Еще не время, надо подождать. Надо как следует разогреться. Еще пара недель, и тогда можно будет насладиться этой

прелестью. Он облизнул вмиг пересохшие губы, стараясь дышать медленнее и тише, чтобы утихомирить разбушевавшееся сердце, и резко отвернулся, чтобы девушка не заметила то, что с ним сейчас происходит.

— Какая вокруг красота, ты не находишь? — спросил, не оборачиваясь.

Засунув руки в карманы белых брюк, поднял голову, рассматривая темнеющее небо, на котором лишь вдалеке прощальными алыми всполохами лучи солнца коснулись облаков. За горизонтом на мгновение край неба осветила яркая вспышка. Через мгновение издалека донесся шум, раскатом пронесся над их головами и бухнул со всей силы буквально над ними, рассыпавшись на осколки.

Девушка улыбнулась, даже, кажется, рассмеялась.

— Что, тебе совсем не страшно? — обернулся к ней хозяин.

— Нет, ни капли. Это так красиво, так фантастично! — она подняла голову, зажмурилась, чувствуя на лице ветер, прилетевший с первым ударом грома.

Похолодало и мгновенно потемнело. Мужчина не сводил глаз с девушки. Она выглядела так необычно, была так прекрасна, что он поймал себя на мысли, что готов снять пиджак и набросить ей на плечи. А еще — читать ей Байрона. Черт

подери, девчонка необыкновенна! Она изумительно хороша! О, как страстно он будет читать ей стихи, когда захлебываясь клокочущей в горле кровью, она будет кричать. О, он не сомневается, что она оценит и глубину произведения, и красоту стиха, и мастерство его декламации. Уж кто-кто, а она вполне способна это оценить. Он сглотнул, заставляя себя отогнать такую манящую картину. Еще не время.

— Тебе пора, — произнес он глухо. — Сейчас начнется дождь, да и опасно гулять в грозу. Иди, тебе надо выспаться.

Очередная вспышка осветила странное существо невдалеке. Не поняв, что это такое, девушка вскрикнула от неожиданности и непроизвольно сделала шаг ближе к Генриху.

— Там кто-то есть, — она указала пальцем в сторону темной бесформенной фигуры. Следующая вспышка позволила Генриху узнать своего племянника.

— Это Гай, не пугайся, — он расхохотался. — Он в любом случае не причинит тебе вреда, если ты, конечно, не будешь к нему приближаться.

Девушка пристально вглядывалась в темноту, и смогла, наконец, разглядеть молодого человека в инвалидном кресле. Черты лица читались смутно, взъерошенные длинные волосы торчали иглами растрепанного дикобраза во все стороны, блестели

цепочки на запястьях, хромированные обода колес и белки глаз.

— Что ты там делаешь? — услышала девушка его сердитый голос.

— Я наслаждаюсь грозой, а что ты здесь забыл? — ответил хозяин плантации.

— Меня послали за тобой. Эльвира ждет тебя на партию в покер, а Максуд жаждет с тобой о чем-то посекретничать за кальяном.

— Ну конечно, и больше некого было послать за мной? Только безногого? — Генрих расхохотался.

— Я люблю грозу, и не боюсь, — проворчал Гай. — Ты идешь? — спросил он требовательно.

— Конечно, Гай, конечно.

Генрих взял девушку за плечо и подтолкнул вниз по тропинке.

— Беги, тебе пора отдыхать. Скоро увидимся, моя дорогая, — почти прошептал он и направился к родственнику, ожидающему выше по склону.

— Какая-то ты сегодня странная, — прошептала Татьяна, все утро наблюдавшая за подругой. Она работала довольно быстро, чтобы находиться все время рядом со своей подругой, которая непрестанно вызывала ее живой интерес. А Тане нравилось заботиться, опекать, шествовать.

— Странная? — Семерка не прекращала

прополку. У нее стало получаться вполне sporo и аккуратно. — Не знаю. Вряд ли... Вовсе нет, — она даже помотала головой.

— Да, с одной стороны, та права. Называть странную девушку особенно странной — это смешно, — Таня хихикнула. — Но вот честно, слушай, сегодня ты особенно странная, — ее глаза лучились весельем.

Эта девушка научилась жить в данных обстоятельствах, смирилась с такими условиями. Ее слезы в подушку и проклятья в адрес неба остались далеко позади. Она приняла тот факт, что жизнь поделилась на «до» и «после», и выглядела необычно в этой среде, на фоне хмурых, подавленных женщин. Она черпала силы в своей врожденной жизнерадостности, которую ничто так и не поколебало, лишь на время подавив страшным откровением о том, что ее жизнь закончится здесь. Подавив, но не раздавив.

В основном, здесь были те, кого украли из их мирной нормальной жизни, и в отличие от тех, кто был рожден в неволе, им было, что терять там, в другой жизни, и воспоминания мешали свыкнуться и смириться с ужасной действительностью. Безысходность и отчаяние, невозможность поверить в происходящее и уверенность, что этот кошмар обязательно когда-то закончится, изводили всех, кто здесь находился. Мысль, что это могло

случиться с кем угодно, но только не с ними, заставляла сердце обливаться кровью. Все-таки это случилось именно с ними, с каждой из присутствующих здесь, уже безликих существ. Им оставалось только похоронить свои воспоминания и никогда не загадывать на будущее, чтобы боль, наконец, могла притупиться. Но мысли о мужьях, детях, родителях никогда не покидали их, делая существование невыносимым. Только страх перед наказанием заставлял прятать душевные страдания и отчаяние глубоко внутри, что прорывалось наружу через тусклый взгляд потерянных глаз, не находящий покоя и отдохновения от душевных мук и терзаний.

— Так в чем дело? — Таня не отставала от девушки. — Скажешь мне, или придется тебя пытаться? — она прищурила глаза.

— Пытаться? — Семерка напряглась и странно посмотрела на болтушку. У той сразу слетела улыбка с хорошенького личика.

— Тьфу ты, — сплюнула она, — ну чего ты, в самом деле! Это же шутка такая.

— Шутка? А с той девушкой, которую утащили в подвал к хозяину, тоже пошутили? — Семерка все больше мрачнела.

— Так ты из-за этого такая хмурая и задумчивая? Да? Ты вчера вернулась очень молчаливая. Где ты была? Куда ходила?

— Я видела одного человека...

— Так я и думала! Тебе кто-то понравился, да? Ты влюбилась? — Тане не хватило терпения дослушать подругу до конца, и она сразу же сделала свой вывод. — Только имей в виду, любовь охранников не освободит тебя от необходимости работать в поле, понимаешь? Максимум, на что ты можешь рассчитывать, что тебя точно перестанут бить, и только. И то только до тех пор, пока ты не надоешь. А я думаю...

— А я думаю, что влюбиться здесь не в кого, — перебила ее девушка. — Да и что такое любовь... — она задумалась, непроизвольно остановив работу.

— Ну вот ты какая. «Ну что за любовь». Ну скажи, что ты можешь знать о любви? — бубнила рядом Татьяна. — Работай, давай, нечего расслаживаться, а то на нас уже поглядывает Махмуд. Полюбит так, что мало не покажется. Кстати, — она резко остановилась и уставилась подруге в глаза. — Махмуд — садист, избегай его. Он не только бить не перестанет на работе, но и вечером тоже не пожалеет для тебя и кулаков, и плетки, понятно? В кровати, — многозначительно произнесла она. — Слышала от очевидцев.

— Махмуд меня не пугает, — проговорила Семерка. — Пусть только сунется.

— И что ты сделаешь? — не поверила ей

Таня. — Утопишь в слезах? Перешибешь плевком? Раздавишь презрением?

— Не знаю, как пойдет, там видно будет, — совершенно серьезно ответила девушка.

Татьяна не могла скрыть восхищение.

— Ну ты, девка, даешь, — проговорила она. — Ты такая... крутая! Слушай, а может быть, ты находилась в школе боевых рабов, и тебя обучали убивать ради хозяина? — она первая засмеялась над своей шуткой. — Ты умеешь драться? Знаешь приемы?

— Ну какие приемы, о чем ты говоришь, — Семерка уже работала, опустив голову. — Я просто знаю... знаю... что себя нельзя давать в обиду, понимаешь?

— Я бы поняла это, если об этом говорил кто-то другой, а не ты, — пробормотала девушка, задумчиво поглядывая на Семерку. — Нет, ты странная.

— А кто он? — задала странный вопрос Семерка. — Можешь мне сказать про кое-кого?

— О ком ты? Ах, да, ты же кого-то встретила! И это не любовь всей твоей жизни, — Таня не удержалась от смешка. — Так о ком речь?

— О Гае, — Семерка вспомнила, наконец, как зовут того юношу в инвалидной коляске.

— О ком? — Татьяна на мгновение онемела. — Час от часу не легче! Где ты его

видела? Где ты вообще могла с ним встретиться?

Новое открытие повергло ее в священный ужас.

— Слушай, Семерочка, так ты ходила в усадьбу? Зачем? Какая ты неосторожная...

— Нет, я никуда не ходила. Ко мне пришел Генрих, а потом я увидела Гая.

— К-кто к тебе п-пришел? — Таня стала заикаться. — Генрих? К тебе?

— Я думаю, что Генрих пришел ко мне. Он шел из кустов, а не со стороны наших барачков, словно поджидал там. Что ему там было делать? Возможно, он хотел поговорить со мной.

— Ну ты даешь. От скромности точно не умрешь, — Таня во все глаза смотрела на подругу, и не знала, смеяться ей, или начинать за нее опасаться. — Повторю еще раз: хочешь жить — прячься от него.

— Мне надо было убежать, повстречав его на узкой тропе в кустарнике?

— Да! Бежать со всех ног, надеясь, что он тебя не разглядел и не запомнил.

— Но он разглядел, и давно запомнил. Он первым встретил меня в мой приезд сюда, и накормил обедом.

— Что? Обедом? Да ты не странная, ты — ненормальная! И ужасно несчастливая. Ну точно, блин, в следующий раз придут за тобой, — Таня

чуть не разрыдалась. Она уже представила эту картину в красках и принялась оплакивать и свою несчастливую подругу, и такую короткую дружбу.

— Он интересный, — не согласилась с подругой Семерка. — Опасный, это так, но... жутко притягательный. В нем что-то такое есть... что не дает мне покоя. Не знаю, как сказать, но такой тип притягивает, понимаешь?

Семерка посмотрела на подругу в надежде, что та поймет все, на что у нее самой не хватило слов. Экспрессию и загадочность красивого брюнета, его харизму и магнетизм, изящность и ум. Он привлекал к себе, манил, он сильно интересовал Семерку, и она не могла разобраться в своих чувствах. Возможно, они могли бы стать друзьями. Быть может, у него она нашла бы какие-то ответы на свои вопросы. Зачем она здесь, что она, для чего живет? Ну не может он не знать такого.

— Гай не лучше своего дядюшки, — говорила тем временем Татьяна, чтобы как-то отвлечься от мрачной картины ближайшего будущего, уготованного ее несчастной подруге. — Про него страшные слухи ходят. Он выбирает себе служанку, а потом она попадает в лазарет, и через какое-то время он ищет новую. Он любит бить и калечить женщин. Издевается, оскорбляет, понимаешь? И часто они бесследно пропадают.

— Да как же он может их бить, когда он

инвалид, — не поверила Семерка. — Это все придумывают и сочиняют, чтобы как-то скоротать вечер.

— Не знаю, не знаю, а только к нему никто не хочет идти. Все хотят жить, понимаешь? Все они тут страшные люди.

— Но почему?

— Да потому что нелюди!

— А мне его жаль. Человек прикован к креслу, когда вокруг такая красота. Это словно тигр в клетке. Это тяжело. И не удивительно, что он может срываться. Он просто страдает.

Таня во все глаза смотрела на девушку и ничего не понимала. Она точно раба? Татуировка указывала на это, но вот сама девушка демонстрировала совершенно противоположное. Она была кем угодно в той своей беспамятной жизни, и борцом за права человека, и поэтессой, и художницей, но только не рабыней.

— Ладно, давай работать, — пробормотала она, с трудом отводя взгляд от красивой девушки. — А то заметят — не обрадуешься.

Их заметили. Махмуд со злобно сверкающими глазами неся на них, занеся руку с плеткой для удара. Замахнулся еще сильнее, подскочив к девушкам, и обрушил со всей силы хлыст, рассекая воздух, только все его усилия пропали даром. Семерка вдруг извернулась и схватила длинный

кнут рукой. Глаза ее при этом сверкали едва ли не ярче, чем у разъяренного мужчины. Тот со злостью потянул хлыст, но девушка не отпускала его. И все это происходило в абсолютной тишине.

Таня сидела на корточках, раскрыв рот и не смея произнести ни звука, но не могла поверить в то, что увидела. А все вокруг уткнулись в свои грядки, словно эта ситуация их совершенно не касалась.

Поймать хлыст — это же надо иметь такую реакцию, такую силу и такое... безумие! Все, теперь Семерочка точно пропала. Нажить врага в первые месяцы пребывания в лагере — это не к добру. Это к побоям и скорой смерти. Строптивым здесь не выжить. Будут обламывать, пока есть надежда, ведь в рабов все же вложены деньги, и задаром портить свой товар хозяин не намерен, но если невозможно подчинить себе, а такие случаи происходили время от времени, и сторожилы это помнят, то тут все, только попрощаться с гордячкой и оплакивать ее безвременную кончину.

* * *

Бертуччо отлетел в другой конец комнаты. Он сам не ожидал такого удара. Ошарашенный, полулежал, опираясь на локти, свезенные о ковер, и во все глаза глядел на брата. А Арсений едва

сдерживал гнев, не отрывая мрачного взгляда от кровавых губ друга.

— Арс, ну чего ты, ну прости, — прошептал Берт, кулаком вытирая кровь. Невольно покривился от боли: все же здорово Арс ему въехал. И голова гудит как колокол. Черт!

— Еще раз заикнешься про бордель — я тебя сотру с лица земли, — прорычал Арсений.

— Я понял, не дурак. Стоило так стараться. Я и с первого раза все могу усвоить и понять, — проворчал поверженный Берт, пытаясь подняться с пола. Он заискивающе посмотрел снизу-вверх на брата, надеясь на помощь, но Арсений проигнорировал его немую просьбу, и Бертуччо с кряхтением поднялся сам, упершись в колени. — Твою мать, Арс, я же о тебе беспоко...

— На черта обо мне беспокоиться, — закричал Арсений, перебивая друга, — я тебя об этом не просил!

— Проклятье! Арс, ты скоро на простых людей кидаться будешь! Просто так! Ты это понимаешь?

— Так помоги мне.

— Как? Связать тебя? Приковать цепями в подвале? Или пристегивать наручниками к кровати? О, точно, пригласим какую-нибудь красотку с пушистыми розовыми наручниками, и она тебя кааак...

— Заткнись! Я тебя прибую, прямо сейчас, — Арсений почти шептал, но взгляд его был полон решимости, и Бертуччо невольно испугался, что перегнул палку.

— Ты так реагируешь, потому что понимаешь, что я прав, и тебе хреново без женщины.

Арсений побледнел, заиграл желваками, но смолчал.

— Видишь, я прав, и поэтому ты молчишь, — тихо проговорил Берт.

— Конечно, ты прав, — прошептал Арсений, отводя взгляд. — Но если ты продолжишь эту тему, я тебя урою, это тебе понятно? По ходу, нет.

— Все, закрыли тему, — вздохнул Берт, убирая с лица волосы. — В этом чертовом доме есть чертово пиво?

— Поищи, может, тебе повезет, — Арсений уселся в кресло, демонстративно не глядя на своего друга.

Бертуччо вышел из зала, через некоторое время послышалось звяканье бутылок — он вполне успешно проводил инвентаризацию содержимого холодильника.

Арсений устало провел рукой по лицу. Костяшки пальцев саднило от удара. Да, каково же тогда пришлось Бертуччо. Но Арсу не было его жалко. В данный момент он тосковал и жалел себя.

Прошло почти два месяца, как он потерял

свою жену, и кроме тоски по ней, невыносимого одиночества и изводящей тревоги за ее безопасность, его стала одолевать другая тоска. Тоска по женщине. Да, он никогда не был монахом, и многое позволял в те времена, когда принадлежал одному себе. Но с тех пор, как он познал любовь своей девушки, многое изменилось. Бурная личная жизнь и постоянный секс с той, что сводила с ума и пробуждала голод буквально через минуту после его стопроцентного утоления, приучили его к постоянной непреходящей эйфории, как физической, так и психологической. И сейчас до сердечной боли не хватало ни того, ни другого.

Наверное, про такое состояние говорят, что человек готов лезть на стенку. Арсений с тоской посмотрел на ближайшую стену, на дорогие обои, так удачно оттеняющие общий интерьер модно обставленной комнаты. Однажды он здорово здесь все испортил, круша мебель от известия, что Света от него ушла. Как раз из-за измены. Больше он так поступить не может.

Не может! Ну не может, и все! И это не глупость, и даже не совесть. Это... верность. Да, ему просто страшно оступиться и сделать что-то, что вызвало бы ее презрение. Пусть Света никогда об этом и не узнает, но он-то будет знать, что совершил нечто такое, за что она перестала бы его уважать. О, он испытал на своей дубленой битой

шкуре, каково это — потерять доверие одной единственной, и потом мучительно долго и с огромным трудом по крупицам его восстанавливать.

И сможет ли он уважать себя, если сделает что-то, за что уважать его не сможет даже Берт?

Нет, главное — сосредоточиться на поиске Светланы. Ориентировки уже разосланы во все отделения Рыцарского ордена для проведения официального розыска.

Арсений тогда долго искал хоть какую-то фотографию жены. Она не любила фотографироваться, и в их совместной жизни не было сделано ни одного фото. Они нашлись у ее отца, но со сроком давности. Арсений тогда не мог внятно говорить, и Берт практически все сделал сам. Отвечал на вопросы Рыцарей, сообщал обстоятельства исчезновения, его предполагаемые причины, приметы пропавшей. Арсений лишь покосился в его сторону, когда брат сообщил о родимом пятне внизу живота на теле пропавшей девушки, но сил на какие-либо чувства и эмоции у него в тот момент не было. Да и какая разница. Чего теперь стоят эти препирательства, если самого предмета спора, этого извечного яблока раздора двух мужчин просто нет. Боже, где она?

Губернатор, узнав о случившемся, пообещал со своей стороны помощь, содействие и финансы.

Обещал сделать все, от него зависящее. Недавно из-за границы, из закрытой лечебницы вернулась его дочь, повзрослевшая раньше времени, познавшая боль и унижение, потерявшая часть той непосредственности и доверчивости, которые раньше так отличали ее от сверстниц, делая очаровательной и неотразимой. Но она дома, за нее отомстили, и глава города был полон решимости помочь человеку, вступившемуся за честь его семьи. О том, чего стоило это Арсению Луговому в свое время, губернатор не знал.

С его подачи на телевидении в новостях постоянно крутился сюжет о пропавшей девушке, фото, сведения, данные.

Арсений нанял частных сыщиков и детективов, пообещав озолотить в случае бесценной находки. Но время шло, а ничего не менялось. Люди прочесывали город за городом, выведывали, вынюхивали, шерстили и просчитывали тысячи людей, но до сих пор так и не смогли напасть на след Светланы.

Была объявлена баснословная награда тому, кто сможет сообщить хоть что-то о местоположении пропавшей девушки. Но как ни высока была обещанная сумма, не было человека, которому хоть что-то было известно. Между тем выяснилось, что город и область наводнены ненормальными людьми, психически не

уравновешенными, или довольно глупыми и легкомысленными придурками, которые по разным причинам сообщали совершенно противоречивые ложные сведения, только путающие поисковиков и вызывающие гнев и бешенство Арсения.

Психов он не трогал, но умникам, решившим нагреться на его несчастье, делалось недвусмысленное внушение, после чего вынужденные задуматься люди отправлялись в ближайшие госпитали, чтобы в тишине под наблюдением врачей предаться размышлениям на заданную тему и произвести переоценку ценностей в своей жизни.

Не может быть, что никто ничего не видел и не знал. Ведь должно быть хоть что-то, какой-то след, какое-то действие. Его отсутствие возможно только в одном случае — если Светы уже нет на этом свете.

Арсений похолодел при этой мысли, и снова его прошиб холодный пот. Нет, это не так, этого не может быть. Он по-прежнему чувствует, что она жива. Какая-то едва уловимая связь, чуть пульсирующая жилка, связывающая его со своей любимой, бьется в унисон с его сердцем, слабо, едва ощутимо, но бьется. Нет, он бы понял, он бы сразу почувствовал, если бы произошло непоправимое.

Прикрыв глаза, он тихо выдохнул воздух.

Боже, сколько еще он может быть на пределе своих физических сил? Сколько он еще может сдерживать свое отчаяние? Когда он выберется из этой бездны одиночества и страха за ее судьбу? Сколько он еще протянет в таком состоянии? Неужели никто не может ему помочь? Никто не может напасть на ее след?

В таком случае, где ее держат и для чего? Если второй месяц не подадут никаких вестей, то мысль о выкупе отпадает. Тогда в чем может быть дело?

Арсений замер, вцепившись руками в подлокотники кресла, и напрягся. Разве только... разве только ее оставили для себя, и не собираются ему возвращать. Никогда. Боже, это невыносимо!

Самое тяжелое, если отбросить на время собственные переживания и страдания, это смотреть в глаза ее отцу. Этот молчаливый человек, мудрый и добрый, конечно, все понимает, но от этого не становится легче. И каждый раз, встречаясь с ним, Арсений чувствует этот невысказанный вслух упрек: «не уберег». Нет, Владимир Черемухин ни разу ни в чем его не обвинил, да и что тут можно сказать, где и, главное, для чего искать виноватых, но боль за дочь так явно читается в его глазах, лежит печатью безысходности на его лице, вмиг постаревшем и осунувшемся. И каждый раз, возвращаясь со

встречи со своим тестем, Арсений рычал, бегая по комнате в бессильной ярости, круша невидимых врагов, и не имея возможности сделать это в реальности.

Мать же ее изводила его постоянно. Она звонила и рыдала в трубку, обвиняла его во всех смертных грехах, обзывала и кляла. Хотелось заметить ей, что в прежние времена она не обременяла себя обязанностью заботиться о дочери, в то время как сейчас готова показывать всему миру свою материнскую любовь, но Арсений молчал, сдерживаясь и мысленно чертыхаясь всякий раз, когда по неосторожности сам снимал телефонную трубку и слышал дребезжащий голос, до смерти его раздражающий.

Сказать в ответ ему было нечего. От нее он не слышал ничего нового, в чем бы сам уже не обвинил себя тысячу раз. К делу это не относилось, пользы от этого не было никакой, и смысла впадать в демагогию он не видел. Поэтому почти все время разговора, а вернее монолога испуганной и расстроенной женщины, молчал, изредка издавая какие-то звуки, призванные дать понять его нежеланной собеседнице, что он ее внимательно слушает и проникся всем, что она выливает на его голову.

Он тяжело поднялся с кресла и подошел к окну. Сумрачное небо давило, вгоняло в депрессию,

и мужчина закрыл глаза. Было невыносимо стоять вот так, в безопасности, тишине и одиночестве в то время, как его единственная любимая и нужная ему женщина находится там, куда невозможно проникнуть, куда не доходят его сигналы, где никто ничего не знает о его пропаже. Где же она? Что с ней? Не мучается ли она и не страдает? Больно ей и холодно, или все же хорошо?

Когда он ее найдет, а он не позволял себе думать иначе, он не пощадит тех, кто удерживал ее так долго вдали, в неизвестности, какими бы ни были условия ее содержания.

Он прикрыл дрожащие веки. Где бы она ни была, пусть ей будет хорошо, и пусть ее окружают добрые люди. Пусть никто не причиняет ей страданий и не мучает ее. Пусть ей будет хорошо.

Скупые слезы скатились по щекам. Слезы беспомощности и бессилия. Слезы одиночества и боли от потерянной мечты, слезы разбитого счастья. У него снова вся отняли, перечеркнув его жизнь.

* * *

— Ты не можешь ввести ее в дом! — глаза мужчины, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

— Почему нет, Максуд? — Генрих лениво крутил в руках зажигалку, не торопясь прикурить.

Он любовался видом вокруг. Вот сколько живет здесь, а красота этого края до сих пор потрясает его, вгоняя в дрожь и трепет.

— Да пойми ты, она какая-то не такая, у нее странный взгляд — она распугает всех женщин в этом доме, — Максуд горячился.

— А ты это знаешь наверняка? Или самостоятельно решил, что мои родственницы трусихи? — усмехнулся Генрих. — Боюсь, узнай они об этом, особенно Регина, тебе этого не простят. Ай-яй-яй, так плохо думать об этой амазонке, — он показал зубы в насмешливой улыбке, — не позавидую тебе, братец.

— Особенно Регина, — не сдавался мужчина, до глаз заросший бородой. Его глаза сверкали из-под густых бровей. — Ей будет неприятно находиться с ней под одной крышей.

— Полно говорить чушь, — Генрих делано поморщился. — В этом доме полно слуг из рабов с плантаций, и до сих пор Регину это нисколько не оскорбляло. — Он поднялся с плетеного кресла и подошел к перилам веранды, любуясь кустами роз, окружающими веранду по всему периметру. — Напротив, она вполне успешно пользуется их услугами, и даже не может обходиться без их помощи. Они наполняют ее ванну, стирают ее одежду, приносят еду и выполняют многое другое, что она уже давно разучилась делать

самостоятельно.

— Ты не понимаешь, — мужчина подошел к нему. — Ты просто не понимаешь, — он поднял палец, но так и не произнес ни слова, лишь махнул рукой, и отошел в дальний конец веранды.

— Довольно, какова истинная причина твоего несогласия с моим решением? — Генрих оторвал взгляд от гор, виднеющихся вдаль, и обернулся к своему собеседнику.

— Она рабыня!

— Да ты меня удивил, — Генрих даже не улыбнулся. — Я этого не знал. Спасибо, братец, что открыл мне глаза на этот факт.

— Рабыня от рабыни — это животное, и ей не место в доме господ.

— Рабыня от рабыни? Точно? Ты уверен?

Взгляды мужчин встретились, Максуд опустил глаза и отвернулся.

— Мы-то с тобой знаем, братец, как обстоит дело в действительности.

— Да, но ее тату говорит об обратном, и все будут видеть ее знак и морщиться, и брезговать, и избегать ее, и какой тогда смысл будет в ее пребывании в этом доме, а? Скажи мне, Генри!

— Достаточно того, что смысл этого вижу я один, — проговорил холодно красивый брюнет. — Мне этого достаточно, а мнение других по данному вопросу меня несколько не интересует. Я не

привык считаться с кем-либо, если это не касается политических вопросов и кровных интересов семьи. Так что оставляю за собой право в данном вопросе поступать так, как считаю нужным. А я желаю, чтобы она была в этом доме.

— Конечно, Генри, ты поступишь так, как хочешь, и кто тебе в этом помешает, но... я хочу, чтобы ты знал, что я против, — проговорил Максуд, не поднимая глаз.

— Если ты что-то задумал в отношении этой девчонки, то мой долг предупредить тебя — это смертельно опасно для тебя, — Генрих в три шага нагнал бородача и схватил его за лацканы легкого светлого пиджака. — Ай, Максуд, Максуд, — он цокнул языком. — Ты прячешь глаза, и это говорит мне о многом.

Максуд не смел поднять глаза на мужчину, ставшего вдруг опасным. Он чувствовал злость за улыбкой и скрытую угрозу за этим обманчиво спокойным тоном.

— Мне не нужна эта девчонка, — пробормотал он, нервно сглотнув.

— Правда? Это меня радует. Я было подумал, что это не так, и немного заволновался даже. Хорошо, что ты меня успокоил, — Генрих похлопал его по щеке и отошел к перилам.

Горящий взгляд Максуда сверлил его спину.

— Дело в том, Макси, что ты не умеешь

летать, и что ты можешь дать ей, бедной девочке, лишившейся всего, что было ей так дорого в ее прошлой жизни, — мужчина, наконец, прикурил, и затанулся. — А я могу научить ее летать. О, это будет прекрасный полет, единственный в ее новой жизни, но такой, что об этом будут слагать легенды. Уж я-то его опишу, нарисую и положу на музыку, — Генрих говорил сам с собой, не заботясь, и даже не желая, чтобы его сейчас услышали.

Аромат роз, развеваемый по саду легким ветерком, волновал его ноздри, будоражил мысли, и он решил, что надо будет запастись лепестками роз. Они, бесспорно, только украсят его общение с этой изумительной девушкой. Да, они создадут особую атмосферу и сделают антураж его задуманной сцене. Определенно, он так и поступит.

ГЛАВА 4

Таня утирала слезы, приближаясь к своему бригадиру. Она была полна решимости добиться встречи с подругой.

Тот заметил девушку, выругался себе под нос, отвернулся и быстро направился прочь, стегая скрученным кнутом по кустам, посаженным вдоль дороги.

— Махмуд, пожалуйста, ну послушай

меня, — взмолилась заплаканная девушка, догоняя раздраженного мужчину. — Прошу тебя, тебе же это ничего не стоит. Ну пожалуйста, выслушай меня.

Тот резко остановился, позволив девушке его нагнать.

— Мне-то, положим, и не стоит, а тебе может чего-то стоять, — проговорил он, хмуро разглядывая ее. И почему он раньше не замечал, что она ничего себе бабенка? В меру крепкая, в меру ладная, и есть за что подержаться.

Таня остановилась и замерла. Она слышала шум цикад, стрекот сверчков и шорох листвы на ветру. Солнце припекало, и если закрыть глаза, то можно представить себя в мирном месте, где-то в саду на даче, или в деревне у бабушки. Но взгляд мужчины ей очень не понравился. Уж кто-кто, но только не он. Возможно, она была бы и рада испытать те плотские утехи, о которых слышала от других женщин, но о жестокости Махмуда ей было известно из первых уст, и мысль о его возможных посягательствах напугала ее. Нет, что угодно, только не это!

Высокий, крепкого сложения, с мускулистыми руками, волосатый, на первый взгляд он мог показаться интересным, но что-то в его взгляде заставляло почувствовать легкое напряжение. И уже ни правильные черты восточного лица, ни

мускулатура прокачанного тела не могли ввести в заблуждение женщин, глядящих ему в глаза. Жестокость, вот что было его визитной карточкой. Неспособность уважать человеческую жизнь и ценить личность, вседозволенность и безнаказанность. Это буквально читалось в его взгляде, которым он окинул сейчас бедную девушку.

— Махмуд, что это ты так на меня уставился? — пролепетала Таня, отступая.

Мужчина осклабился.

— Э, ты же хочешь проведать свою подружку? — он сделал шаг к Татьяне, и та невольно отступила.

— Хочу, — тем не менее, произнесла она.

— Значит, и меня захочешь, — улыбка разрезала челюсть мужчины, показав желтые зубы заядлого курильщика.

Таня вдохнула свежего воздуха и закашлялась.

— Махмуд, о чем ты говоришь? Что ты? Ты же это не серьезно?

Нет, на такие жертвы ради дружбы девушка готова не была. Да и чем реально она может помочь сейчас Семерке?

Та надежно заперта в отдельно стоящем бараке, за линией основных построек, и недавно ее посетил врач. Наверняка он сделала какие-то

перевязки и накачал ее болеутоляющим. После того, как Махмуду не оставалось ничего иного, как доказать свое главенство и первенство, у Семерки не было шансов выйти сухой из воды. Открытое неповиновение всегда каралось безжалостно и жестоко, чтобы другим неповадно было. Все должны знать, у кого тут сила, за кем последнее слово. Дай слабину, и Генрих самолично вышвырнет тебя с плантаций. Ему не нужны слабаки, а поступление к нему на службу — это всегда билет в один конец. Это понимали все, кто добровольно шел к нему на работу на его условиях. И чем, в сущности, они отличались от рабов, не разгибающих спины на плантациях? Да, им платили, и они имели возможность посылать эти деньги своим семьям, но сами с потрохами принадлежали хозяину — великому и ужасному Генриху. И все же одно отличие между ними и рабынями существовало — они продались добровольно и осознанно.

— Махмуд, я лучше пойду, — пробормотала Татьяна, готовая сорваться с места в любую секунду, но крепкая рука мужчины впилась ей в плечо.

— Послушай меня, сучка, — прошипел он ей в лицо, и удушливая волна страха пробежала через все тело бедняжки. — Будет так, как я решу, и никак иначе. Спасти тебя от моего желания сможет

только сам хозяин, поняла?

Таня молчала, округлившимися глазами глядя на своего начальника. Ее воспаленный разум уже рисовал сцены пыток, применяемых к ней ради того, чтобы этот насильник получил удовольствие. Руки и ноги дрожали, будто она работала без перерыва несколько суток подряд.

— Но ты же меня не хочешь, — с мольбой в голосе прошептала девушка.

— Радуйся этому, — мужчина внезапно отпустил ее, и Татьяна тут же отпрыгнула в сторону, еще не веря в спасение. — Но когда я скажу — приди, ты придешь, поняла? Иначе будет хуже, — он поднял руку с растопыренными скрюченными пальцами над ее лицом, как бы в подтверждение своих угроз.

Брюнетка закивала настолько энергично, что у нее закружилась голова, и в следующую секунду сорвалась и побежала так быстро, что догнать ее можно было бы, сильно запыхавшись и довольно долго за ней побегав. Грубый хохот ей в спину только подстегивал бегунью, придавая дополнительные силы.

А Семерке снился сон. Физическая боль отступила, отошла на задний план, став лишь ноющим фоном, на который перестаете обращать внимания, почти привыкнув к ней как к

неизбежному злу. На сцену вышла душевная тоска. Воспоминания, чужие и нереальные, терзали ее, лишая покоя. Снова это лицо. Совершенное, безупречное, но абсолютно незнакомое.

Что в нем такого, что оно вновь снится ей? Этот человек что-то значил в ее жизни? А могли ли такие люди встречаться в жизни рабыни, рожденной в неволе и не понимающей в этой жизни ничего? Может быть, он был ее прежним хозяином?

Но эти глаза, холодные и цепкие, не могут быть глазами садиста-убийцы, а с недавнего времени Семерка понимала, что хозяин плантации и рабовладелец — априори безжалостный и неумолимый убийца. Он может все: мучить, казнить, истязать. Ну не может человек из снов быть таким же! Его холодное лицо, почти лишенное эмоций, безупречно, на нем можно прочесть все, что угодно, только не жажду убивать. Нет, он не способен на такое, она это чувствовала. Хотя, о чем тут можно рассуждать, это всего лишь сон. Не важно, где она его видела, важно, что в ее жизни этого человека быть не может.

В этот же час девушка, пребывая в наркотическом сне, без которого испытывала бы невыносимые муки, терзаемая болью из-за порванной в клочья кожи на спине, кричала от боли совсем другой природы. С ее любимым лицом из снов, с этим прекрасным лицом загадочного

незнакомца происходило что-то страшное прямо у нее на глазах.

Его зрачки расширились, радужка глаз поменяла цвет с прозрачно-серого на темный, цвета свинцовых туч на грозовом небе. Глаза потемнели, в них зажегся какой-то дьявольский огонь, но не торжества, а страдания, словно душу незнакомца разрывает сейчас сильная боль, а по лицу, по гладкой поверхности щеки невидимый глазу клинок медленно, как в замедленной съемке, ведет острием прямо по плоти, вспарывая кожу и оставляя кровавый след. Кровь сочится все быстрее и обильнее, заливая подбородок, стекая по шее, и теряется, выпадая из поля зрения.

Дыхание девушки, и так затрудненное, участилось, она закричала, но сорванные голосовые связки позволили вырваться наружу лишь жалкому хрипу. Да, свой голос она потеряла, когда кричала от боли в поле, мечтая только о том, чтобы Махмуд поскорее уже убил ее. Она видела шрамы на своем теле. Не знала, не помнила, откуда они у нее, как появились, но не удивлялась, видя порядок жизни на плантации. Но вот терпеть эту боль она совершенно не могла, и поэтому кричала с опасностью разорвать вены, взбухшие не висках.

Махмуда практически оттащили от нее. Их увидели другие надзиратели, и пока добежали к разъяренному мужчине, потерявшему контроль над

собой, Семерка уже валялась на земле, не в силах различить что-либо затухающим взором, проваливаясь в какую-то пустоту, черноту, тишину.

Врач вколол ей лекарство и сообщил, что придет на следующий день. Он не был шокирован увиденным, давно привык к виду крови, к порванной коже, к выступающему мясу. Не было жалко ему и эту девушку. Он сделал свою работу и ушел, его ждали другие пациенты. Эта выскочка не единственная, кто сегодня разозлила своих начальников. Разумеется, так, как она, никто не пострадал, до такого мало кто доводил своих надзирателей. Ну что ж, если выживет, это будет ей уроком. Только появилась на плантации, и уже проявила свой строптивый характер. Для рабыни, рожденной в неволе, это странно, ведь ее с рождения учили только одному: беспрекословному подчинению. Что же произошло, что она так взбунтовалась? Да, темное дело, впрочем, его это не касается.

Таня все время экзекуции просидела на земле. Она не смела пошевелиться, боясь попасть под горячую руку, и только и могла, что тихо плакать, захлебываясь слезами. Она не смотрела на Семерку, на то, как меняется выражение ее лица, как уходит осмысленность из глаз, как намокает от крови ткань платья и хлюпает, когда длинный хлыст, со свистом рассекая воздух, падает на спину.

Но она знала, что сейчас оттащат изуродованное тело, и ей придется продолжить свою работу. Никто не даст ей время на оплакивание подруги, никто не станет с ней говорить об этом, чтобы дать выход переживаниям. Есть норма, и ее необходимо выполнить, если она не хочет быть следующей. И дай бог, Махмуд не вспомнит, из-за чего началась эта казнь, ведь болтливых рабынь было две, и тогда он может пожелать наказать и ее, а она, в отличие от мужественной Семерки, не выдержит и половины такого наказания. А может даже и четверти.

Об этом случае перешептывались уже второй день. Все в лагере рабов узнали, что рабыня, рожденная в неволе, взбунтовалась. Это был нонсенс. Всем известно, что дети рабов самые покорные, с минимумом интеллекта, практически без инстинкта самосохранения, с абсолютно подавленной волей. И вдруг такой поступок: воспротивиться надсмотрщику. Качали головами, пожимали плечами, расширяли глаза, шептались и шушукались, и изумлению не было предела.

Гай сидел в кресле на берегу искусственного водоема. Шелестела трава, ветер трепал его длинные жесткие волосы, он задумчиво жевал травинку, наблюдая за рябью на воде. Неподалеку стояла группа зрителей. Они курили, о чем-то

тихо переговариваясь. Кусты жимолости скрывали молодого человека, и о его присутствии пока никто не догадывался.

Юноша подъехал чуть ближе, благо, колеса были хорошо смазаны и не скрипели, а свои многочисленные серебряные браслеты, которые могли позвякивать, сегодня утром надевать он просто поленился, и ему удалось услышать конец беседы. Какая-то девушка умирала в лазарете. Мужчины предполагали, что Махмуду выгодна ее смерть: таким образом он подтвердит свою власть, и если это дело удастся замять, он ни перед кем не станет отвечать. Гаю было все равно, о ком шла речь, ровно до того момента, как мужчины стали обсуждать ее внешность и прелести. Прошлись по характеру, обратили внимание на странный задумчивый взгляд, уж слишком умное у нее лицо для рабыни с ее тату.

Вот после этих подробных описаний Гай разволновался. Как-то мгновенно он подумал на ту необычную блондинку с пепельным цветом волос, на которую положил глаз его дядюшка.

Почему-то сильно забилось сердце. Чего он так испугался? Что умирает именно она? Но почему? Что ему за дело до нее? Возможно, потому, что она смотрела на него с сочувствием, тогда, в грозу? Он заметил в блеске молнии ее взгляд, открытый и нежный, будто она видела не инвалида,

нет. Тигра в клетке. Орла с подрезанными крыльями. Тогда он это четко понял и почувствовал, он вообще очень чувствителен к делам такого рода. Что ж, если помочь ей может только Генрих, он узнает об этом деле. Махмуд, конечно, парень надежный, проверенный и закаленный, его работу хвалят, к его бригаде не бывает серьезных нареканий, но если он хоть пальцем прикоснулся именно к той девушке, он за это ответит. И перед Генрихом, и перед Гаем.

Когда Семерка впервые открыла глаза, ее взору предстала весьма живописная картина. Бесконечно глубокое небо, парящие в нем птицы и рука, простирающаяся к ней. Что это? Где она оказалась? Кто спешит к ней с небес? Поморгав, прогоняя пелену сна и запекшиеся слезы (она снова плакала во сне, потому что опять кровавая линия медленно ползла по прекрасному лицу неизвестного мужчины от края губы к скуле, оставляемая незримым лезвием), она повернула голову и уперлась взглядом в стену, обитую нежным шелком оливкового цвета. Хотелось провести по ней рукой, но слабость во всем теле не позволила это сделать. Сил не было совершенно. Она почувствовала сухость во рту.

— Очнулась? — слышался женский голос. — Это хорошо. Тебе что-нибудь нужно?

Семерка медленно повернула голову на звук и увидела женщину средних лет, одетую в опрятную светлую одежду, но, не смотря на наряд, безысходность во взгляде выдавала в ней невольницу.

Неужели, пока девушка была без сознания, ввели новую форму одежды? Теперь не выдают безразмерные застиранные дерюги с чужого плеча? Но о чем она думает? Она была на грани жизни и смерти, и вот очнулась. Но надо ли ей это — жить в таких условиях? Зачем?

— Ты хочешь чего-нибудь? — повторила свой вопрос женщина тихим голосом. В ее взгляде читалось участие, но разве она может действительно сделать что-то стоящее для Семерки? Это не в ее власти.

— Да, свободы, — прохрипела девушка, облизнув сухие губы. — Или хотя бы воды.

Женщина с грустно улыбкой прошла к столу с графином с водой. Налила стакан и подала Семерке.

— Пей, пей, родная. У тебя что-то болит сейчас? — мягкая прохладная ладонь легла на лоб, и это оказалось так приятно.

Вероятно, она лишилась ребенка, возможно, дочери, и эта ее потребность в заботе о ком-то теперь распространилась на девушку. Но надолго ли?

И вообще, где она лежит? Неужели за время

ее обморока так преобразовали лазарет, устроенный в деревянной хибаре на задворках лагеря? Стены обили шелком, на потолке искусный художник нарисовал небо... Художник... искусный художник... Чего она зацепилась за эти слова? Не понятно. А, ладно. Надо же — униформа, ремонт. Она проспала какое-то чудо. Что, произошла революция и свергли власть Генриха? Революция... Откуда это слово? Что оно означает? Кровавое пролитие во имя чего-то? Согнали одного туза, чтобы посадить другого. Тузы? Это про карты, что ли? И никаких изменений для толпы внизу, на баррикадах. Баррикады... Какое грубое режущее слово. Что-то колючее, угловатое, громоздкое и темное...

— Где я? — Семерка решила больше не мучиться догадками. — Откуда цветы? Это Таня принесла?

На круглом столе у окна красовалась ваза с пионами. Пришла мысль, что ей очень нравятся пионы. Это из прошлой жизни? Или она подумала это просто так? Ведь в своем положении она может предполагать что угодно, даже то, что она была незаконнорожденной дочерью короля. Боже, какого короля? Но Генрих сам сказал ей, что она может стать кем угодно.

— Нет, я не знаю ни о какой Тане. Сюда не пускают посетителей из лагеря в долине, — мягко

произнесла женщина. — Это Регина принесла цветы. Она живет в этом доме. Очень хорошая девушка. Она каждый день справляется о твоём самочувствии.

— И каково же было мое самочувствие?

— Ну, ты все время спала, если можно так выразиться. Не приходила в сознание. Плакала и кричала во сне.

— И сколько я пробыла в таком состоянии? Сутки? Интересно, мне простят не сделанную норму, или придется работать и ночью, чтобы успеть сделать все, что мне полагается? — Семерка приподняла голову и выглянула в окно.

Ветер трепал легкий прозрачный тюль, шелестел листвой, распространял по комнате аромат цветущего сада. Волшебно.

— Сутки? Да ты пять дней была между жизнью и смертью, — произнесла женщина, внимательно глядя на девушку.

— Пять дней? Что, серьезно? Меня отлупили плетью, и я так разболелась? — Семерка не могла поверить в это.

— Отлупили? Да на тебе живого места не было, девочка, — большие глаза женщины потемнели от близких слез. — Ты столько всего перенесла. Больше всего доктор боялся заражения крови. У тебя сейчас что-нибудь болит?

Семерка прислушалась к своим ощущениям.

— Да вроде не очень. Спина только чешется, и сильно так. Зудит прямо. Ну и голова немного кружится.

— Это от слабости. И раны зарастают, новая кожа появляется, вот и ощущения такие.

— А я уж было подумала, что крылья режутся, — пробормотала девушка.

Женщина обернулась к ней от стола и посмотрела на нее странным подозрительным взглядом.

— Крылья? Какие крылья? Ты, наверное, еще бредишь?

— Да нет, это я так пошутила, — улыбнулась Семерка. — Между лопатками зудит, значит крылья режутся.

— А, как у ангела? — женщина недоуменно хлопала глазами.

— У ангела? Какого ангела? Не помню, не знаю, — девушка потерла лоб.

— Ты лежи, лежи, тебе нужен покой, — служанка подошла к постели и погладила ее по волосам.

Они слиплись от пота, потемнели и выглядели жалко. Надо бы ее помыть, привести в порядок. Красивая девочка. За что же ей такое досталось? Наказание-то какое!

— Здесь такая удобная кровать, — улыбнулась Семерка. — И такая мягкая перина. Это

что-то с чем-то! Фантастика.

Женщина удивленно посмотрела на нее. Глаза скользнули на черный знак на руке, такой тонкой и слабой. В глазах снова защипало.

— Я сейчас принесу тебе бульон. Похлебаешь горяченького, хорошо? Ты идешь на поправку, и Генрих будет рад узнать, что ты пришла в себя.

— А все же, где я нахожусь? — Семерка снова приподнялась над подушкой, но накатила слабость, и она упала обратно. Она лежала на животе, понимая, что еще долго не сможет спать на спине.

Женщина задержалась в дверях.

— А ты не догадываешься? — спросила она.

— Ответ вопросом на вопрос, — пробормотала девушка. — Я в усадьбе?

— Да. В гостевом домике.

— Но почему? Разве сюда привозят больных рабов? Тем более детей рабов?

— Вероятно, ты особенная девушка, если тебя удостоили такой части и заботы, — произнесла женщина, отводя взгляд, и поспешно вышла из комнаты.

Чудеса, подумала девушка, натянув одеяло до подбородка.

Генрих зашел в комнату одновременно со служанкой, приветливо той улыбнувшись и придерживав дверь, чтобы женщине было удобно внести поднос с едой для своей подопечной.

— Добрый день, — обратился он к Семерке с широкой улыбкой. — Как ты себя чувствуешь? Рад видеть тебя в сознании.

Женщина поставила поднос на стол и суетливо принесла стул для Генриха. Тот кивнул женщине в знак благодарности и сел напротив девушки, продолжая ей приветливо улыбаться.

— Мы все очень беспокоились за тебя, — произнес он, глядя ей в глаза.

— Ну что вы, не стоило, — пробормотала Семерка смущенно. Она не понимала, чем вызвала подобное внимание к своей персоне, и жутко стеснялась.

— Как тебе здесь, нравится? — Генрих обвел комнату рукой.

Семерка прошла взглядом по стеллажам с книгами и различными статуэтками, кубками и шкатулками, по серванту с красивой посудой. На стенах висело несколько картин, мягкий диванчик с пледом на подлокотнике стоял в нише, наполовину занавешенный зеленым тюлем, на тон темнее шелка на стенах. Круглый стол белого цвета, в тон всей мебели с графином и вазой с цветами она уже видела.

— Здесь очень красиво, — признала она. — Все так изысканно и устроено со вкусом.

Генрих метнул взгляд на служанку, та с беспокойством смотрела на девушку. В ее глазах

читалось непонимание и недоумение. Ей было странно слышать такие речи из уст человека, не знающего о жизни ничего и обладающего минимальным набором слов для того чтобы общаться со своими хозяевами, коим полностью принадлежала ее жалкая пустая жизнь.

— Оставь нас, Лариса, — мягко попросил хозяин и, кивнув, та вылетела из комнаты, испытав подобие облегчения. Она не желала знать никаких тайн, ей не нужны проблемы, а здесь явно происходит что-то странное. Ей это ни к чему.

— По-видимому, мне придется позаботиться о твоём обеде, — произнес Генрих, направляясь к столу.

Девушка с беспокойством следила за ним. Она что, должна есть при нем? Оказалось, ей придется есть с ложки.

Мужчина держал пиалу в руке, второй поднося ей ложку с янтарным куриным бульоном с ароматом укропа, кинзы и еще каких-то трав, о которых Семерка ничего не знала. Она молча глотала жидкость, не смея поднять на него глаза. На свое счастье, ей были не известны мысли этого человека в данный период времени.

А он рассуждал об аналогии с человеком, который выращивает животных на своем скотном дворе лишь для того, чтобы в назначенное время зарезать эту живность и употребить в пищу, для

насыщения и гастрономического удовольствия. Вот и Генрих сейчас заботливо пестует свою будущую жертву. Это хорошо, что ситуация сложилась так, что его тесное общение с этой девочкой стало естественным и вполне логичным для всей его семьи. Нет, возможно, это и показалось кому-то странным, что он взял в дом рабыню, выхаживает ее, тратится на дорогие медикаменты, поместив ее в роскошный отдельный дом, но больше его заботила не реакция его близких, приученных подчиняться его желаниям и указам, а реакция самой девочки. Не хотелось с самого начала оказаться в ее глазах злодеем. Ему почему-то было очень важно прежде стать ее другом, близким и дорогим. В этом есть особый шарм. Тем сильнее будут ее чувства в момент откровения об истинной сути их дружбы и сущности ее «друга».

Он почувствовал что-то вроде эйфории, голова слегка закружилась, и он пролил несколько капель на белоснежный пододеяльник, заверив девушку, что беспокоиться не о чем, и в ближайшее время постельное белье будет перестелено. Появилось острое желание самому провести омовение выздоравливающей, но он справедливо рассудил, что время еще есть, и не стоит смущать и пугать ее раньше времени. Он наверстает свое, и у него еще будет не одна возможность провести с ней время, в том числе и в ванной комнате.

Чувствуя приятную бодрящую дрожь во всем теле, он поднялся со стула и, пожелав ей приятного дня, направился к выходу, пообещав прислать служанку ей в помощь.

— Скажите, что меня ждет дальше? — решила Семерка на волновавший ее вопрос.

Генрих медленно обернулся к ней с приятной улыбкой.

— Думаю, много хорошего, мон шер, — произнес он. — Много хорошего.

— Но моя норма... Я узнала сегодня, сколько времени провела на перинах, и боюсь, что не смогу вернуть долг, отработать и отблагодарить вас. Похоже, я попала в кабалу...

— «Провела на перинах»... — казалось, Генрих удивился ее оценке событий, случившихся с ней. — Дорогая, ты была на грани жизни и смерти, твою боль постоянно снимали наркотиками, твоя спина была сплошным мясом, и пройдет еще много времени, прежде чем шрамы зарастут и затянутся. Разумеется, ты не можешь вернуть долг, но ты не по своей воли в него влезла.

— Вот как... Но я была не в праве рассчитывать на такое отношение, — пробормотала девушка.

— Твои права, равно как и всех живущих в этой местности, определяю я, и я подарил тебе такое право, — произнес Генрих серьезно. — Так

же, как и наказал того, кто на это право посягнул.

— Что вы имеете в виду? — девушка замерла. Ей стало не по себе от только что услышанного.

— Тебя это не должно касаться, — проговорил мужчина с легкой прохладцей в голосе, пытаясь донести до нее мысль о ее месте во всей этой истории не смотря на особую симпатию к ней. — Но могу сказать, что виновный понес заслуженное наказание. С моей собственностью, как и с моими друзьями все обязаны обращаться бережно, о чем он забыл.

— Что с Махмудом? — напрямую спросила Семерка.

Не то, чтобы она испытывала к нему сочувствие или беспокоилась о его судьбе, но мысль, что перед ней стоит жестокий человек, безжалостно вершащий чужие судьбы, пугала довольно сильно. Очень хотелось услышать, что провинившийся мужчина, превысивший свои полномочия и давший излишнюю свободу своим эмоциям, наказан вполне адекватно проступку, и пребывает, к примеру, в заточении, откуда в скором времени должен выйти, чтобы вновь приступить к своим обязанностям. Воспоминания об утащенной с поля женщине она постаралась прогнать сразу же, как только они появились в голове.

Генрих ничего не ответил. Он замер, изучая ее лицо, потом его губы раздвинулись в улыбке, и

вновь пожелав ей хорошего дня, он вышел из комнаты.

Тут же вошла Лариса, и направилась к ее кровати.

— Дорогая, я перестелю твою постель, — она помогла девушке встать на ноги и осторожно проводила к дивану. — А потом мы с тобой искупаемся, — произнесла она, будто разговаривала со своей маленькой дочкой. — В соседней комнате я наполнила ванную. Специальные травы укрепят твои силы и сделают бодрее.

Взяв за плечо и поддерживая за талию, Лариса вывела ее на застекленную террасу. Сквозь окно во всю стену можно было видеть дивный сад. Деревья качались на сильном ветру, солнечные лучи, перебиваемые ветками груш и яблонь, светили в окно и оставляли сияющие дорожки, тянущиеся через всю комнату и пронизывающие пространство помещения.

— Как здесь красиво, — улыбнулась Семерка и замерла, желая посмотреть на это все.

На дорожке среди деревьев увидела знакомую фигуру красивого паренька в инвалидном кресле. Он смотрел на нее. Лицо его было хмурым, но на нем явно читалось желание поговорить, Семерка это разглядела. Неуверенно подняла руку и помахала ему.

— Что ты делаешь? Зачем? — обеспокоенно зашептала Лариса. — Лучше не общайся с ним, прошу тебя.

— Ну почему? — Семерка продолжала улыбаться приближающемуся парню. Его волосы забавно топорщились, в ушах сверкали серебряные клипсы.

— Он опасен, — прошептала Лариса. — Только прошу тебя, не говори никому о том, что я тебе это сказала, — попросила она.

— Ну что ты, конечно же нет, — заверила девушка.

Лариса, придерживая больную одной рукой, второй толкнула дверь, чтобы парень мог подъехать к самой террасе.

— Привет, — обратился Гай к Семерке.

— Привет, — улыбнулась та. — Как твои дела? Можно рабыне задать такой вопрос?

— Вообще-то нет, но я тебе разрешаю.

— Ну так как твои дела?

— Я живу и, наверное, это значит, что не плохо, — он равнодушно пожал плечами.

— Живому псу лучше, нежели мертвому льву, — произнесла девушка, и Лариса не сдержавшись, ахнула.

Гай пристально посмотрел ей в лицо.

— А как твои дела? — спросил он почти сердито.

— Я тоже жива, и вроде бы иду на поправку.

— Да, и сейчас она идет мыться, — осторожно вклинилась в разговор Лариса, пытаюсь развернуть девушку к двери, ведущей в ванную комнату.

— А тебя, тварь, я ни о чем не спрашивал и слова тебе не давал, — процедил Гай, бросив на Ларису уничижающий взгляд. Он заметил, как напряглась девушка. — Рабы должны знать свое место, — зачем-то пояснил он. Чего она так побледнела? Проклятье, почему он должен перед ней оправдываться? — Эй, ты, — он посмотрел на Ларису, — оставь нас.

— Но она еще слишком слаба, — попыталась вступить женщина.

— Принеси ей стул, — приказал Гай тоном, не терпящим возражений.

— Хорошо, — Лариса, опустив глаза, метнулась в комнату и вынесла тяжелый стул с высокой спинкой. Поставила рядом с девушкой и помогла присесть.

— Иди, я позову тебя, — Гай недовольно дернул рукой в сторону комнаты. — И закрой за собой дверь.

Семерка в волнении смотрела на него. Если он опасен своей грубостью, то это она переживет, но если он как Генрих?

— Что ты на меня так смотришь? — сердито

спросил Гай, въехав через маленький порожек в комнату. — У меня ослиные уши выросли?

— Нет, у тебя нормальные уши, и красивые сережки, — пожала плечами девушка.

Ей было трудно сидеть, во всем теле ощущалась слабость и начала кружиться голова, но она ни за что ему в этом не признается.

— Тебе нравится серебро?

— Не знаю, наверное, нет, но выглядит красиво. Как рабыне может нравиться серебро? У нее ничего не может быть.

— Сейчас будет, — произнес Гай и стянул один из браслетов с тонкого, почти девичьего запястья. — Держи, это тебе, — протянул подарок девушке.

Он так и не понял, чего она испугалась, только Семерка как-то сильно побледнела и отрицательно замотала головой, вцепившись руками в сидение.

— Если рабыню увидят с дорогим украшением, могут решить, что она его украла, а второго такого наказания я просто не переживу, — объяснила она.

Гай подъехал к ней вплотную, грубо схватил за руку и нацепил на запястье браслет.

— Теперь он твой, и никто тебя за это не накажет, — произнес он строго. — Никто не лишит тебя жизни из-за него.

Девушка посмотрела на затейливое украшение и грустно улыбнулась.

— Знаешь, а зачем рабыне жить? Я вот думаю, что у меня был хороший шанс уйти из этого мира, но меня зачем-то спасли. Стоило ли это делать? Для хозяина да, понимаю, что стоило. Все же за меня заплачены деньги и моя смерть — потеря для него, но не такая уж и большая. А вот мне продолжать такое существование — мучительно, понимаешь?

— Понимаю, — прошептал Гай. — Я тоже иногда думаю, что лучше мне было тогда разбиться вместе с матерью, чем жить так, инвалидом, на всеобщем обозрении.

Они подняли головы и их взгляды встретились. Он не ожидал, что она так сделает, а девушка протянула худые руки к нему и за плечи привлекла к себе. Он не стал сопротивляться. За четыре года, прошедшие со дня смерти матери и его такого жалкого положения, никто ни разу даже не потрепал его по голове, не говоря уж о такой нежности. Никто даже не догадался его приласкать. Был только страх, брезгливость и тайное презрение. Даже родственники только жалели его, избегая долгого с ним общения. Было невыносимо видеть эту жалкую беспомощность: парень с обрубками ног может вызывать только отвращение.

А она все поняла с первого взгляда. Будет

жалко потерять ее, но Генрих не отступится от нее.

— Если мы все еще живы, значит, так и должно быть, — проговорила тихо девушка, продолжая его обнимать. — Ведь если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно...

Опять это лезет из нее. Какие-то обрывки стихов. Чьи, и откуда она их знает? Ведь не знала же до этой минуты, а вот сейчас пришли на память. Память. Как жаль, что она ее потеряла.

— Ты классная, — неожиданно для себя произнес Гай.

— Я такая, какая есть, и я даже не знаю, какая я. Хорошая, или злая, хорошая, или плохая. Понимаешь? Я могу быть любой.

— Так ты меня специально обняла, чтобы показаться мне хорошей и войти ко мне в доверие? — вскинулся Гай, вырвавшись из ее слабых объятий. Он даже отъехал от нее демонстративно.

— Я не знаю, — растерянно пожала плечами девушка. — Гай, я не знаю... Мне просто захотелось это сделать, потому что я вижу, как тебе одиноко и плохо. Ты мог бы парить в вышине, а вместо этого... Ты в силках, в цепях, и в этом не было твоей вины, так случилось. И от этого больно. Мне показалось, что я почувствовала твою боль. Я же тоже в цепях.

Гай все еще недоверчиво смотрел на нее

исподлобья.

— Ладно, не изворачивайся, все нормально, — проговорил он, разворачиваясь к дверям, ведущим в сад. — Тебе пора купаться и спать. Ты устала и дрожишь от слабости. Лариса! — крикнул он громко, выезжая на асфальтовую дорожку.

— Тебе вернуть браслет? — спросила девушка, прикоснувшись к подарку.

— Нет, теперь он твой, — и Гай поехал прочь, ни разу не обернувшись.

Выздоровление шло полным ходом. Врач, серьезно мотивированный Генрихом и без вариантов нацеленный на положительный результат, приходил по несколько раз в день. Спокойный, невозмутимый, много лет назад он научился скрывать истинные чувства под маской невозмутимого специалиста, уверенного в своих знаниях и правоте своих действий. Он умеет не совать нос, куда не следует, и не задавать лишних вопросов.

Он неспешно входил в комнату, брал стул, усаживался напротив кровати, и со словами «Ну, как? Посмотрим, посмотрим», брал тонкое запястье девушки с прозрачной кожей, под которой синели тонкие вены, и замерял пульс. Ему нравилось смотреть на ее лицо, на тонкие черты, в огромные

глаза, немного запавшие, темные, но горящие каким-то внутренним светом, словно не способные скрыть работу мозга, чехарду мыслей и глубину мечтаний. Да, ничто не может заставить эту девушку ползать, думал врач, она определенно рождена летать.

Из ее редких скупых ответов врач давно заключил, что никакая она не раба, рожденная в неволе. Зачем было так над ней издеваться — поставить это клеймо, не имеющее к ней никакого отношения, он понимал, и находил это чудовищным. Так она подскочила в цене. Мало того, что у нее и так отняли жизнь, выкрав эту девушку в расцвете лет из привычной среды, поставив крест на ее будущем, лишив настоящего, так они еще и украли ее прошлое! Воспользовались амнезией и подсунули ей чужую судьбу, жизнь животного. Это с ее-то харизмой, это с ее-то неумной энергией, полетом мысли и живой душой! Да, пора Генриху брать в штат психолога, чтобы как-то фильтровать и упорядочивать такие действия, а то действуют, как мясники, ей-богу — оттяпали половину жизни, присобачили чужой хвост, и назвали своим творением. Жутко.

Как он устал от всего этого, насмотрелся, наслушался, накушался. Только вот на пенсию здесь не уходят. Судьба у него такая — до конца своих дней лечить физические болячки у

кровоточащих душ. И хорошо, если дадут доработать до глубокой старости, а ну как в расход пустят? Вот как только найдут человека его квалификации, так и пустят, не пожалеют.

Свои-то души испортили и развратили, так на другие им и подавно плевать...

После визитов к этой странной девушке доктор всегда уходил очень взволнованным, и долго приходил в себя, куря сигарету за сигаретой. Но что он мог ей дать, чем помочь? Ничем. Ей уже никто не поможет.

Старый доктор прекрасно понимал, какие виды имеет на нее Генрих, и внутренне содрогался. Он кое-что знал, кое-что видел, и мысль, что вот эту птичку ждет та же участь, заставляла его горько вздыхать и класть под язык валидол, когда пульс зашкаливал, и в груди теснило и колело.

Каждый день врач проводил тщательный осмотр своей любимой пациентки, измерял давление, проверял, как заживает спина, ревностно следил за тем, насколько правильно и грамотно Лариса смазывает Семерке спину, изучал рубцы, то хмурясь, то согласно кивая седой головой.

В целом, результатами он был доволен. Во всяком случае, гнев хозяина ему не грозил, это определено. Но во что грозило самой бедной девочке... об этом было лучше не думать.

В такие моменты мужчина начинал

ненавидеть свою работу: приводить в чувство жертву, чтобы продлить ее агонию, доставляя тем самым удовольствие ее палачу. И сейчас он чувствовал себя предателем, получая благодарные улыбки ни о чем не подозревающей девушки, в то время как он пытался поправить ее здоровье лишь для одной цели — чтобы кому-то можно было ее убить, извести, уничтожить.

В целом присутствие в доме невольницы на правах гостя шокировало домочадцев Генриха, но его неоспоримый авторитет и главенство в клане не позволяли им высказывать свое мнение вслух. Шушуканье, пересуды и тихие разговоры в спальнях не волновали хозяина плантации, и вскоре все смирились с тем, что в гостевом домике находится рабыня, рожденная в неволе, которая после выздоровления останется в доме, чтобы работать горничной.

Регина, молодая родственница Генриха, красивая яркая девушка двадцати трех лет, часто навещала выздоравливающую, приносила цветы, фрукты, даже оставалась на несколько минут, чтобы перебраться с ней ничего не значащими фразами. Красавице было дико интересно вживую пообщаться с «милым животным», так как путь на плантации ей самой был заказан. Видимо, заботливый родственник оберегал ее нежную

психику от потрясений, и Семерка оказалась для нее практически одомашненным инопланетянином, неизвестным малоизученным видом (служанки-невольницы, вырванные из привычной жизни, не представляли для нее никакого интереса).

Семерка чаще молчала, опасаясь сказать что-нибудь не так. Она больше не спрашивала о судьбе Махмуда, и так обо всем догадавшись. Генрих навещал ее постоянно. Садился рядом с ее кроватью, чтоб почитать ей что-нибудь из классики. Ему нравился замороженный взгляд девушки, впитывающей как губка стиль, информацию и музыку, заключенные в классических произведениях бессмертных гениев, когда Генрих вещал ей своим плавным выразительным голосом.

Гай больше не появлялся. Тем не менее, он постоянно приезжал в яблоневоый сад, чтобы издали смотреть на раскрытое окно ее комнаты. Он о чем-то думал, и лицо его, обычно хмурое и злое, разглаживалось, черты принимали спокойный вид, и он испытывал умиротворение, но ровно до тех пор, как не вспоминал о той участи, которую Генрих уготовил ей.

ГЛАВА 5

Бертуччо разбудил телефонный звонок. Он не сразу понял, что за звук поднял его с постели, но

трель телефонного звонка не унималась, и Берту ничего не оставалось, как подняться с постели и подойти к телефону.

Близился полдень, но вчерашний день полностью вымотал мужчину, и он был бы рад поспать еще хоть немного. Он снова мотался в Орден, посетил два морга в госпиталях в разных частях города, и поздно вернулся домой. Арсений притворился спящим, и Берт тихо прошел в свою комнату. Так и уснул одетым, упав в неразобранную кровать.

Они с Арсом жили в городской квартире. Это позволяло быть мобильными, быстро реагируя на любой вызов с целью приехать в то или иное место. Добираться в город из Туманного было бы дольше, и нервов на это уходило бы больше, особенно у Арсения.

Берт вообще полагал, что Арс не пьет лишь в надежде на скорое решение проблемы — он по-прежнему не терял надежды на то, что Света скоро отыщется и вернется. В отличие от друга, Берт считал, что поиски уже бессмысленны. Он не имел оснований верить в то, что девушка все еще жива. Впрочем, энтузиазм Арсения, а вернее его маниакальная уверенность в обратном его очень даже радовала. Он будет счастлив оказаться не правым. В любом случае его личное мнение никак не мешало ему активно заниматься поисками. Он

стал при Арсении кем-то вроде специалиста по связям с общественностью и стремился всеми силами если не загладить свою вину, то по возможности исправить ошибку, смягчить и свести к минимуму тяжесть и последствия от нее.

Если бы только это было возможно! Не проходило ни дня, чтобы Берт не стискивал зубы, проклиная себя. Он сильно тосковал. Понимая, что в любом случае Света для него потеряна навсегда, и уже давно, ее присутствие рядом, а вернее его присутствие рядом с ней его вполне устраивало. Рвало душу, мучило и вызывало ревность, но пусть лучше так, лишь бы видеть ее, слышать, и вновь и вновь сознавать, что когда-то она была готова стать его женщиной в свой первый раз. Да, это останется с ним навсегда. Это его маленькое счастье, его великий секрет. Его тайная победа над Арсом.

Хлопая спросонья ресницами, Берт схватил трубку.

— Да! — рывкнул он, ни мало не заботясь о чувствах неизвестного абонента.

На том конце провода немного помолчали. Видимо, неласковый тон озадачил человека.

— Добрый день, — услышал Бертуччо неуверенный голос, незнакомый ему.

— Ну, это кому как, — проговорил он, все же смягчив тон. — Чем обязан? Чем могу?

— Ну, это Данил звонит, мы с вами однажды

говорили, и вы мне оставили свою визитку.

— Так, какой Данил, и почему на «вы»? Еще дядей меня назови. Хочешь?

— Н-нет, — помялся собеседник. — Я Данил, мы говорили с вами... с тобой однажды. Ваша... твоя знакомая девушка вступилась за меня на улице, а ты спас ее. Была драка.

— Слушай, в моей жизни столько драк, столько синяков и шрамов, и даже жмуриков, что разве все упомнишь... Слушай, какая девушка? Светка что ли?

— Ну да. Ты мне оставил визитку, сказал, что твой брат скрипач, а я тоже учусь в музыкалке.

— Ах вот в чем дело! — Бертуччо взглядом отыскал пачку сигарет и потянулся за одной. — Я вспомнил тебя, чувачок. Слушай, так это же здорово, что ты позвонил. Я правда немного занят. Поисками той самой девушки. Она пропала, ты об этом слышал?

— Нет. Как это пропала? Я могу чем-то помочь?

— Конечно можешь. Найди ее, и станешь богатым. Будут личные телохранители и ни одна паскуда больше в жизни тебя не ударит безнаказанно, — Берт потер глаза.

Страшно хотелось спать. И курить. А еще заурчало в животе. С этой беготней порой и о еде подумать некогда. Арс, кажется, вообще перестал

есть. Точно, Берт давно не видел, чтобы тот хоть что-нибудь жевал. Черт, за этим надо будет проследить. Не хватало ему еще этих проблем. То Арс напивался в зюю, то теперь объявил еде бойкот. Однажды взял обет, и до выполнения не стриг волосы много лет. Вдруг и сейчас решил, что не притронется к еде, пока не найдет жену? Ладно, чего-то Берт заумничал и не туда его понесло.

— Слушай, Данил, ты молодец, давай, приезжай. Поговорим.

— Правда? А о чем? — парень не мог скрыть своей радости от приглашения, но природная застенчивость мешала ему принять приглашение с первого раза. Хотя, с некоторых пор это стало его мечтой. Он долго боролся с неуверенностью, прежде чем решился позвонить по заветному номеру.

— Не знаю, обо всем, — Берт жадно затыкнулся. — Ведь это ты мне позвонил. Просто хотел поздороваться?

— Не только...

— Вот и приезжай. И скрипку захвати, хорошо?

Бертуччо продиктовал адрес и отключился. Так, надо приготовить завтрак, или что там уже по расписанию — обед, и накормить Арсения. Черт, всю жизнь ему вместо няньки прислуживает. Впрочем, чего он ворчит? Арсений ему всю жизнь

вместо брата, отца, матери и бога. Так что, долг платежом красен. Да и не долг это вовсе. Любит он этого придурка.

Блин, надо было сказать этому пацану, чтобы купил вина, что ли... хотя, если поискать, может, где-то и завалялось что-нибудь в баре. Сам же Бертуччо и избавился от спиртного от греха подальше, чтобы не провоцировать Арсения. Ладно, покопаемся, время есть. А не то, Данил подгребет, его можно будет послать в ближайший супермаркет, решил Берт и побрел в ванную умываться.

Арсений выходил из своего Мерседеса, когда рядом затормозила новенькая Ауди 4. За рулем сидела красивая брюнетка. Яркая, блестящая, роскошная. Ну надо же, какая реакция на незнакомую женщину. Арсений усмехнулся. Да, туго ему приходится, природа берет свое, а чувство жуткого одиночества и потерянности грызет так, что скоро, не дай бог, он сам начнет бегать за женщинами с одной просьбой — чтобы его приласкали и погладили по голове.

Женская ласка, женская нежность... Раньше как-то обходился без этого, хотя после встречи с одной дерзкой девчонкой чувство собачьего одиночества не покидало его долгое время, примерно года два, и то он держался, ждал, надеялся. Да, прав Берт: раньше он просто не

пробовал этот наркотик под названием «Светлана Черемухина».

А что ему делать сейчас? Как жить? Нет, тут дело не в сексе, не в технике, и даже не в разрядке. А в чем тогда? Если бы он понимал. Была бы Светка рядом, и все было бы нормально. Арсений был уверен, что никогда не посмотрел бы в сторону другой женщины. Но сейчас он один, и красивые девушки просто сами попадают в поле его зрения, он просто подсознательно, без участия здравого смысла и конкретной команды выискивает их в толпе. Непроизвольно, на автомате. И что дальше? Сколько он еще продержится? Да всю жизнь!

Арсений провел по лицу ладонью, словно снимая невидимую паутину морока, и достал сигареты, косясь на красотку. Она не спеша вышла из машины, высокая, стройная, в узких джинсах, высоких сапожках и короткой норковой шубке. Заметив, что за ней наблюдают, кокетливо поправила волосы, улыбнулась красивому незнакомцу и обернулась.

— Данил, ну ты идешь? — позвала она.

Из машины выполз высокий худой парень в темной одежде, взял в руки футляр со скрипкой, обошел машину и терпеливо подставил девушке щеку для поцелуя. Видимо, этот ритуал было необходимо соблюдать к радости девушки, и парень был готов его терпеть.

— Все, Ларёк, я пошел, — тут же сказал он.

— Долго не задерживайся, веди себя прилично, — напутствовала его девушка перед какой-то встречей, — береги пальцы, не пей, если будут предлагать, — она поправила воротник его куртки, пригладила челку, от чего парень поморщился.

— Ладно, я понял. Все, я пошел?

— Иди, — улыбнулась ему девушка по имени Ларёк. — Допоздна не засиживайся.

— Хорошо, мамочка, — кивнул парень, нетерпеливо делая приставные шаги к подъезду.

— Я тебе дам мамочку, — хлопнула его по плечу девушка. — Не надоедай чужим людям, да и тебе самому опасно вечером домой поздно возвращаться, ты же понимаешь.

— Понимаю, понимаю, — нетерпеливо кивнул головой парень. — Ну, я могу, наконец, идти?

— Все, давай, удачи тебе, — девушка помахала ему рукой, и взялась за дверцу машины.

Арсений, наблюдавший этот короткий диалог, загрустил. Это, наверное, старшая сестра напутствует своего родственника, проявляя о нем заботу. Забота... Как ему, Арсению, не хватает этой заботы. Все время с начала официальных встреч Света всегда отпускала его с тревогой и волнением, словно боялась больше никогда не увидеть. И он

постоянно старался звонить ей, навещать ее в обед, выкраивать для нее время, чтобы время разлук было предельно коротким и не приносило мучений ни ему, ни ей.

Да, любящим людям всегда тяжело расставаться. Как же ненавидит его, должно быть, тот, кто вершит все судьбы, если наказал его разлукой. Оставил нетронутыми все финансы, заработанные честным трудом и собранные на крови других, сохранил здоровье и не повредил внешний облик. Все его таланты и способности такие же, как и прежде — он лучший. Все связи при нем, авторитет, положение в обществе и в той среде, о которой обычно не распространяются. Он выиграл войну, короткую, но такую кровопролитную, но потерял в с е. Буквально.

У него отняли одну конкретную девушку, и теперь он ходячий мертвец. И вроде душа живет и тело чувствует (о! еще как чувствует), но он все равно, что погребен под пластами сырой земли. Зачем ему все это, если нет е е? О, если бы он мог отдать хоть что-то из того, чем обладает сейчас. Все равно это просто груда побрякушек, пустой звон и ворох пожухлых листьев. И сейчас Арсений понимал и чувствовал, что Света приняла бы его без всех атрибутов, и больным, и нищим, и отвергнутым обществом. Да, для нее никогда не имело значения ни его положение, ни его статус.

Она видела в нем что-то, что было дорого без всех этих внешних атрибутов. И он ей поверил и доверился. О, он готов заплатить любую цену, только бы вернуть все назад, только бы вновь обнять ее.

— Младшие братья доставляют столько хлопот, — услышал он нежный голос незнакомки, вырвавший из невеселых переживаний.

Девушка открыто смотрела на него с полуулыбкой, ожидая ответа. Красивые миндалевидные глаза, очень удачно подведенные, резкие дуги тонких бровей, четкие крылья носа, чувственный изгиб пунцовых губ — она прекрасна.

— Что? А, да, так и есть, наверное, — он рассеянно кивнул, и направился к подъезду.

— Хорошего дня, — пожелала ему вдогонку красавица.

— И вам, — откликнулся Арсений и поспешил прочь.

Зайдя в квартиру, Арсений с удивлением увидел того самого молодого человека, который приехал на Ауди.

— О, Арс! На ловца и зверь бежит, — обрадовался Берт. — Это Данил, прошу тебя любить его и хоть иногда немного жаловать.

Бертуччо взял парня за плечи и подтолкнул ближе к брату. Тот протянул руку. Парень пожал ее

с благоговением, которое явно читалось на его лице.

— Привет, Данил, я Арсений. Будем, что ли, дружить?

— О, это просто моя мечта! — не скрывая своих чувств, признался парень. Его миловидное лицо с россыпью бледных веснушек сияло сейчас как солнечный зайчик летним днем. Он крепко прижимал к груди футляр со скрипкой.

Арсений обернулся к брату.

— Бертуччо, ты сказал ему, что я бог?

— Ни разу, — на голубом глазу открестился Берт.

Арс тяжело вздохнул, снова оборачиваясь к неожиданному гостю.

— Вот только не надо меня обожать так сразу, хорошо? — Арсений показал рукой в сторону кухни. — Ты не против, если мы поболтаем по-простому, окей?

Парень с готовностью кивнул и пошел вперед, как ему и предложили. Арсений сделал большие глаза Берту у него за спиной, Берт ответил тем же.

— Эй, Данил, я в ванную, умыться, поставишь чайник?

Парень едва не задохнулся от нахлынувших чувств. Простота в общении с такими людьми кружила голову. Он никак не ожидал, что попадет в этот круг, да еще и так просто и легко. Сразу видно,

настоящие, реальные люди.

Всю жизнь Данил признавал свою ущербность. Не проходило дня, чтобы он не находил тому подтверждение. Не сумев ответить ударом на удар в младших классах, он сразу попал в число слабаков, получающих свое количество тумаков каждый раз, когда этого хотелось лидерам класса. Во дворе была та же история, и, в конечном счете, Данил принял образ жизни домоседа, проводя дни и коротая вечера за чтением книг и игрой на скрипке.

Так случилось, что перед красивыми девочками он обязательно попадал в глупое положение, делая все не так, как обычно следует, а в пору полового созревания уяснил одно: он урод. Это не убивало его, не вгоняло в депрессию: за долгие годы жизни незаметным существом он успел свыкнуться с этой мыслью. Тем не менее, читая серьезную литературу, Данил грустил и тосковал по таким чувствам, которыми восхищался. Он мечтал пережить что-то подобное, но понимал, что шансов у него практически нет.

Будучи человеком спокойным и незлобивым, тихим и незаметным, не страдающим от амбиций, Данил, тем не менее, уважал сильных, харизматичных личностей, и всю жизнь стремился к общению с ними. Он желал черпать в них силу, уверенность, перенимать привычки и наполняться их моральной мощью, но никто из подобных людей

не горел желанием поддерживать с ним общение. В школе такие ребята унижали его в числе самых первых. Во время учебы в консерватории — просто игнорировали его и избегали.

Сейчас, учась на третьем курсе, Данил был одинок, как и в детстве, да еще периодически страдал от нападок дворового хулигана — Вида. Рыжему подонку нравилось задирать его, провоцировать и избивать, нимало не заботясь о том, что Данил не может защитить себя.

Вот еще один аргумент в пользу того, что ему нельзя встречаться с девушкой, думал молодой человек. Случись что, попадись они на глаза Виду, Данил не сможет отстоять ее честь.

Тот факт, что однажды за него совершенно неожиданно вступились (притом, что соседи, знающие о подобных избиениях, молчали, боясь получить камень в окно или еще какую проблему похуже), да к тому же это оказалась девушка, поверг его в шок. Он смотрел, как она дралась, и понимал, что, наверное, много потерял, что не изучал борьбу. Красота движений и внешности таинственной незнакомки поразили его, и он совершенно забыл о том, что самым лучшим для него в той ситуации было по-тихому исчезнуть. Как оказалось впоследствии, он правильно сделал, что остался. Таким образом, он познакомился с Бертуччо Ливертье, великолепным человеком,

небожителем и господином.

Данил мгновенно возвел его в ранг своих кумиров, и то, что тот дал ему свою визитку, было сродни благодати божьей, нисшедшей на простого смертного.

И вот сейчас, осознав, что только что был представлен Арсению Луговому, Данил, икая от избытка чувств, теснящих грудь и щекочущих изнутри живот, дрожащими руками держал электрический чайник, не в силах прийти в себя от произошедшего.

Он буквально ощущал ту силу и мощь, которые излучал этот человек, и восхищению паренька не было предела.

Что ему было нужно от этих необычных неординарных мужчин? Да ничего особенного. Он был бы рад постоять где-то в сторонке, просто получив возможность слушать их. Он был бы счастлив оказать им какую-нибудь услугу, но разве они нуждались в этом? Он мог бы стать их курьером, посыльным или даже полотером, если надо, чтобы смотреть на них, и просто тихо переживать эйфорию, чтобы видеть, каким должен быть идеальный мужчина, представляя, что когда-нибудь, разумеется, лет через сто, не раньше, он, возможно, сможет стать хоть чуточку похожим на них, имея перед глазами такой образец для подражания.

— Что это за чудо? — Арсений намыливал руки, Берт стоял с полотенцем рядом.

— Да ладно, Арс, просто поболтай с ним о том, о сем. Это тот случай, когда ты можешь легко, не прилагая никаких усилий, осчастливить человека.

— Я никогда и не прилагал для этого никаких усилий, — буркнул Арс.

— Конечно! Парень просто обожает нас! Давай устроим ему праздник. Света была бы рада, — Берт загадочно посмотрел на друга.

— Это ты о чем сейчас?

— Этот тот парень, за которого она вступилась, а я вступился за нее. Помнишь, ты еще ругал меня, что я уложил ее в свою постель...

— Зарычу, — предупредил Арсений.

— Ну ладно, она заснула здесь в моей комнате, а ты этого не знал. Помнишь?

— Помню. И что?

— Он скрипач. Будущий. Я сказал, что ты тоже играешь на скрипке. Понимаешь, Арс, — Берт стал ходить по огромной комнате, жестикулируя. — Парень одинок его постоянно избивает один ушлепок, и ему не хватает общения.

— Господин психолог, а можно как-нибудь без меня поучаствовать в жизни бедного парня?

— Никак невозможно. Ну посуди сам: парень приехал, увидел тебя и едва не свалился в обморок

от счастья, а ты возьмешь и срулишь куда-то? Да он во веки веков не оправится от такого удара. Ну один час, хорошо? Я прошу тебя об одолжении лично для меня.

Бертуччо сделал просительный вид, Арс усмехнулся.

— Слушай, ты решил воспитать себе смену? Выбрал преемника? — он вытерся полотенцем и набросил его на довольное лицо Берта, расплывшегося в улыбке.

Когда мужчины вошли в кухню, чайник уже вскипел, на столе были расставлены чашки, и взволнованный парень стоял у стола.

— Данил, садись, — решительно заявил Арс, и первый бухнулся на диван.

— Так, ну, думаю, надо за знакомство закинуть за воротник, — засуетился вдруг Бертуччо.

Он как раз перед приходом обоих отыскал бутылку скотча и собирался раздавить по маленькой, рассудив, что и Арсу не повредит совсем немного расслабиться.

— Детям не наливать, — тут же остановил его Арсений.

— Как это понимать? Где ты тут видишь детей? Здесь три реальных пацана! — Бертуччо застыл с бутылкой в руках, развернувшись к брату. — В чем вообще дело?

— Данилу нельзя, — категорически произнес Арсений. — Данил, подтверди.

Парень кивнул, вздохнув, почему-то с сожалением.

— Это почему же?

— Ему сегодня строго настрого запретили пить, — усмехнулся Арсений.

— Кто?

— Данил, сообщи, — Арсений лениво покосился на паренька.

— Да я, вообще-то, так-то не пью, это уж просто так было сказано...

— Ты не смущайся, никто не считает тебя алкашом, — Арсений дружелюбно хлопнул Данила по спине и посмотрел на Бертуччо. — Его сестра попросила его быть молодцом и вести себя прилично в нашем обществе.

— Ай-яй-яй, и ты ей это обещал? — Берт сделал большие глаза. — Данил, ну как ты мог так необдуманно пообещать такое? Ты же пришел в гости к плохим мальчикам, с нами невозможно вести себя прилично.

Данил вдруг побледнел. Он чего-то не понял, что это значит? Он что, ошибся, и пришел к тем, кто собирается снова над ним издеваться? Или еще хуже — мучить его? Что, собственно, он знает об этих людях?

Он стал медленно подниматься с дивана,

когда крепкая рука Арсения легла ему на плечо.

— Спокойно, брат, садись и не бойся. Нельзя пить скотч — будем пить чай, хорошо? — он вновь посмотрел на Бертуччо. — Друг, налей нам всем по чашке, а?

— Бббертучччо, — Данил вдруг стал заикаться от сильного волнения, — а что ты имел в виду, когда сказал, что ваше общество неприличное?

— Что имел в виду? Садись вот сюда, бери эту чашку, — позвал его Берт.

Он хозяйничал за столом, разливая чай, настоящий на травах. Арсений достал из холодильника продукты и протянул один нож Данилу, чтобы тот нарезал сыр, а сам занялся корейкой. Бертуччо, заметив это, удовлетворенно вздохнул. Значит, Арс не объявлял никакого бойкота еде, и за него можно быть спокойным — от голода он не умрет.

— Понимаешь, Данил, — начал Берт задумчиво, когда все расселись за большим круглым столом. — Мы с Арсом люди... странные, загадочные, и держимся особняком, потому что у нас есть свои тайны, о чем людям знать не обязательно.

— Я понимаю, — произнес Данил, ничего не понимая.

Оба мужчины видели это. Арс смотрел на

Берта. Зачем ему надо все вот так выкладывать первому встречному мальчишке? В чем дело?

— Мы поем, играем на гитарах, Арсений вообще играет на скрипке, ну да я тебе об этом уже говорил, но это не все. В перерывах, случается, мы убиваем людей, — и он посмотрел на парня, ожидая его реакции и вопросов, словно проводил пресс-конференцию.

Парню стало совсем плохо.

— Вы позвали меня, чтобы... убить? Я ваша жертва на сегодня? — спросил он, нервно сглотнув и почувствовав непривычную сухость во рту.

Умирать, почему-то совершенно не хотелось. И было страшно от ожидания боли. Но реакция мужчин на его реплику озадачила несчастного. Мужчины откровенно заржали. Он переводил взгляд с одного лица на другое, и странное дело: видел, что они веселы, и дружелюбны. Ну не могут люди с таким выражением лица убивать. Или могут? Что вообще происходит?

— Брат, ты нас не правильно понял, — отсмеявшись, произнес Бергуччо. — Мы не маньяки, не каннибалы и не насильники. Просто у нас такой род деятельности: убирать конкурентов, сводить счета, мстить за себя, делить территорию и так далее. Понимаешь? Конечно, нет, ну да ладно. Просто хочешь с нами дружить — тебе лучше узнать о нас как можно больше.

— Но разве, если я об этом узнаю, я не стану для вас помехой? — Данил все еще был озадачен свалившейся на него информацией.

— А разве ты хочешь нас сдать? — Арсений пристально посмотрел на него.

— Нет, вы что? Да я лучше на самом деле умру, чем чем-то вам наврежу, — заявил Данил совершенно искренне.

— Вот и отлично! — Берт поднял чашку, как бокал, и чокнулся с чашкой Данила. — Ты не бойся, Данилец, мы детей не обижаем. Мы вообще хороших людей не трогаем. Так что вернем тебя твоей сестре в целостности и сохранности. И если только ты захочешь, ты сможешь придти к нам в гости снова. Идет?

Данил с готовностью кивнул. В эту минуту он чувствовал, что была бы его воля, он вообще не покидал бы этот дом. Мысли и чувства сменялись как в калейдоскопе, голова кружилась, Данил очень робел, но странное дело — ему было хорошо. Практически впервые в жизни он чувствовал себя человеком, которого никто не хочет унижить, и ему это понравилось. А ведь это настоящие хозяева жизни, и они не идут ни в какое сравнение с его обидчиками, мнящими себя все, как один, пупом земли.

— Если можно, я бы пришел еще, — признался он.

Берт весело хлопнул его по плечу.

— Ну что, ты сыграешь нам что-нибудь? О, Арс, а давай вы дуэтом что-то сотворите! — обрадовался Бертуччо.

Арс согласно пожал плечами, давая понять, что ничего не имеет против. Прошло столько времени, он давно не брал в руки скрипку. Может, сейчас и не лучший момент для этого, но, кто знает, может, он обретет душевный покой хотя бы на время? Ему так нужен перерыв в череде тех чувств страха, волнения и надежд, что он рад любой возможности отвлечься и переключиться на что-то спокойное.

— Только ты идешь за инструментом, — заявил он.

— Ребята, я вас люблю, — просиял Бертуччо.

Он видел, что Арс оживает, и ему это понравилось.

* * *

Первый раз Генрих решился прикоснуться к Семерке через две недели после того, как она попала в гостевой домик.

Он попросил разрешения осмотреть ее раны на спине. Тогда-то и решился впервые сделать ей больно. Девушка тихо вскрикнула, списав его действия на неосторожность, к тому же Генрих сам

с тревожным видом принялся рассыпаться в извинениях. Он неотрывно смотрел, как кровь выступает на растревоженной им ране, и чувствовал сильное слюноотделение, и еще кое-что, что следовало срочно утихомирить, чтобы не сорваться и не испортить себе будущий спектакль.

С сожалением он смотрел, как девушка опускает рубашку, с тоской провожая эти рубцы, которые так приятно вскрывать ногтями. Что ж, он подождет, все еще впереди.

Вскоре Семерка стала выходить из дому. В очередной раз осмотрев ее и справившись об общем самочувствии, с самым серьезным видом врач прописал ей прогулки на свежем воздухе, благо яблоневый сад позволял получать настоящее удовольствие от исполнения этого предписания.

Лариса неотступно была с ней, черпая силы и тихую радость в том, что могла заботиться о ком-то, беспокоиться, опекать. Она никогда не рассказывала о своей прежней жизни на воле, но у девушки сложилось твердое мнение о том, что женщину разлучили с ребенком, и ее сердце, открытое для нежности и любви, быстро прикипело к Семерке.

Она тянулась к этой женщине, чувствуя, что ласка дает ей силы, укрепляет дух. Она заметила, что после общения с Ларисой спокойнее

воспринимает визиты Генриха, и страх перед этим загадочным человеком с непроницаемым взглядом потихоньку отступает.

Хозяйский дом всегда был полон людей, из открытых окон часто доносилась музыка, звучал девичий смех или взрывы мужского хохота. Во дворе и вблизи жилых построек постоянно встречались пары, группы гостей или одиночки, получающие удовольствие от чистого воздуха, яркого солнца и потрясающего вида на величественные горы вдали.

Во время неспешных прогулок по саду девушка часто встречала домочадцев Генриха и гостей, проживающих в большой усадьбе. Кто-то из них быстро проходил мимо, не удостоивая пару рабынь даже беглым взглядом, кто-то откровенно с любопытством их разглядывал, а Регина даже приветствовала их и заговаривала с Семеркой, чем приводила в ужас своих тетушек, если те составляли ей компанию во время прогулки.

Регине нравилось демонстрировать свое участие к Семерке и шокировать этим многочисленных родственниц. Откровенно игнорируя их шиканье, ворчание и возведенные горе глаза, она спокойно общалась с «бедной девочкой», тем самым разрушая все стереотипы и табу, установленные среди людей ее круга.

На самом деле, она просто не понимала,

почему девушки и женщины, внешне выглядящие так же, как она, ее кузины или тетушки, не считаются людьми, а классифицируются ее родными и друзьями как животные. Чем больше она общалась с Семеркой, тем больше убеждалась, что ей интересно с этой девушкой, не испытывающей ни раболепства перед ней, ни страха. Эта рабыня совершенно не заискивала, не искала особого расположения в попытке получить какие-то послабления или льготы. Наоборот, Семерка была сдержанна и немногословна, вежлива и спокойна всякий раз, когда Регине выпадало время погулять и пообщаться ней.

Регина справлялась о ее здоровье, делала комплименты внешнему виду, хвалила какие-то ее действия и всячески старалась приободрить. Так играют в куклы, представляя себя в роли заботливой мамочки, горя желанием излить на свою «дочку» весь запас игрушечной нежности и заботы.

Все изменилось, когда Регина случайно услышала один разговор. Максуд, человек, которого давно прочили ей в мужья, который долгое время ухаживал за ней, упорно протаптывая дорогу к ее сердцу, ходил внутри беседки, нервно жестикулируя, пытаясь в чем-то убедить Генриха. Хозяин плантации курил, лениво слушая его, разглядывая облака, неспешно плывущие в высоком небе.

Регина долго не могла понять, о ком шла речь, пока не услышала имя своей «подшефной»: мужчины спорили о Семерке.

— Пойми, я просто больше так не могу, — почти скулил Максуд, трясая руками в сторону Генриха. — Ты должен что-то сделать.

— Я и сделаю, — пожал плечами тот.

— Когда? Чего ты тянешь? Почему не разделаешься с ней сейчас?

Регина едва удержалась от вскрика, когда ее без пяти минут жених обратился с таким упреком к дяде. Она подумала, что ослышалась, или что-то не правильно поняла.

Генрих повернулся к мужчине, окинул его холодным взглядом.

— Еще не настало время.

— А когда оно настанет? Когда? Когда у меня снесет крышу, или когда еще кто-то наломает дров? Тогда что ли? — Максуд практически прыгал вокруг непоколебимого Генриха, пытаясь заглянуть ему в лицо.

— Ты чего из штанов вылазишь? — Генрих поморщился, глядя на мужчину с влажными губами и горящими глазами. — У тебя удар случиться может. Вон и пена на губах уже выступила.

Максуд машинально провел тыльной стороной ладони по губам.

— Ты не уходи от темы, ответь мне прямо,

Генрих, когда этой девки здесь не будет?

— Говорю тебе это раз, и больше повторять не буду, — Генрих щелчком отбросил сигарету и развернулся к будущему родственнику. — Ах, ты чувствуешь этот нежный аромат садовых роз, Макси? Городские розы не идут ни в какое сравнение с нашими, настоящими, живыми. Ах, как они благоухают. Остановись, вдохни поглубже этот воздух, эту смесь сладости и горечи.

— Генрих, прошу тебя, — почти простонал мужчина, равнодушный в данную минуту к прелестям садового розария.

— Хорошо, Макси, — вздохнул Генрих, вынужденный разговаривать с таким бесчувственным «чурбаном». — Дело в том, что я пока... не готов предстать перед этой девушкой в качестве рассказчика.

— Что за... Какого рассказчика? Генрих, я не понимаю, ты о чем сейчас говоришь? Что ты мне тут пытаешься втереть? Ты прямо ответь мне, до каких пор...

— Послушай, Макси, послушай меня, — Генрих снисходительно пропустил речитатив возмущенного приятеля мимо ушей. — Я как раз занят тем, что разучиваю «Паломничество Чайлд Гарольда», и текст, прямо скажу, еще сыроват. Я не смогу предстать перед этой девушкой с плохо заученной поэмой, понимаешь?

Максуд застыл на месте, передумав говорить.

— Ну посуди сам, допустимо ли, чтобы я неуверенно лепетал и сбивчиво бормотал плохо выученный текст? В каком свете я предстану перед этой... леди? Разве сможет она получить удовольствие? Впечатлится ли бессмертным шедевром классика? А если не впечатлится, то и я не смогу получить то удовольствие, на которое рассчитываю, о котором грежу!

Максуд громко сглотнул, во все глаза глядя на Генриха.

— Макси, все должно быть без суеты, — Генрих снисходительно улыбнулся. — Думаешь, мне легко? Каждый день видеть ее, слушать, и отпускать нетронутой, — Генрих смахнул челку со лба. Его лицо покраснелось, как только он вспомнил облик обсуждаемой девушки. — Но ради нее я готов на все, и на такие жертвы, как мучительное ожидание. Потому что я понимаю, Максуд, что мое терпение и вынужденное... воздержание окупятся с лихвой и будут вознаграждены.

— Ааа, Генрих, что ты такое говоришь? Ну зачем ей стихи, если она все равно умрет? — Максуд опять попытался эмоционально наскочить на собеседника.

— Грубое ты существо, — усмехнулся Генрих. — Я знаю, что она умрет, и ты знаешь это.

Но весь вопрос в том, как она умрет, понимаешь? В этом вся суть.

— Что ты имеешь в виду? О чем ты говоришь?

— Макси, Макси, неотесанная ты деревенщина, — хозяин усадьбы сочувственно покачал головой. — Принято считать, что твои соотечественники спустились с гор, приняли другой образ жизни, и цивилизация вошла, наконец, в их дремучую жизнь. Но ты, похоже, друг мой, так и застрял на одном из горных перевалов, придавленный большим валуном.

Максуд вновь принялся бегать по беседке, что-то бормоча себе под нос. Он явно был расстроен и сильно нервничал.

Регина же, притаившись за одним из столбов, скрытая от глаз мужчин разросшимся розовым кустарником с мелкими желтыми цветками, не смела дышать. Сердце ее гулко стучало, отдаваясь в висках. Она прижала к губам кулак, чтобы сдержать свои эмоции. Было необходимо дослушать разговор до конца, как бы ни было страшно.

— Генрих, ты можешь смеяться надо мной, сколько хочешь, и оскорблять... — проговорил Максуд, наклонив голову, как молодой бычок, но хозяин перебил его.

— Макси, ты дикарь, ты родственник дикарей, и в тебе течет сумасшедшая кровь, отравленная

беспределом. Отдай я тебе эту девочку, что ты сможешь сделать с ней? Ты только и умеешь, что перерезать глотки баранам. Этой участи я желаю ей? Нет! Послушай меня, она достойна быть осыпана лепестками роз с головы до ног, — глаза Генриха засветились фанатическим огнем. — Она заслуживает того, чтобы слушать Байрона. Классическая музыка писалась специально для того, чтобы заглушать ее стоны, понимаешь? — Генрих подошел к Максуду и взял его за грудки. — И этого ты хочешь ее лишить? Ты думаешь, я тебе это позволю?

Максуд снял руки Генриха со своей рубашки, демонстративно оправил ее и отошел в другой конец беседки.

— Я лишь хочу сказать, что однозначно не отдам ее тебе, — повторил Генрих. — Бери любую. Ты знаешь, мне никогда не было жалко для тебя этого добра, я всегда щедро с тобой делился, но.... в данном случае тебе не удастся меня уговорить.

— Я просто прошу тебя поскорее ее убить, — сквозь зубы процедил взвинченный мужчина. — Я не могу спать, я не могу нормально есть, я на Регину стал смотреть как на...

— А вот с этим поостерегись, — Генрих неожиданно резко повернулся к своему собеседнику. — Максуд, я предупреждаю тебя сейчас один единственный раз: если с Региной

что-то случится...

— Генрих, как ты можешь такое говорить!

— ...если хоть один волос упадет с ее головы...

— Генрих, остановись!

— ...если в ее глазах появятся слезы, и именно ты будешь их причиной и виновником ее плохого настроения, то я клянусь тебе, Макси: тебе не жить, — произнес Генрих тихо и четко, проигнорировав реплики побледневшего мужчины.

Сомневаться в исполнении обещания не приходилось.

— Генрих, я лишь прошу: не тяни, — промямлил, съезжившись, мужчина.

— Еще немного, Макси, — Генрих быстро успокоился и снова облокотился на перила, созерцая красоту сада. — Уверяю тебя, я стараюсь изо всех сил, чтобы приблизить тот день, когда смогу насладиться этой красотой, — проговорил он. — Если бы ты знал, как волшебно пахнет ее кровь, — прошептал он, закрыв глаза. — И поэтому я удивлен, как ты можешь сомневаться в том, что я делаю все, чтобы приблизить этот час Ч, когда я... когда я... — спазм сдавил его горло, и он замолчал, уставившись вперед, в одном ему видимую точку.

Максуд тяжело дышал.

— Генри, ты не отдашь мне ее, я понял. Но может, ты продашь ее мне? Я не пожалею никаких

денег.

Плантатор задохнулся от возмущения.

— Пошел вон, — крикнул он, обернувшись на глупца, который не способен ничего понять.

Он полчаса распинался перед этим вырожденком, а тот так ничего и не понял! Да такие существа как эта девочка, рождаются раз в пятьдесят лет, и такого чуда в его жизни больше никогда не случится. Он должен, он просто обязан подготовиться как следует, чтобы всю оставшуюся жизнь вспомнить те чудные мгновения, которые ему предстоит провести с этой девушкой, пока она не испустит дух у него на руках.

ГЛАВА 6

Регина бросилась прочь от садовой беседки, где близкие ей люди обсуждали предстоящую смерть ни в чем не повинной девушки.

Услышанное не укладывалось в голове, и она бежала, не разбирая дороги, вкладывая в этот процесс все свои мысли и усилия, лишь бы отвлечь мозг и забыть о полученной информации. Она пробежала через весь сад и, не задерживаясь во дворе, вбежала в распахнутые двери дома мимо тетюшек, удивленных ее стремительным бегом. Они попытались о чем-то спросить ее, но девушка не остановилась, проигнорировав их. Им оставалось

лишь недоуменно хлопать накрашенными ресницами ей вслед и переглядываться. Она всегда росла своевольным ребенком, пожали они плечами.

Взволнованная девушка на одном дыхании пересекла огромный просторный холл, взбежала по лестнице на третий этаж, и пронеслась по длинному светлому коридору словно ветер. Влетела в свою комнату и тут же захлопнула дверь, решительно закрыв ее на засов.

Облокотившись о дверь, Регина стояла так какое-то время, слушая стук собственного сердца. Понемногу она стала приходить в себя. Горы, видимые в распахнутое окно, словно подавали пример невозмутимости и хладнокровия. Пройдя через комнату, девушка упала на кровать. Бездумно разглядывала лепнину на потолке, сжимая дрожащими пальцами шелк покрывала.

Уютная обстановка девичьего царства резко контрастировала с теми чувствами, которые теснили сейчас ее грудь. Из-за той тайны, которую она невольно подслушала.

Регина росла в обстановке любви и покоя. Будучи всеобщей любимицей, она с детства ни в чем не знала отказа. Все наперебой стремились исполнять ее желания, но, несмотря на это, девушка выросла не капризной жеманной девицей, а вполне самостоятельной, живой и энергичной.

Она много читала и, благодаря пытливому

уму, хорошо училась. Гувернер и репетиторы всегда хвалили ее, ставя в пример кузинам и кузенам. Она рано научилась верховой езде, полюбив этот способ развлечения, единственно доступный в ее положении человека, вынужденного жить на уединенной фазенде.

Смелая и отважная, она всегда была заводилой в играх, лазала по деревьям, гоняла наравне с мальчишками, и частенько брала над ними верх в потасовках. Среди них даже не считалось позором уступить Регине — кто же с ней справится, кому под силу одолеть ее!

Она жила в усадьбе как принцесса в заточении, под надежной охраной. Круг ее общения ограничивался большой семьей, близкими родственниками и многочисленными гостями, привычными с детства, но пределы поместья она никогда не покидала. Только однажды Генрих взял ее, еще подростком, с собой в полет на личном вертолете, когда направлялся на ярмарку в ближайший город, находящийся на существенном расстоянии от их плантации, надежно скрываемой горной грядой.

Девушка понимала, чем занимается Генрих, и видела, что благодаря его делу она живет, не заботясь о пропитании, не нуждаясь, и ни в чем себе не отказывая. О том, что может быть другая жизнь, за пределами этого «мирка», она не

задумывалась. Только недавно, во время очередной беседы с Семеркой, она с удивлением услышала вопрос рабыни: «А что там, за горами? Есть ли там что-нибудь?». Регина тогда пожала плечами и отмахнулась, а после думала об этом весь вечер.

Конечно, бедной рабыне, рожденной в неволе, ничего не известно о жизни вне плантации, но ведь и Регина никогда не видела, что же там на самом деле находится. Она изучала географию, знала наименование всех населенных пунктов в той части страны, где родилась, но это была лишь теория. Она никогда не испытывала тяги к путешествиям, никогда не скучала здесь и не рвалась за пределы.

А вот Семерка тосковала. И задавалась вопросом. Что она вообще может знать о мире, о странах, городах? Но вот именно она рвалась туда, где ни разу не была. И Регине нравилась эта черта в девушке. Она поймала себя на мысли, что с удовольствием отправилась бы с ней путешествовать. Научила бы ее ездить верхом, подарила бы хорошую лошадь, и они отправились бы далеко-далеко. И она рассказывала бы Семерке много интересного, и девушки впервые в жизни увидели бы этот мир своими глазами. Они бы много смеялись, много шутили и много молчали. Им было бы здорово вместе. У Семерки такой взгляд, будто она понимает то, что не может даже выразить словами, и Регина мечтала, что однажды ей удастся

заглянуть в душу к этой девушке и понять что-то новое, необычное и прекрасное.

И вот теперь Регина узнала, что Семерка должна умереть. Это факт, это неизбежно, и вопрос заключается только в дате. День пока не назначен, но это ничего уже не изменит: Семерка умрет.

Глаза снова защипало, Регина тяжело задышала, сжимая кулаки. Она не понимала себя в этот момент. Она привыкла уважать Генриха, ее учили этому с детства. Долгое время она считала его главнее деда Мороза, Иисуса и президента страны. Кто они были ей? А Генрих давал ей все, благодаря ему она была жива, как и все те, кто зависел от него. И все были счастливы. Его забота не имела границ, щедрость и души и руки никогда не оскудевала к ней, и она обожала его. Генрих наше все, Генрих всегда прав, будет только так, как сказал Генрих. Если Генрих разрешит, только тогда что-то можно, если Генрих это не одобряет, от этого следует отказаться. Она не представляла, что может быть иначе. Она привыкла так жить.

И вот теперь она не знала, что думать, что делать.

Ей давно было известно, что существует карцер, куда помещают провинившихся рабынь. Ей говорили однажды, когда она задала откровенный вопрос, что там созданы все условия для того, чтобы строптивые и нерадивые работницы

исправлялись, ведь от их послушания и хорошей работы зависит процветание и благополучие всех, кто живет под крылом у Генриха. Регине не позволялось близко подходить к зданию, ведущему в карцер, и она никогда не ходила туда. Зачем, если Генрих запретил? Можно послушаться маму, поспорить с бабушкой, обидеться на папу и подраться с братьями, но вот прекословить Генриху — никогда. Да и как можно жить, когда ты огорчаешь самого дорого и важного человека!

А если этот человек убийца, что тогда? Но ведь он говорил о стихах, о розах и музыке. Как можно убить человека, если хочешь подарить ему красоту и прелесть искусства? Как можно погубить ту, кого считаешь красивой? Зачем уничтожать красоту?

А Максуд... В волнении Регина вскочила с кровати и принялась нервно расхаживать по комнате, ударяя кулачком о ладонь другой руки. Что значили слова Генриха о том, что он часто дарил Максуду девушек, делился с ним? Причем щедро. Это что же значит, что Генрих запирали их в карцере для исправления, а Максуд приходил и убивал их? Ее Максуд? Мужчина, открывший ей свои чувства, назвавший ее самым прелестным существом на свете?

Девушка закрыла лицо руками и разрыдалась. В ее мироощущении что-то рушилось сейчас, и это

было очень больно.

Подходил к концу второй месяц со дня исчезновения Светланы. Арсению все труднее становилось сохранять ясность рассудка и бодрость духа. С каждым новым днем по капле испарялась его надежда, и мысль, что он навсегда ее потерял, тупым ножом сидела где-то в боку, причиняя глухую боль и заставляя сердце болезненно сжиматься.

Все чаще он задумывался о вкусе коньяка, рассуждая и гадая, с какого бокала он свалится в беспомощности. Он понимал, что от мрачной бездны отчаяния его отделяет невидимая и едва ощутимая завеса, истончающаяся с каждым новым днем.

Он замкнулся в себе, редко выходил из комнаты, не отвечал на телефонные звонки и игнорировал все попытки Бертуччо разговаривать с ним и хоть как-то вывести из черной депрессии.

Берт же увлекся Данилом как новой игрушкой, уделяя ему почти все свое внимание. Они много времени проводили вместе, Берт рассказывал о временах, когда был солдатом удачи, хвастался дружбой с Арсением, вспоминал их совместные геройства.

Для Данила он сам был героем, кумиром, идеалом, и Ливертье это устраивало. Он начинал понимать те чувства, которые испытывал Арсений,

став когда-то таким же человеком для самого Берта, и сейчас ощущал себя великим, востребованным, необходимым. В Даниле он видел себя молодого, одинокого и беспризорного, жаждущего стать для кого-то нужным, попасть под чье-то покровительство.

В новой роли демиурга он чувствовал себя вполне комфортно.

Однажды Данил пришел избитый. Он отворачивался и игнорировал вопросы Берта, не желая поднимать эту тему, но синяк под глазом, содранная скула и разбитые губы сказали Берту все.

— Едем, — заявил Берту ччо, когда чай был выпит, и он вдоволь налюбовался на синяки и ссадины своего подшефного.

— Что, уже? — Данил думал, что подольше пообщается со своим покровителем, но раз Берт готов отвезти его домой, значит, так надо.

Не в силах скрыть разочарование, он поднялся из-за стола.

— Да, Данил, так надо, — кивнул мужчина и направился в прихожую. — Арс, мы ненадолго, — крикнул он, надеясь, что Арсений его услышал.

Не дождавшись ответа, вздохнул и, застегнув пальто, вышел из квартиры.

Они без разговоров доехали до дома, где Данил жил со своей сводной сестрой. Вздохнув, парень собирался уже попрощаться с другом, как

замер на месте: Бертуччо направил на него пистолет. Юноша был не в силах произнести ни слова. Он не мог понять, чем вызвана такая реакция мужчины, и молчал, во все глаза глядя прямо в дуло пистолета.

— Вот! Вот такая же реакция будет и у твоего врага, — спокойно сказал Бертуччо, быстро повернув оружие в руках и, держа за ствол, протянул его Данилу. — Бери!

Данил не шевелился. Он ничего не мог понять.

— Бери, говорю, и выходи из машины. Где сейчас тот укурок, ты знаешь? Подойди к нему и просто направь оружие прямо ему в лицо. Уверяю тебя, в этот момент ты кончишь от восторга, — мужчина недобро усмехнулся.

— Бертуччо, я все понимаю, — сдавленным от волнения голосом произнес Данил, — но я не смогу его убить.

— А кто тебе сказал, что его надо убивать? — Берт насмешливо приподнял бровь. — Если у тебя в руках оружие, это еще не значит, что ты должен стрелять во всех подряд, понимаешь?

Данил только громко сглотнул. Ужас, что его заставят сейчас убить человека, после этих слов тут же отступил. Он даже устыдился своих мыслей на счет Бертуччо, а тот продолжать вещать истины начинающему киллеру:

— Никогда, ты слышишь, никогда не убивай просто так, на эмоциях и в гневе, понятно?

Данил только кивнул.

— Однажды, если ты это сделаешь, мысль о том, что ничего уже нельзя отыграть и вернуть назад, будет жечь тебя всю твою оставшуюся жизнь.

— Бертуччо, а можно спросить, о ком ты говоришь? — Данил заговорил, почему-то, шепотом.

— Так, об одном подонке и негодяе. Был такой мерзкий итальянец, он загубил жизнь одной прекрасной женщине и исковеркал судьбу своему сыну.

— Почему же ты о нем жалеешь?

— Потому что невозможно спокойно жить, будучи отцеубийцей.

Оба помолчали.

— Дан, оружие может все: сделать тебя королем, дать тебе то, что без него тебе бы и не светило — оно придает уверенность и вес твоим словам. Но оно же и делает тебя рабом. Убей ты не того человека, и его предсмертные хрипы будут преследовать тебя всю жизнь.

— А что он тебе сказал перед смертью?

Бертуччо отвернулся к окну, потом достал сигарету и закурил.

— Прости, — произнес он.

— Что ты, за что? — растерянно улыбнулся Данил.

— Это он сказал мне, пока пуля летела ему в голову, — тихо сказал Бертуччо.

В тот вечер Данил стал мужчиной, как выразился Берт. Он решительно взял оружие, протянутое другом, и вышел из машины. Широким шагом пересек двор и открыл дверь, ведущую в подвал. Он знал, где Вид и его дружки проводят время, когда им нечем заняться.

Под свист и глумливое улюлюканье подошел к Виду, насмешливо взирающему на него со своего места, и остановился в нескольких шагах от него. Мысль о том, что Вид поймет, что Данил не сможет выстрелить, и воспользуется этим, заставила его задрожать. Бисеринки пота выступили на лбу и на верхней губе. Он вошел в логово к зверю один, причем добровольно. На что он рассчитывает? Но отступить было некуда.

— Что, пидор, чего приперся? — рот рыжеволосого хулигана расплылся в довольной усмешке. — Я только с утра тебя отымел, а тебе не терпится снова это пережить?

Общий гогот заглушил другие его слова. Данил молча вытащил из кармана пистолет и в вытянутой руке поднял до уровня лица Вида. Он не спускал с него глаз и увидел, как изменился парень. Глаза рыжего расширились от изумления, рот

раскрылся, он проглотил все слова, которые хотел выплеснуть на бедного парня.

— Что это? — просипел он.

— Это твоя смерть, гад, — спокойно сказал Данил и снял Марк-1 с предохранителя.

Наступившая тишина оглушала. Данил стоял и не знал, что делать дальше. Он видел, как дрожит Вид мелкой дрожью, боковым зрением заметил оцепенение всех присутствующих, но как выйти из этой ситуации, не знал.

— Послушай, брат, не делай этого, — услышал он голос Бертуччо и мысленно выдохнул.

— Он заслужил, — проговорил он. — Он меня достал. Я хочу, чтобы он сдох! — и для пущей убедительности потряс пистолетом перед носом у побелевшего как мел парня.

— Тихо, ковбой, тихо, — Бертуччо изобразил сильно озадаченного человека, который хочет осторожно подкрасться к психу с оружием и обезвредить его, пока тот не наломал дров.

Вид в волнении и с надеждой следил за этим человеком. Он удивился, когда вспомнил, где его видел. Да этот мужик ему знаком! Когда-то он сам тряс оружием у него перед носом, спасая одну девку. Вид тогда сильно позавидовал ему, решив, что тоже станет таким крутым. Но выйти на нужных людей, раздобыть такие деньги и получить оружие так и не сумел. Отнимаемых у слабых ребят

и школяров денег пока было явно недостаточно для этого. А вот Данилу повезло. Черт, он нашел себе крутого покровителя, чтоб он сдох.

— Берт, не останавливай меня, — закричал Данил. — Я устал от этого ублюдка. Знаешь, сколько людей мне скажут спасибо, когда я нажму на курок!

— Знаю, но один из них будет несчастен.

— Кто, его мать? Сама виновата, что у нее такой придурок получился!

— Нет, ты.

— Я? Ты что-то путаешь. Ты ошибаешься. Уж только не я. Нет, не я, точно.

— Правда? Уверен? Думаешь, жить убийцей легко?

— Еще как легко! Жить и знать, что одним гадом на свете стало меньше — это настоящая радость, — проговорил Данил, сверкая глазами.

Он видел, как его враг сжимается, делается меньше, и с каждым его словом сереет. Вид и правда был уже на грани обморока. Он испугался, что Берту не удастся отговорить Данила от отчаянного шага. О, как он сожалел в эту минуту, что черт однажды дернул его задеть этого ботана со скрипкой. Шел бы тот своей дорогой, и Виду сейчас не хотелось бы так в туалет, когда уже нет сил терпеть.

— Ладно, Данил, давай зайдем с другого

бока, — проговорил Берт, тяжело вздохнув. — Если ты оставишь его в живых сейчас, то каждый день сможешь наслаждаться видом поверженного врага. Поверь мне, это гораздо лучше, да и в тюрьму за это не сажают, понимаешь?

— Нет, не подходит, — с сожалением покачала головой Данил. — Он может сам раздобыть оружие, и в отместку подстрелит меня из-за угла в любой момент.

— О, этот вариант, конечно же, не стоит исключать, — Берт, казалось, задумался, — но понимаешь, этот парень все же не дурак. Он понимает, что я отомщу за тебя так, что всем мало не покажется. А зачем ему такие проблемы, а?

Данил повернул голову в сторону Бертуччо. Тот смотрел на него с надеждой на победу разума над гневом.

— А ты действительно мог бы за меня отомстить? — спросил он.

— О чем разговор! Мы же друзья, мы как братья. А я своих в беде не бросаю, спроси хоть у Лугового. Ну, так как?

— Наверное, я так и сделаю, — произнес Данил неуверенно, а в следующую минуту опустил пистолет.

— Вот и молодец, — выдохнул Берт. — Ну что, пойдём отсюда? А то воняет так, что дышать нечем.

Данил молча кивнул и направился к выходу. Бертуччо же задержался. Когда он нагнал Данила во дворе, вид у него был загадочный.

— Что ты им сказал? — спросил юноша друга.

— Детям таких слов знать не положено, — Бертуччо протянул ему кулак со свежими ссадинами на костяшках, и Данил стукнул по нему своим кулаком. — Поздравляю с первой победой, чувак, — улыбнулся Бертуччо.

— Спасибо, — прошептал юноша. И столько благодарности и восхищения было в его взгляде, что у Бертуччо защипало глаза.

— Не стоит, старик. Обращайся в любое время. Мы своих в беде не бросаем, запомнил? А теперь поехали, отметим это радостное событие, — и он повел Данила к джипу.

— Да, — спохватился он вдруг, — может, захватим и твою сестру?

Данил изумился.

— А что, красивая веселая девушка нам совсем не помешает. Видел, каким мрачным стал Арсений? Думаешь, будет хуже, если кто-то с ним поговорит? Ты слышал о том, что красота спасет мир?

Данил улыбался во весь рот. Он чувствовал, что связь между ним и Бертом растет и крепнет, а если еще и сестра подружится с Арсением, то

можно быть уверенным, что ничто не разлучит его с этими людьми, которые с некоторых пор стали ему так дороги.

Семерка плакала. Тихо забилась в темный угол и беззвучно рыдала. Слезы катились по лицу, совершенно неподвижному, лишенному какой-либо мимики. В сердце царила абсолютная пустота. Совершенно обескураженная, она не понимала, зачем живет, для чего, на что ей можно надеяться, чего ожидать, но сознавала, что отсутствие цели и причины вовсе не прибавляет ей решимости расстаться с такой несуразной непонятной жизнью. Умирать было страшно. Она смотрела на свой шрам на руке, совершенно не понимая и не помня, как он появился, имея лишь предположение Татьяны о том, что это была попытка самоубийства. И сейчас, тихо рыдая в закутке, недоумевала, почему в сложившихся обстоятельствах она совершенно не может повторить ту попытку.

Генрих мучил ее каждый день. Вниманием и заботой, снисходительностью и нежностью. Он защищал ее от придирок своей родни, от приставаний своих друзей, от жестокости прислуги, воспринявшей ее как конкурентку, из-за которой кто-то может лишиться этой работы и вылететь на плантацию.

Генрих цитировал ей строки стихов,

разговаривал с ней об искусстве, ставил пластинки с хорошей музыкой, которая ни о чем Семерке не говорила, и был вежлив, галантен и красив.

Но он причинял ей боль. Часто. Все началось с того, что он изъявил желание помочь ей и решил смазать ее раны. Семерка не посмела противиться, и послушно легла на диван в гостевом домике, оголив спину. Мужские ладони, теплые, мягкие, большие, легли на лопатки, замерли на мгновение, и плавно спустились к пояснице. Резким рывком Генрих провел ладонями по спине снизу-вверх, и ногтями вспорол заживающие рубцы, сдирая запекшуюся кровь и образовавшиеся корочки. Девушка зажмурилась, изо всей силы прикусив губу и стараясь сдержать крик. Слезы побежали по щекам, капая на подушку, но она не шевелилась и ничем не выдавала своего страдания: она сделала открытие, что Генриху доставляет удовольствие именно оно.

Мужчина бурно извинялся за свою неловкость, клялся, что обстрижет ногти, чтобы никогда больше не зацепить ее болячки, участливо заглядывал ей в глаза, но на следующий день все повторилось вновь.

Генрих причинял ей боль, ковыряя шрамы, Семерка молча плакала. Ей было больно и страшно, она понимала, что полностью в его власти, но радовал тот факт, что ее не упекли в тот страшный

карцер, в пыточную камеру. Она будет терпеть. Терпеть и молчать, только бы оставаться в этом доме.

Так продолжалось пять дней.

На одном из медицинских осмотров, ставших редкими по причине выздоровления, когда уже не было острой необходимости справляться о самочувствии, и все шло на поправку, седовласый врач увидел, что раны никак не могут затянуться. Он не на шутку встревожился, полагая, что или мазь оказалась неэффективной, или Лариса пренебрегает своими обязанностями по уходу за пациенткой.

Он тут же вызвал служанку в комнату и принялся громкой ее отчитывать. Семерка же не смела сказать ни слова, и Лариса, увидев ее слезы, обо всем догадалась. Она опустила голову и пообещала больше внимания уделять девушке и ее спине. А после ухода врача они плакали вдвоём, обнявшись, и не говоря ни слова. Все и так было понятно, но никто из них не мог ничего изменить.

Доктор же пожаловался Генриху на то, что выздоровление затягивается, и возможно, это связано с какими-то внутренними проблемами со здоровьем, или состоянием крови. Генрих не на шутку разволновался и пообещал любые деньги за обследование и качественное лечение. Он решил больше не рисковать и оставил свое занятие по

«массированию израненной спины», как бы ни хотелось ему этим наслаждаться.

Он находил другие способы добраться до ее тела, увидеть ее кровь, почуять запах ее страха. Это мог быть неожиданный порез ножом, когда он увлеченно жестикулировал, цитируя стихи и разрезая яблоко, и как бы нечаянно проводил острым лезвием ножа по руке безмолвной горничной. Тогда он испуганно кидался к ней, принимался вытирать пальцами кровь, чтобы потом незаметно слизнуть ее, и шептал слова сожаления о своей неловкости. Или это были уколы шипами роз, которые он просил Семерку поставить в вазу в большой гостиной, или что-то еще, что он не уставал изобретать, лишь бы чувствовать эту девушку, так волнующую его и днем, и ночью.

Он понимал, что серьезно болен ею, что не может провести ни дня, чтобы не увидеть ее. Он стал назначать важные встречи на своей территории, или пропускал их, если дела требовали его отсутствия в усадьбе более чем на сутки. Он грезил этой рабыней, прислушивался к малейшему шороху, пытаясь угадать именно ее приближение, пытался различить ее голос, в какой бы части дома или парка она не находилась. И он старательно и настойчиво изучал «Чайлд Гарольда», благословляя тот день и час, когда сможет закрыться с ней от любопытных глаз и исчезнуть из этого мира на

какое-то время, словно остаться с нею на уединенном необитаемом острове. Пусть даже вокруг не будет ни солнца, ни свежего воздуха, ни неба, а только толща земли и перегородки двух этажей того строения, в оборудованном подвале которого она примет прекрасную смерть.

Понадобилось две недели для того, чтобы Арсений хоть немного привык к сестре Данила. Берт делал так, чтобы девушка постоянно была с ними, и вскоре Арс стал понемногу с ней разговаривать.

Он по-прежнему был молчалив и замкнут, но уже отвечал на вопросы красивой девушки, когда она подходила к нему. Она оказалась милой и приятной собеседницей, умела слушать и интересно рассказывать. Арсений не мог не реагировать на нее, видя такую красоту так близко. Прошло еще немного времени, и мужчина поймал себя на мысли, что думает о ней и скучает. Ее визиты стали приносить ему радость, которую он старался скрывать от нее и от Берта, но ничего не мог с этим поделать — его к ней тянуло.

Однажды он обнаружил, что уже долгое время не отмечает на настенном календаре дни отсутствия жены. Он остановился как вкопанный, его бледность даже озадачила Бертуччо.

— Дружище, что с тобой? — обратился к

нему Берт, подавая чашку с ароматным чаем.

— Сколько Светы уже нет с нами? — глухо спросил Арсений, не оборачиваясь.

— Ну, не знаю... — Берт пожал плечами.

— Вот и я не знаю, — мрачные глаза смотрели на друга. — Это предательство, понимаешь? Как можно жить спокойно, не зная, в безопасности ли она сейчас?

— Арс, послушай меня, давай будем реалистами...

— Давай я буду продолжать верить в то, что она жива, — перебил его мужчина. — Я нахожу в этом силы жить, понимаешь?

— Понимаю, конечно понимаю. Ты знаешь, как я отношусь к Свете, и как жажду вновь ее увидеть, но, Арсений, пойми, прошло столько времени... — Бертуччо слегка ударил кулаком по стене рядом с календарем.

— Четыре месяца, — почти простонал Арсений. — Прошло четыре месяца. Где она? Что с ней?

Он вернул брату нетронутую чашку и ушел в ванную комнату.

Появление Ларисы Арсений всегда угадывал по тонкому едва уловимому аромату духов, сладких, нежных, так приятно и ненавязчиво дразнящих обоняние. Он опускал глаза всякий раз,

как она попадала в поле его зрения, чтобы скрыть огонь, который против воли загорался в их глубине. Сердце начинало гулко бухать в груди, и самым лучшим в его случае было бы сразу уйти из комнаты, но он никогда не мог заставить себя это сделать.

Он послушно отвечал на ее вопросы, на автомате делал комплименты, непроизвольно приближался к ней, чтобы втянуть ноздрями ее аромат, и делал все, о чем она его просила, исполняя ее несложные капризы.

Лариса понимала, что нравится ему, этому прекрасному удивительному мужчине, и эта мысль вдохновляла ее. Она сочувствовала его горю, но понимала, что это ее шанс. Такого мужчины в ее жизни еще никогда не было, и вряд ли будет кто-то подобный ему.

Ее всегда окружали поклонники, она всегда и всем нравилась. Модная прическа, модная одежда, красивый макияж, беспрюиришная внешность. В ней все было на уровне, на высоте. Лариса никогда не была одна, за ней все время кто-нибудь ухаживал, но дело в том, что запросы ее были намного выше, чем предполагалось для того уровня, в котором она вращалась. И это несоответствие ее желаний и надежд грустной действительности всегда создавало душевный дискомфорт. Она прятала это разочарование

глубоко внутри, идя по жизни смеясь, но мечта встретить настоящего короля, способного поднять ее на ту высоту, которой она считала себя достойной, и к которой стремилась, не покидала ее никогда.

И вот, похоже, такой человек появился. Помимо того, что он был божественно красив, до головокружения, до дрожи в коленях и руках, он имел власть, возможности и связи, которые делали его независимым для того, чтобы жить так, как ему хочется. Сердце Ларисы всю сознательную жизнь стремилось к такой личности, когда можно будет жить в той свободе, которая делает тебя практически неприкосновенной.

Арсений Луговой был лотерейным билетом в жизнь, к которой она готовила себя многие годы вопреки здравому смыслу и набору разочарований и угасающих надежд. Она понимала, что действовать надо осторожно, тонко и дипломатично.

На руку была ей и его верность жене. Да, именно на этом она собиралась построить тактику и стратегию, чтобы разыграть свою главную партию. Неудовлетворенный мужчина, уставший от своей преданности, неминуемо окажется во власти ее чар и обаяния. А уж она сделает все, чтобы он был покорен ею. Ее тело, ее умения и гибкость, страстность и безудержность не вызывали у нее

никакого сомнения. Он будет сражен наповал, покорен и приручен в короткий срок. Главное, чтобы поймать тот момент, когда можно будет сделать первый шаг. Не спугнуть и не опоздать.

И она вновь скрывала победную улыбку, заметив блеск в глазах и раздувающиеся ноздри мужчины, пытающегося скрыть дрожь в руках, и подбирающего ответ на ее очередной невинный вопрос.

Праздничный вечер был в самом разгаре, когда Семерку вызвали в зал убрать разбитую посуду. Маленькие дети сильно расшалились рядом со столом, в результате чего опрокинули на пол тарелки и смахнули вазу с цветами.

Девушка осторожно собирала осколки, надеясь, что Генрих не окажется где-то поблизости и не увидит кровь на ее пальцах. Почему-то руки ее дрожали, и она порезалась.

Но Генриху было не до нее в этот вечер. Гости и родственники с размахом отмечали двадцать первый день рождения Гая.

Стол ломился от угощений, комната утопала в цветах и гирляндах, ожидался праздничный фейерверк. Многочисленная малышня крутилась возле стола, заваленного подарками имениннику, с вождением поглядывая на коробки разных размеров в разноцветной фольге.

Дом был полон народу. Все мужчины изысканно одеты, дамы в вечерних нарядах, с дорогими украшениями. Жизнь на фазенде носит довольно уединенный характер, и не каждый день появляется возможность блеснуть во всей красе, поэтому сияние драгоценностей в этот вечер затмевало свет множества люстр, бра и торшеров, включенных по всему дому.

— Друзья! — услышала Семерка зычный баритон хозяина. — Друзья мои, прошу минутку внимания, — Генрих постучал серебряной вилочкой для фруктов по бокалу. — У меня созрел очередной тост.

Толпа отхлынула от окон, откуда тянуло вечерней прохладой вперемешку с яблоневым ароматом, и собралась у подножия широкой лестницы, ведущей на второй этаж, на ступеньках которой стоял прекрасный хозяин и господин.

— У нас оказался превосходнейший повод собраться здесь сегодня вечером, чтобы отметить день рождения замечательного человека, да просто отличного мальчишки, моего любимого племянника Гая.

По толпе прошел гул голосов, люди немного расступились, давая Гаю возможность подъехать ближе к своему родственнику.

— Мы весь вечер без остановки пьем за его здоровье, за его будущее, за реализацию всех его

планов, — продолжал Генрих, — а я знаю, что этот парень силен исполнить и воплотить в жизнь свои самые заветные мечты.

Он помолчал, давая присутствующим возможность осознать моральную силу и мужество своего племянника.

— И хочу заметить, что это отважный человек, который не сломался в то время, когда такая беда пришла в его жизнь. Он остался человеком, жизнерадостным, сильным и прекрасным.

Семерка видела, как Гай прятал глаза, чтобы скрыть от присутствующих свои истинные чувства. Вся эта хвала в его адрес не вызывала в нем ни гордости, ни радости. Никому из присутствующих на самом деле ни черта не известно о том, что он на самом деле чувствует, и, тем более, что он пережил тогда, когда узнал, выйдя из комы, что его мать погибла, а он теперь инвалид, лишившийся обеих ног. Но сегодня его праздник, и пусть всем будет весело. Ведь не слезы же лить, правда? Пусть его хвалят, пусть им восхищаются — сегодня его день. Завтра же о нем опять забудут, равнодушно проходя мимо, отводя взгляд, чтобы не выдавать свое сочувствие на грани брезгливости.

— Итак, мой тост — за мужество этого мальчика. Гай, ты настоящий воин, ты на самом деле победитель, потому что ты победил отчаяние,

страх перед будущим и все трудности, которые выпали на твою долю. За тебя!

— За тебя! — подхватили все присутствующие, и под звон бокалов снова полилась музыка.

Все шумели, смеялись, веселились, но как оказалось, Генрих еще не закончил свое выступление.

— Гай, — обратился он к племяннику, — Гай, что ты хочешь, чтобы я тебе сегодня подарил? Признаюсь, я встал перед серьезным выбором: вертолет или специально оборудованный автомобиль. Не зная, что тебе больше по душе, я решил спросить об этом у тебя.

Гости воззрились на виновника торжества. Такая щедрость поразила всех присутствующих. Гул голосов снова прошел по толпе. Гости ожидали решения именинника.

— Дядя, спасибо тебе, — Гай откашлялся, изображая волнение. — Ты всегда был добр ко мне, и всем, что я имею, я обязан исключительно тебе.

— Ну что ты, ты же всегда был мне сыном, — начал было мужчина, но Гай продолжил.

— Твой подарок действительно говорит о щедрости твоей души, и я глубоко тронут этим, но... мои запросы гораздо скромнее, и я хотел бы их озвучить сейчас, в надежде, что ты исполнишь мое желание и подаришь мне именно то, чего я так

хочу.

— Говори, мы все слушаем тебя, и видит бог, я дам тебе то, чего ты попросишь, если только это в моих силах, — подбодрил Гая Генрих.

Молодой человек вздохнул в волнении. На самом деле он волновался сейчас как никогда в жизни. Сам не понимал, почему, но он озвучил свое желание с трепетом, под аккомпанемент своего сердца.

— Дядя... дорогой дядя... я прошу тебя подарить мне... одну девушку, — и он резко поднял глаза на родственника.

Толпа ахнула. Мужчины засмеялись, стали поздравлять его, называя хитрюгой и тихоней, хлопали по плечам. Женщины, кто мог до него дотянуться, принялись его тормошить, ероша и без того всегда взъерошенные волосы. И только Генрих побледнел, не сводя с него глаз. Он понимал, что на него смотрят все, собравшиеся в этом доме, и не мог себе позволить выразить свои истинные чувства, поэтому заставил себя улыбнуться.

— Гай, не скрою, ты меня удивил, — произнес он и отпил шампанского, — не все ли мое — твое? Любая девушка на этой плантации может быть в твоём полном распоряжении. Для этого не стоило ждать целый год, чтобы попросить меня сегодня...

— Дядя, я все это знаю, — кивнул Гай, — но я

прошу именно подарить мне, в мое вечное личное пользование одного человека, чтобы она всегда была моей, — и он снова стал ожидать ответа.

— Мальчик вырос, — сказал кто-то в толпе, и гости весело засмеялись, чокаясь бокалами.

— Хорошо, — сдался Генрих, — быть по-твоему.

Он понимал, что сейчас не время спорить, и свое мнение он выскажет зарвавшемуся сопляку завтра утром, отыграв все обратно.

— Выбирай, они все к твоим услугам. Рыженькие и черненькие, с косами и стриженные, худые и полненькие, какую тебе надо? — Генрих отлично понимал, о ком попросил его щенок, но пытался свести все к шутке, надеясь, что все же ошибся на счет Гая.

— Дядя, мне нужна она, — именинник указал пальцем в сторону Семерки, которая ползая на коленях, собирала тряпкой воду из опрокинутой вазы рядом с одним из столов. — Подари мне ее. Пусть все с этого дня знают и помнят о твоей щедрости, что это твой мне подарок.

Генрих заскрежетал зубами, изо всех сил стараясь сохранить безмятежный вид, играя роль доброго дядюшки.

— И когда через год мы снова соберемся в этом зале, чтобы отпраздновать очередной мой день рождения, — вскричал Гай, — я не попрошу ни

одного подарка. И пусть никто мне их не приносит — сегодня я получил то, чего хотел! Вы все свидетели! Генрих, спасибо тебе, я буду помнить об этом всегда. И все здесь собравшиеся лишней раз убедились сегодня в щедрости твоей души.

Среди шума и веселья Гай подъехал к опешившей девушке.

— Брось эту тряпку, — сказал он ей резко. — Теперь ты будешь исполнять мои распоряжения, понятно? Иди за мной.

И он поехал прочь из дома, на прощанье крикнув всем, чтобы они продолжали веселиться.

Растерянная девушка побрела за ним, неуверенно оглядываясь на Генриха. Мужчина молча провожал ее серьезным взглядом, и было трудно догадаться, какие демоны сейчас лютовали в его сердце.

Лишь одна девушка в этой зале понимала, что на самом деле только что произошло. И слезы текли по ее лицу, а улыбка была скорее саркастической, нежели радостной. По крайней мере, Генриху бы она не понравилась. «Это победа!» — произнесла Регина мысленно и залпом осушила свой бокал.

ГЛАВА 7

Почти пять месяцев, сто тридцать дней. Арсений смотрел в окно, но не замечал ничего.

Наступила весна. Мартовский снег слепил глаза, сверкая на солнце. Погода изменилась. Подул теплый ветер, неся с собой что-то необыкновенное, какое-то ожидание чуда. Так всегда бывает перед пробуждением природы.

Арсений же был мрачен. Он по-прежнему держался, чтобы не запить, но чувствовал, что в этой схватке настал переломный момент, когда перевес силы уже не на его стороне.

Еще пять минут сомнения и раздумий, и мужчина решительно направился к бару, достал бутылку, отвинтил крышку и налил темную терпкую жидкость в пузатый бокал, расплескивая ее и не обращая на это внимания. Мутный взгляд, упаднические мысли — он сдался.

Сообщения людей, нанятых им для поиска жены, не приносили ничего утешительного. Город за городом, область за областью, регион за регионом были обследованы и проверены, и никакого следа девушки. По разным каналам Арсений выходил на определенные структуры, наводя справки в подобной своей среде, по его просьбе девушку искали во всех сферах и на всех уровнях, но опять же, результатов это так и не принесло.

И все же Арсений с остервенением утверждал, что девушка жива, и никому не позволял думать иначе.

В дверь позвонили, и тихо выругавшись себе под нос, Арсений направился в холл. Застыл на пороге, увидев Ларису.

Девушка была в белоснежном пальто с черным мехом, и выглядела просто сногшибательно. Под аромат дорогого коньяка самое то.

— Привет, — радостно поздоровалась она. — Можно войти? Я пришла с миром и с пиццей.

Мужчина молча подвинулся, и девушка проскользнула в квартиру, задев его обоняние легким шлейфом изысканных духов. Легко скинула пальто и обернулась к нему.

— Что празднуем?

— Наоборот, заливаю горе, — прохрипел Арсений.

Ему как-то стало не хватать воздуха, когда он увидел тонкое трикотажное платье, обтягивающее безупречно стройную фигуру красавицы.

— Выпьешь со мной?

— Нет, спасибо, и тебе не советую, — тонкими пальцами с французским маникюром она взяла из рук мужчины бокал. — Думаю, тебе не стоит этого делать. Чтобы там ни было, и как бы не стопорилось дело — еще слишком рано сдаваться и напиваться с горя. Ты не находишь?

Мысленно Арсений готов был сказать ей «спасибо», но в глазах защипало, а горло как-то

резко перехватило.

Между тем девушка прошла на кухню, прихватив большую коробку с пиццей. Она разделила ее, положив на красивые тарелки, поставила чайник, и все это время что-то рассказывала, стараясь отвлечь Арсения от мрачных мыслей.

Мужчина молча наблюдал за ней, прислонившись к дверному косяку. По его лицу невозможно было понять, о чем он думает, но Лариса уловила что-то такое в его взгляде, почувствовав, что ей просто необходимо его погладить, приласкать и утешить сейчас. Она видела перед собой усталого, истерзанного человека, которому так необходимо расслабиться.

— Милый, ты не должен так переживать, — прошептала она, подходя к нему. — Тебе нужно просто жить и ждать, и надеяться.

Арсений опустил голову.

— Хочешь, я сделаю тебе массаж? Я умею. Тебе надо отдохнуть, — она лучезарно улыбнулась ему. — Идем, ну идем же! Смелее! — и она потянула его за руку в спальню.

— Нет! — как-то нервно вскричал мужчина. Лариса опешила и обернулась к нему. — Пойдем лучше в гостиную.

— Как тебе будет угодно. Где тебе удобней, там и располагайся, — легко согласилась она.

Она помогла ему стянуть рубашку через голову, и замерла, любуясь рельефом спины. «Подбери слюни», — приказала она себе мысленно, с жадностью разглядывая многочисленные шрамы.

Подождав, пока мужчина уляжется на диван, вытянувшись во всей свой рост, она легко села к нему на поясницу, давая понять, что это самое естественное положение для того, чтобы добиться максимального эффекта от массажа.

Через какое-то время, когда Арсений стал путать реальность с виртуальностью, наслаждаясь прикосновениями крепких женских пальцев, которые вполне профессионально мяли его мышцы, гоняя по телу стада мурашек и пробуждая что-то еще, он увидел, что Лариса принялась раздеваться.

Он повернул голову к поднявшейся с него девушке, и наблюдал за ней, не в силах произнести ни слова. Медленно поднявшись, он сел на диване, не смея пошевелиться.

Словно в замедленной съемке, она стянула с себя платье, оставшись в черном белье и чулках с ажурной резинкой. Она закрутила головой, развевая длинный волнистые волосы, и Арсений зажмурился, стиснув зубы. А в следующую секунду его руки были захвачены в плен, и он ощутил упругость женской груди. Против него было выставлено мощное оружие, и Арсений оказался в плену, практически сдавшись без боя.

Раздетый с ее же помощью, практически не задействованный в этом процессе, он с силой подмял девушку под себя, не боясь раздавить, тяжело втягивая воздух и дыша с затруднением, словно астматик, а когда его губы коснулись ее шеи, раздался звонок.

Оба замерли, посмотрев друг на друга.

— Не останавливайся, — простонала девушка, закатывая глаза в томном блаженстве. Она знала, что это действует безотказно на всех мужчин поголовно, но Арсений был особенным, просто другим, и для него существовали иные законы. Каждый телефонный звонок мог стать для него судьбоносным, так что Ларёк допустила стратегическую ошибку, попросив его проигнорировать трель телефонного аппарата.

Не говоря ни слова, он резко поднялся с дивана и быстро пошел на кухню, где к стене был прикреплен телефон. Ларисе только оставалось задыхаться от восторга, жадно впившись взглядом в крепкие ягодички и ровные ноги мужчины.

— Слушаю, — крикнул Арсений.

— Арсений Николаевич, это Валера, — услышал Арс голос одного из своих подчиненных.

— Да, Валерик, говори.

— Я вот что тут подумал... Я вас не отвлекаю?

— Нет, нет, говори, — Арсений крепко сжал

трубку и прикрыл глаза. Хороший у него видок сейчас — голышом стоит в кухне и говорит по телефону с подчиненным.

Сзади послышались легкие шаги — к нему приближалась Лариса в бесподобном костюме Евы. Арсений окинул ее быстрым взглядом и отвернулся. Она же, не поняв этот жест, приблизилась к нему со спины и положила руки к нему на талию.

— Арсений Николаевич, я думаю, что мы упустили кое-что важное в наших поисках.

— Подробней.

— Мы поделили страну на регионы, и каждый квадрат поручили определенным группам, так? И все же мы упустили один большой кусок территории.

— Не понял, — Арсений почувствовал, что услышит сейчас что-то важное, и весь напрягся.

Женские прикосновения как-то сразу перестали его волновать, только Лариса это еще не поняла, и ее руки продолжали медленно спускаться вниз.

— Есть одна территория, практически не подвластная ни нам, ни правительству. Страна в стране. Восточный регион.

— Горы? — Арсений почувствовал, что стал задыхаться. Ему стало не хватать воздуха.

— И море, да. Там свои законы, у нас нет туда

выхода, но все же, я думаю, что может, стоит попробовать и там поискать?

— Думаешь, она может быть в рабстве? —
Арсений говорил через силу, голова кружилась.

— Можно это исключить, но только опытным путем, Арсений Николаевич. Могу я отправиться туда, чтобы присмотреться?

— Можешь, Валерик, можешь, дорогой. И я отправлюсь туда с тобой. Возьмем команду, чтобы подстраховаться, и начнем развернутые поиски.

— Ну так я даю команду своим ребятам готовиться?

— Да! — Арс почти кричал в трубку. — И готовь большой мешок для денег, Валерик. Потому что если там наши поиски закончатся, то я тебя озолочу.

— Арсений Николаевич, я ведь служу вам не за страх, а за совесть. И делаю это все, потому что уважаю вас, — проговорил смущенно молодой мужчина.

— Валерий, ты прекрасный стратег и аналитик, ты так много пользы принес мне, и все благодаря твоему уму. Ты будешь за это вознагражден. Все, завтра созвонимся, продумаем план действий. И... спасибо.

Арсений положил трубку и прислонился головой к стене.

— Милый, хорошие новости? —

проворковала Лариса, прислонившись к нему.

— Да, кажется, я скоро найду свою жену.

Арсений повернулся к девушке.

— Оденься, Лариса, ты замерзнешь, — сказал он и, обойдя ее, первым направился в комнату.

— А как же... мы? — девушка пошла следом за ним.

Она смотрела, как он натягивает свою одежду, снова скрывая красоту тела под материей, но сама не торопилась заняться тем же. Она не оставляла надежды, что стоит ему только присмотреться к ней, и волшебная искра снова пробежит между ними.

Арсений же разрушил все ее планы, просто собрав одной рукой женские вещи и протянув ей.

— Это было ошибкой, и больше никогда не повторится, Лариса.

Девушка принялась молча одеваться, демонстрируя обиду и разочарование.

— Лариса, не думай, что у нас могло что-то получиться, — Арсений равнодушно смотрел на нее.

Его сердце снова пело. Конечно, ничего еще не доказано, Света не найдена, но все же появился маленький шанс, и этого оказалось достаточно, чтобы Арсений вновь воспрянул духом.

Молча они направились в холл, он подал девушке пальто.

— Лариса, ты могла бы стать мне другом, а вместо этого решила стать подстилкой, — произнес мужчина тихим голосом. — В таком случае я не могу больше поддерживать с тобой отношения. Ты умная девушка, ты все понимаешь, правда?

Лариса не могла поднять глаз. Ей было обидно, и стыдно, и горько. Иметь такие козыри на руках, оказаться настолько близко к нему, продумывать каждый свой шаг и фразу, и так сглотить, поддавшись эмоциям.

— Твой брат стал дорог моему другу, и я рад их дружбе. Но ты можешь больше не приезжать. Я не допущу твоего присутствия в моем обществе, — проговорил он вполне мягко.

— Я на всю жизнь запомню тебя, — прошептала Лариса со слезами на глазах.

Арсений равнодушно взирал на нее, но знал, что сегодня вечером будет изводить себя и гнобить за такое поведение. И это еще его счастье, что Бертуччо не застал их в интересном положении.

— Прощай, — сказал он, широко распахивая дверь квартиры и отходя в сторону, давая понять, что прощального поцелуя не будет.

Закрыв дверь, он перелистнул эту страницу своей жизни.

Арсений пропускал удар за ударом, отлетая в конец ринга и однажды, повиснув на канатах,

почувствовал, что готов упасть, чтобы никогда больше не подниматься на ноги. Силы оставляли его, тело горело от ушибов, кровь стекала по подбородку, и в ушах противно звенело. Еще удар, снова голова рванулась, отчего ноги подогнулись, словно были ватными, и все поплыло перед глазами. Кровь залила глаз, видимо лопнула кожа на виске. Последняя мысль в голове: это счастье — наконец-то почувствовать надежную опору пола.

Все, кто наблюдал этот тренировочный матч, недоумевали: Лугового знали в спортивных кругах, он не имел чемпионского титула, но сражался вполне на уровне, бой всегда вел достойно и тактически мудро. В этом конкретном зале мало кто соглашался на бой с ним, зная заранее его исход.

Сегодня же он не успел и не сумел поставить ни одного блока, словно увяз в сиропе, не успевая уклоняться от ударов противника.

В конечном итоге, его практически утаскивали с ринга, так как, очнувшись, он едва переставлял ноги.

— Что случилось, Арс? В чем дело? — Бертуччо влетел в раздевалку.

— Ни в чем, я в порядке, — устало проговорил мужчина.

Он сидел, тяжело опираясь руками в колени, опустив голову, завесившись отросшими волосами.

— Почему-то твое лицо в синяках и тело в

гематомах говорят мне о другом, — Берт внимательно посмотрел на брата.

— Ну вот пусть они тебе все и расскажут, а я помолчу.

— Черт возьми, Арсюха, ты дал себя отыметь, и мне кажется это странным.

Арсений поднял на него глаза, посмотрел без эмоций, и снова отвернулся.

— Дай подумать, — Бертуччо потер лоб. — Ага, слышу! Слышу тонкий голос, едва уловимый писк, который вещает мне о том, что на самом деле ты полон сил и мог бы сделать этого парня. Ведь так? — он наклонился к Арсению, тот не прореагировал. — Но вместо этого ты валялся на ринге в нокауте, предварительно отмудоханный по полной программе. Что это? Похоже на способ самоистязания. Садо-мазо? — Берт сделал вид, что задумался. — Нет, не похоже. Раньше, во всяком случае, ты в этом замечен не был.

— Все течет, все изменяется, — буркнул Арсений. — С годами меняется точка и угол зрения на многие вещи. И то, что раньше было неприемлемым, вдруг начинает казаться привлекательным.

— Я умоляю тебя, брат! — вскричал Бертуччо, морщась, словно попробовал лимон. — Вот только не надо делать из меня дурака, ладно? Допускаю, я и так не слишком умный, но так-то со

мной зачем? Вследствие каких это умозаключений ты решил, что быть избитым просто так — это то, чего тебе не хватает сейчас?

Арсений молчал. Берт ходил из угла в угол мимо металлических шкафчиков, обходя скамейки.

— Нет, это не удовольствие, — рассуждал сам с собой вслух Бертуччо, — не жажда новых ощущений, и конечно уж не физическая слабость... Тогда что это, а? Арс, может, спасешь меня от угрозы сломать мозг?

Арсений отрицательно помотал головой.

— Прекрасно, — кисло улыбнулся Берт. — Спасибо тебе, друг, что решил сделать из меня умственного калеку. Итак, продолжаю терзать, напрягая, свое скудное серое вещество. Итак, итак... Итак... Ага, точно! Вот оно! — Берт даже хлопнул тыльной стороной ладони о ладонь. — Это наказание!

Арс хмуро на него взглянул, но снова промолчал.

— Но вот за что? — Берта не смутило молчание друга и не сбило с мысли. — Да, за что?

Арсений потянулся к пальто, достал сигареты, прикурил дрожащими пальцами.

— О, на свете так мало поступков, за которые тебе могло бы быть настолько стыдно, чтобы ты желал сам себя наказать, так что... так что... думаю, что это как-то связано с тем, что тебя могла

бы осудить Света. Да! Раз ты сам почти ни за что себя не осуждаешь, есть только один человек, упреков которого ты боишься — твоя жена. Ум, совесть и честь твоей жизни.

Арс похолодел.

— И что же ты такого натворил, что тебе стало так хреново? О, ты серьезно избит, и это говорит о серьезной провинности.

— Черт, Берт, ты допрыгаешься сейчас. Что ты мельтешишь у меня перед глазами! Достал уже! — заорал Арсений.

— Это говорит мне о силе тяжести твоего проступка, — продолжал рассуждать Берт, игнорируя крик друга.

— Лучше заткнись, — тихо, но грозно прорычал Арсений.

— Ну почему же? Я на пороге раскрытия этой тайны, и хочу дойти до конца, — Берта было не напугать подобным рычанием. Он вошел в раж.

— Лучше уймись, а то до конца не дойдешь, а доедешь. В инвалидной коляске.

Бертуччо остановился напротив Арсения, замер, думая о чем-то напряженно и серьезно, и вдруг просветлел.

— Измена! Точно, это измена! Иначе чего тебе еще стыдиться в этом мире?

— Не было измены, понятно? — Арсений сильно побледнел, что не могло укрыться от

внимательного взгляда Бертуччо, секущего сейчас малейшее изменение в мимике и выражении глаз друга.

— Понятно. Не успел, да? Или не получилось? — Берт радушно улыбался.

— Тебя это не касается.

— Ну почему же, я же твой друг. Раньше у нас вообще не было тайн друг от друга.

— Угу, до тех пор, пока ты не влюбился в мою жену.

— Ну, на тот момент, когда я в нее влюбился, она еще не была твоей женой.

Арсений порывисто вскочил со скамейки и вплотную подошел к другу.

— Послушай, ты можешь ненавидеть меня, желать мне смерти, жаждать меня разоблачить и опозорить перед ней, но что это изменит лично для тебя? Неужели ты все еще питаешь надежды на ее ответное чувство к тебе?

— Не знаю, надежда есть всегда, — Берт пожал плечами.

— Но у тебя был шанс, и ничего не получилось, помнишь?

— Да, тебе есть за что благодарить меня. А если честно, то я понимал, что ее сердце занято. В нем поселился чертов ты. Что мне делать, а? — глаза Берта уже не искрились насмешкой. В них была привычная тоска и безысходность.

— Забыть, отпустить и начать с чистого листа.

— Это не так-то просто. Ты советовал это Кате, и она плохо кончила. Следуя предложенной аналогии, ты предлагаешь мне... убиться?

— Нет, я предлагаю тебе забыть мою жену.

Арсений помолчал, успокаивая дыхание.

— Берт, я знаю, что тыловишь меня на мелочах, и я подозреваю, что ты донесешь о своих сегодняшних домыслах Свете. Я знаю, что ты не теряешь надежды. Но поверь, я уже однажды совершил ошибку, доверившись тебе, и жестоко поплатился за это. Больше я подобного не совершу.

— Мне жаль, друг, что между нами нарушилась гармония, — тихо произнес Бертуччо. — Но и я скажу тебе кое-что: не поворачивайся ко мне спиной, чтобы тебе не погибнуть во цвете лет, не теряй бдительности, а то соблазн слишком велик, и многое поставлено на карту. Нож в спину — это сейчас для меня так легко и даже естественно.

Арс несколько секунд смотрел на Бертуччо, а потом обнял его, крепко прижав к себе. Бертуччо прижался к нему, так же обхватив руками, помня, что на Арсе нет живого места, и они долго стояли так, пока Берт не почувствовал, что Арс дрожит от холода.

— Иди давай в душ, горе-боксер, и поехали уже домой, — проговорил он тихо, осторожно

хлопнув брата по плечу.

* * *

Семерка с любопытством осматривала просторное помещение, переходя от плаката к плакату, коими были обклеены стены. Вся комната Гая свидетельствовала о его горячей любви к исполнителям тяжелой музыки.

— Кто это? — спросила она молодого человека, хмуро на нее глядевшего от дверей.

На одном из постеров был запечатлен мрачный мужчина с гривой черных волос, с многочисленным пирсингом на лице, и сильно подведенными глазами. Семерке показалось, что внешность Гая — это слепое подражание его кумиру.

В комнате практически не было мебели. Только стеллаж с дисками, музыкальный центр с огромными колонками, небольшой стол на четырех высоких ножках, исполняющий роль письменного бюро, к которому удобно подъезжать и работать, сидя в инвалидной коляске, и топчан у стены напротив большого окна. Топчан, наоборот, низкий, чтобы на него было удобно ложиться, сползая с коляски. Все было просто и функционально, чтобы Гай мог обходиться без посторонней помощи. Все пространство было свободно для маневров.

Еще три двери из сеней вели в ванную комнату, кладовку, и маленькую комнатку для прислуги. Небольшой одноэтажный коттедж, ничего лишнего.

— Ты все равно не знаешь, — буркнул Гай.

Девушка с улыбкой пожала плечами.

— Ты прав, зачем мне это нужно.

— Ты что, совсем дура? — Гай сверлил ее мрачным взглядом. — Или умело прикидываешься?

Семерка в недоумении обернулась к нему.

— Ты на самом деле не понимаешь, что произошло? — Гай подъехал к окну и с силой захлопнул створки. Стекло в раме жалобно задребезжало. — Ты стала моей собственностью.

Семерка посмотрела на юношу долгим задумчивым взглядом, словно ей были известны тайны мироздания.

— Я ни на минуту не забываю, что я чья-то собственность, — произнесла она тихо. — Меня продают, покупают и передаривают с такой скоростью, что кружится голова. Я знаю, что не принадлежу сама себе.

— Теперь ты моя, — произнес Гай.

— Что ж, мне выбирать не приходится, — Семерка робко улыбнулась ему.

— Может, ты еще и не довольна?

— Нет, я очень довольна, — сказала она с поспешностью. — Правда, — она подняла на Гая

огромные голубые глаза. — Гай... прошу тебя только... не возвращай меня обратно, — последние слова девушка практически прошептала, изо всех сил сдерживая слезы.

— Вот как? Ты думаешь, у меня здесь для тебя будет курорт? — на самом деле молодой человек прекрасно понимал, что она имеет в виду.

Тем не менее, он сильно удивился, как она догадалась о планах Генриха. Видимо, однажды тот не сдержал свои порывы, и как-то себя проявил, а девушка сложила два и два и сделала правильные выводы. Однако, для полуживотного она очень даже проницательна.

— Нет, что ты, Гай. Я знаю, что должна работать. Я буду делать все, что ты попросишь, и даже больше. Я буду предугадывать все твои желания и исполнять твои капризы. И всегда буду тебе благодарна.

Гай как-то странно на нее посмотрел.

— Здесь грязно, — сказал он. — Ты знаешь, что надо делать?

— Да, мне нужна тряпка и ведро с водой. Дай мне немного времени, и здесь все будет блестеть и благоухать чистотой, — сказала Семерка с воодушевлением.

Она удивилась, что молодой человек замер на месте, приоткрыв рот.

— Слушай, — произнес он медленно, — а кем

ты работала до того, как тебя купил Генрих?

— Я не знаю. То есть, я не помню, — Семерка смутилась.

Разговоры о прошлой жизни ее напрягали, неизвестность мучила, и невозможность узнать правду терзала сердце необъяснимой тоской.

— Ты точно работала на плантации? — в голосе Гая угадывалось подозрение. — Может быть, ты была женой плантатора?

Семерка несколько секунд смотрела в серьезное лицо молодого человека, а потом они оба одновременно захохотали.

— Скажи мне, — сквозь смех обратилась к Гаю девушка, — вот ты живешь на этом свете уже двадцать первый год, ты слышал когда-нибудь, чтобы хозяин плантации женился на своей рабе, да еще и рожденной в рабстве?

— Я много, о чем слышал. Например, о плантаторе, который убивает тех, в кого влюбляется.

Гай внимательно смотрел на девушку. Он заметил, что она прекрасно его поняла. По вытянувшемуся лицу и погасшим глазам.

— Я не убиваю, не бойся. Иди сюда, — позвал он странным голосом. Его глаза засветились таинственным светом. Затем вдруг потемнели, стали мутными, словно грозовое облако закрыло солнце. — Но у меня порой происходят несчастные

случаи. Знаешь, например, где сейчас твоя предшественница? Она работала на меня почти год.

— Нет, не знаю.

— Она неудачно упала с крыльца и сломала позвоночник.

— Она была такая неловкая?

— Нет, она была такая непонятливая, — и Гай многозначительно посмотрел на побледневшую девушку. — Меня лучше не злить, мне лучше не противиться, и со мной ни в коем случае нельзя спорить, — глаза Гая хищно сверкнули. — Видишь, какой я добрый? Я предупредил тебя, и ты теперь практически в полной безопасности.

— И что с ней стало? Где она теперь? — спросила Семерка в волнении.

— А ты как думаешь? — Гай практический выкрикнул это. — Разве на плантации лечат больных рабов? Нет, конечно, если их можно поставить на ноги, то им будет дано лекарство и будет соответствующий уход, но парализованных здесь не бывает, понятно?

— Почему?

— За ними некому ухаживать.

— И где же та девушка сейчас?

— Пошла на корм свиньям, ясно?

Глаза Семерки потемнели.

— Ты не знала, но свиньи отлично жрут человечину, — проговорил Гай с какой-то

необъяснимой злобой. Было трудно понять, на кого она направлена. Возможно, он тоже мог бы стать кормом для свиней, если бы не родство с высокородными людьми.

— Да, поразительная судьба — стать едой для животных, — прошептала Семерка, и содрогнулась.

— Для рабыни ты слишком много говоришь, — Гай выехал на середину комнаты.

Он хотел что-то сказать, но в этот момент на улице что-то заухало, засвистело, стали слышны глухие взрывы, треск, послышались радостные возгласы гостей: пришло время фейерверка.

Гости высыпали во двор, заполнили всю лужайку перед центральным входом и в восхищении созерцали ночное небо, расцвеченное красками, взрывающееся разноцветными звездами, сыплющее с высоты множество блестящих искр, гаснущих в полете.

— Что это? — вздрогнула от неожиданности девушка.

Комната наполнялась всполохами света, в небе непрерывно что-то гудело, свистело и ухало.

— Подойди к окну, посмотри. Ты, наверное, и не видела такого ни разу в жизни, — милостиво разрешил Гай. — Только свет выключи.

Девушка нажала выключатель, тихо приблизилась к окну и замерла рядом с Гаем. В ее глазах мелькали красный, синий, зеленый цвета,

попеременно сменяя друг друга, но мысли ее были далеко. Она оплакивала тех безымянных несчастных, что окончили свою безрадостную жизнь в свином корыте. Горькие слезы побежали по ее неподвижному лицу, поблескивая при каждом световом взрыве.

— Но уж лучше сломать позвоночник и умереть, чем ... — прошептала она.

— Ну все, насмотрелась? — Гай прекрасно видел ее слезы. — Теперь вернись с небес на землю и вспомни, что принадлежишь мне.

Семерка зажмурилась, когда Гай включил свет в комнате.

— Иди сюда, — позвал Гай.

Его голос как-то сразу стал хриплым, а лицо порозовело. Бездонные карие глаза в обрамлении угольно-черных ресниц настойчиво буравили ее. Семерка удивленно посмотрела на парня и вдруг, замотав головой, попятилась от него, пока не уперлась в стену.

— Я же предупредил: не надо мне сопротивляться, — медленно и с угрозой проговорил Гай, направляясь в ее сторону.

— Прошу тебя, — шептала Семерка, ощущая себя жалкой песчинкой, подхваченной штормовой волной.

— Подошла ко мне! — крикнул Гай, побледнев от злости.

Девушка мгновение стояла на месте, и вдруг обмякла, словно приняла какое-то решение и в ней произошли незримые, но существенные перемены.

— Хорошо, — прошептала она, медленно приближаясь. — Гай... Гай... ты ведь не обидишь меня?

Молодой человек посмотрел на нее странным взглядом исподлобья.

— Не обижу, если встанешь передо мной на колени, — откуда в нем столько злости?

Что заставляет его мучить ее, если он мог бы просто попросить ее о том же другим тоном, с другим выражением лица? Но согласилась бы она тогда, вот в чем вопрос. Все родственники им брезгают, все служанки безумно его боятся. Он сам ненавидит себя. Может ли он рассчитывать на милость?

Семерка медленно опустилась на колени, глядя на него бесконечно добрыми глазами.

— Ты когда-нибудь делала это? — спросил Гай.

— Я... не знаю. Но я сделаю все, о чем ты меня попросишь, — поспешно заявила она.

— Хорошо, — Гай вцепился пальцами в подлокотники своего кресла. — Выключи свет, и возвращайся.

Семерка сидела на подоконнике и смотрела в

сад. Сверчок пел ей свою песню, не прерываясь ни на мгновение, трава шелестела от ветра, ветки яблонь царапали стекло, к которому она прижалась лбом. Как красиво, как мирно кругом. Если забыть про все, что произошло днем и позже, уже ночью, то может показаться, что она живет в прекрасном мире, где все настолько красиво и гармонично, что она счастлива.

Девушка прикрыла глаза. Хотелось плакать, сердце рвалось и терзалось в груди, но слез не было. Она ощущала себя опустошенной. Психологически. Над ней совершили насилие. Но кто? Тот, кто сам и является самой большой жертвой насилия.

Вдруг до нее донеслись странные звуки. Прислушавшись, она различила всхлипы и бормотание. Поднявшись со своего места у окна, неслышно вошла сени, снова прислушалась: это плакал Гай. Немного помедлив на пороге, девушка осторожно приоткрыла дверь и вошла в комнату. Было темно и душно. Молодой человек тряс головой из стороны в сторону, царапал скрюченными пальцами простыню, что-то невнятно бормотал, и вдруг пронзительно закричал.

Семерка больше не колебалась. Она приблизилась к своему хозяину, встала на колени на краю кровати, прикоснулась к его вискам ладонями и зашептала что-то тихо и ласково. Он

пытался вырваться, но вдруг затих, пока Семерка гладила его лоб и волосы.

Вдруг он вздрогнул и распахнул глаза. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя и узнать в склонившейся над собой фигуре новую служанку. Ее лицо укрывал мрак, но он чувствовал ее дыхание.

— Ты что тут делаешь? — спросил он слабым со сна голосом и попытался отстраниться.

Семерка быстро поднялась и отступила на шаг от кровати. Было похоже, что Гай рассердился. Не хватало еще, чтобы он подумал, будто она задумала что-то дурное против него.

— Ты кричал, тебе приснилось что-то страшное, — стала она оправдываться. — Прости, мне не следовало заходить в твою комнату. Это больше не повторится.

В большое окно заглянула луна, и глаза юноши заблестели в ее свете. Он не мигая смотрел на девушку. В чередѣ постоянно меняющейся прислуги она была первая, кто это сделал. Он моргнул и облизнул пересохшие губы.

— Я принесу тебе воды, — Семерка направилась к дверям.

— Постой! — поспешно окликнул ее Гай.

Девушка обернулась.

— Только не долго, — буркнул он, — и сразу возвращайся.

— Я рядом, вода в сенях.

Гай пил жадно, не обращая внимания на струйку, стекающую по подбородку на грудь. Ледяная вода холодила кожу, и отчего-то было приятно, что эта девчонка стояла рядом.

— Хочешь, я открою окно? Здесь довольно душно, — робко предложила девушка.

— Я привык, не люблю сквозняков... Но если хочешь, можешь открыть, — вдруг легко согласился парень.

— Нет-нет, лучше не надо, раз ты не любишь, сквозняки нам ни к чему. Можно мне уйти? Если я понадобится — я рядом, — и девушка начала пятиться к выходу.

— Постой, ты это куда?

— К себе. Уже довольно поздно, Гай, завтра много дел...

Парень сел в кровати, опираясь руками в матрас. В его плачевном положении вся сила и упор всегда приходились на руки, и мышцы были литые, накачанные, огромные.

— Останься, — приказал он, но Семерке в его голосе послышалась неуверенность, что выходило за рамки образа грубого и бесчувственного собственника.

— Хорошо, я принесу свой матрас, — легко согласилась она. Все равно ей уже было ясно, за кого ее принимают и в каком качестве намерены

держатъ.

— Не надо, — вдруг остановил ее Гай, — иди ко мне, — и он откинул край простыни. — Ложись рядом, — он напряженно ждал ее ответа, исподлобья наблюдая за ней.

Девушка покорно подошла к кровати, осторожно легла с краю, укрылась одним с ним легким покрывалом. Через пару минут она повернулась к нему, прижалась и обняла его, как ребенка. Он прильнул к ней, словно ждал этого.

Через мгновение юноша уже посапывал, забывшись спокойным мирным сном, а девушка еще долго лежала с открытыми глазами, глядя в окно, на иероглифы, выписываемые ветками яблонь на ветру. «Морей неведомых далеким пляжем идет луна, жена моя. Морей неведомых далеким пляжем идет луна, жена моя. Морей неведомых...». И слезы текли из глаз.

ГЛАВА 8

— По моему мнению, он самый крутой. Он и по жизни крутой. Он лучший. Как на сцене выглядит, так и в жизни. Марк Гунберг. Гордость металлического мира брутальной музыки!

— Что, он и в жизни ломает гитары? Швыряет табуретками в людей? Кричит матом на родных? А жене его пирсинг не мешает? Слушай, Гай, он

каждое утро встает, идет к зеркалу и красит глаза, ресницы, ногти, да? У них с женой общая косметика на двоих, или у каждого свой набор?

— Слушай, ну ты дура! Ты триндычишь так, что уши закладывает. Ты мне хоть слово дашь сказать?

— Дам. Даю. Бери, — Семерка улыбалась.

Гай на секунду замер, но он уже безвозвратно сбился с мысли и забыл, что хотел сказать.

— Да ну тебя, — и он плеснул ей в лицо водой.

Девушка вскрикнула, но в следующий момент набрала в ладони побольше пены с поверхности воды и водрузила ее молодому человеку на голову.

— Вот, теперь ты король, — сообщила она. — И покруче всяких там Марков Гутенбергов, или как там его зовут.

— Я твой король? — Гай неожиданно серьезно посмотрел на нее.

Девушка наклонилась через край ванны, приблизив к нему свое лицо.

— Ты мой король, мой господин и повелитель.

Они помолчали, Гай изучал ее лицо.

— Если завтра ты решишь меня убить, то так и будет. Кто тебе помешает? Ты распоряжаешься моей жизнью.

— А если я добрый король?

— Тогда подданные твоего королевства самые счастливые люди в мире.

— Хорошо, потри мне спину, я уже достаточно отмок, — молодой король отвел взгляд.

От души намывив его, девушка окатила его прохладной водой из душа, за что была обрызгана, когда он стряхивал воду, вертя головой как пес, вылезший из реки. С его длинных волос на нее пролился дождь прозрачных капель.

Со смехом она взяла в руки большое полотенце и раскрыла его. На руках юноша поднял свое тело и уселся на край ванны. Семерка покрыла его плечи, запахнула края на груди, придвинула коляску.

Отработанным движением Гай перенес себя в кресло, и девушка вывезла его из влажной комнаты с запотевшим зеркалом в сени. Остановила по середине пустого помещения, прикрыла дверь на улицу.

— Обсохни, я пока сменю твою постель, — сказала она и вошла в его комнату.

— Эй, Семь, хочешь, дам послушать, как он играет?

— Давай, — крикнула ему из комнаты девушка. — Слушай, а почему ты сам не играешь?

Она показала в дверях.

— Уверена, у тебя бы неплохо получилось, — девушка достала из кармана платяя расческу, и

принялась аккуратно расчесывать влажные волосы юноши.

— Да я играл, — со вздохом признался Гай, — только забросил. Я года два наслаждался, но меня никто не слушал, все зажимали уши, смеялись надо мной. И в один паршивый день мне просто надоело делать это для себя одного.

— И где же твоя гитара?

— Вон, в кладовке пылится где-то.

— Ты мог бы сыграть мне.

— Что ты понимаешь в мужской музыке, — скривил губы Гай в подобии презрительной улыбки.

— Ничего, но у меня нет выбора: я не посмею закрыть уши, уйти или засмеяться. А значит, у тебя будет хотя бы один слушатель.

Она видела, как его глаза сверкнули, но в следующую минуту огонь погас.

— У меня и усилитель сдох, — он обреченно махнул рукой.

— И ничего нельзя сделать?

— А что ты сделаешь.

— Я не знаю, я даже понятия не имею, что такое усилитель, но, может быть, его можно починить, или купить другой?

— Слушай, ты такая умная! — Гай крутанулся на кресле вокруг своей оси.

— Ты можешь смеяться надо мной сколько

твоей душе...

— Нет, я серьезно, Семь! Можно же починить, наверное... Надо попросить Цезара. Он здорово шарит в электронике, может, чего-то и посоветует. Семь, сбегашь в дом, найдешь там такого длинного сутулого парня...

Молодой человек замолчал, оборвав себя на полуслове, увидев, как смертельно побледнела девушка. Да, она рабыня, да, она его собственность, но он ни за что не допустит, чтобы ее увидел хозяин усадьбы.

Со дня празднования его дня рождения Генрих ни разу не зашел к Гаю. Словно отрезало. И отправлять сейчас Семерку в усадьбу — это все равно, что добровольно сдать ее в руки владельцу плантации. А потом он скажет, что никакая девушка от Гая к ним в дом даже не заходила, и где ее искать — неизвестно, и может быть даже предположит, что она решилась на побег, или что-то еще. А у Гая нет ключей от подвала великого и ужасного Генриха, да и что он сможет сделать, безногий урод!

— Ладно, приберись пока в ванной, а я сам доеду до дома. Скоро буду!

— Куда же ты в таком виде! — едва сдерживая смех, девушка догнала Гая в дверях, ведущих из сеней на улицу, и силой вернула внутрь. — Ты хочешь ехать, завернувшись в

полотенце? Конечно, это эффектно, но думаю, тебе лучше одеть что-нибудь более привычное.

Гай рассеянно оглядел себя, и вдруг загоготал во всю силу легких.

Он быстро зажал себе нос и запрокинул голову, но несколько темно-алых капель упало на рубашку, прежде чем он успел среагировать.

— Что случилось? — сразу заволновалась девушка.

Она испытала страх, глядя на кровь, словно она являлась началом смертельной болезни, из-за которой можно лишиться покровительства своего нового хозяина.

— Дичево, — ответил Гай приглушенно. — Просто кровь. Так бывает.

— Бывает? Часто? — Семерка пыталась унять дрожь в голосе.

— Часто. Ну чего ты привязалась? Есть платок?

— Нет, сейчас сбегая, принесу, хорошо?

И не дожидаясь согласия, бросилась через сад к коттеджу. Сердце сильно билось, она торопилась. В чем же дело? Это не опасно? А что, если Гай серьезно болен? А что если он... умрет? Что с ней тогда будет? Боже, ты о нем волнуешься, или беспокоишься за свою шкуру?

А перед глазами замелькали эти дни, неделя за

неделей, время счастья и безмятежного покоя. Семерка все время пыталась определить, как же к ней относится Гай, но никак не могла это сделать. Она и сестра ему, и мать, и любовница, и, конечно же, его служанка. Она ни на минуту не переставала исполнять свои прямые обязанности, но делала это с радостью, и молодой человек не мог это не заметить.

Он больше не кричал на нее, не обижал, она совсем перестала его бояться. С некоторых пор он больше не мог засыпать, если ее не было рядом. Сон не шел, пока он, обняв ее за плечи, не утыкался носом ей в висок.

Через несколько дней после ее появления в его доме он стал разговаривать с ней о своих секретах. О том, как жил в первое время, оказавшись мертвым в этом царстве живых людей. Он признался себе, что нуждается в ее сочувствии, и даже в ее слезах. А она не стыдилась их, нежно глядя его шевелюру. Она словно размачивала своими чистыми слезами корку на его душевных болячках, делая его сердце чувствительным и мягким. Он урчал, как кот, и делился самым наболевшим, освобождаясь от этой боли, очищая свою память от этого мусора, который так долго мешал нормально жить и дышать полной грудью.

С тех пор, как он открылся ей, их интимные отношения стали другими. Он видел, что она как

женщина преданна ему, что, как и он, получает удовольствие от этого процесса. Ему больше не надо было кого-то принуждать, а потом запугивать и унижать, чтобы не смели хоть чем-то выдать свое отвращение и брезгливость, и все же каждый раз бояться этого. Теперь все было так, как он всегда и мечтал. Она не боялась его, не избегала и не стыдилась. Она предлагала ему такое, что при одном воспоминании об этом у него всегда кружилась голова.

Они вместе принимали ванну, и это было самое веселое время. С ней он узнал, что секс может быть разным, и в любом случае прекрасным. И что он никакой не урод, хоть у него и нет ног ниже коленей. Ее тело было красивым, разве что его портила излишняя худоба, но с этим Гай решил бороться беспринципно, заставляя ее есть за двоих. Он вытребовал, чтобы ее кормили по его меню, и выдержал целый бой, после чего Семерке приходилось туго, съедая все, чтобы не расстраивать его.

Он читал ей книги, от всей души стремясь заполнить пробелы в ее образовании, но каждый раз ловил себя на мысли, что эта девушка знает намного больше его, только не помнит об этом.

Однажды к нему подошла Регина. Она посмотрела на него странным взглядом.

— Гай, что с тобой? — спросила она с

улыбкой на красивом лице.

— А что со мной? Я такой же, как всегда, и все мое со мной.

— Нет, милый кузен, ты не такой, как раньше. Определенно, ты изменился, — она задумчиво смотрела на него, склонив к плечу свою прекрасную головку. — И эти перемены тебе на пользу.

Гай покраснел. Он понял, что имеет в виду Регина. Он выглядит счастливым человеком, и это нельзя не заметить, так же, как и скрыть. Что же, он сразу сделал заметку в памяти, что нужно как можно реже попадаться на глаза Генриху, а то его счастьем придет конец.

— Признайся, братец, это все она, Семерка, да?

Гай нахмурился. Он не собирался никого впускать в свою жизнь. Раньше это было невозможно по причине того, что никто этого не желал, а теперь он сам был вынужден оберегать свой маленький мир, в котором появились улыбки, нежность и доброта. Мир по имени Семь.

— Чего тебе нужно? — недовольно спросил он.

Пусть лучше он будет грубым, чем уязвимым и открытым для удара. Девушка перестала улыбаться. Теперь она смотрела совершенно серьезно и раздумывала, говорить ли ему какую-то

тайну, или же нет. Наконец, она будто бы решилась.

— Послушай, братец. Мне тоже не безразлична судьба этой девушки, — произнесла она и внимательно посмотрела на родственника. Тот был непроницаем. — Понимаешь, если бы тебе не пришла такая блестящая мысль как подарок на день рождения, я сама бы что-нибудь придумала, только чтобы спасти ее от смерти.

— От смерти? — Гай побледнел. Что она об этом знает?

— Я знаю все, — тут же подтвердила его мысли девушка.

— Откуда?

— Из первоисточника, — и она многозначительно посмотрела на двоюродного брата.

— Что ты знаешь? Что ты слышала? Что тебе сказали? — потребовал он нетерпеливо. Стало так холодно и неудобно, словно подул северный ветер.

— То, что я знаю, я услышала, но это не предназначалось для моих ушей... Понимаешь, Семерку убьют. И я думаю, ее убьют в любом случае. Ты не сможешь этому помешать.

— Я знаю, — прохрипел Гай дрожащими губами. Мысль о том, что его мир вскоре может быть безжалостно разрушен, вонзалась под ребра ржавым ножом и мешала нормально дышать.

Воздуха стало не хватать, паника вогнала в пот.

— Я только хочу сказать, что бояться надо не только Генриха, но и Максуда, — прошептала Регина.

— Максуда? — Гай чуть не выкрикнул это имя от удивления, но девушка нервно шикнула, схватила его коляску и повезла под тень деревьев.

— Да, он давно мечтает убить Семерку, — говорила тихо Регина с улыбкой на лице, призванной показать всем случайным встречным, что у нее милая беседа с братом. — Генрих ему запретил трогать ее, но теперь, когда формально ты ее хозяин, запрет Генриха как бы не является для него законом, понимаешь?

— Регина, причем здесь Максуд?

— Я тоже не знала, что он такой, — тихо проговорила кузина со странным выражением лица.

— Он с Генрихом... заодно? — Гаю становилось все хуже и хуже.

— Гай, Максуд садист. И убийца. И вообще, он животное.

— Раньше ты была о нем другого мнения, — пробормотал Гай.

— Раньше я много не понимала, не видела, да и не хотела видеть. Братец, ты и то больше реалист, чем я, — сказала она со вздохом.

— Да уж, у меня не было выбора.

— Теперь его нет и у меня. После того, что я

знаю, дороги назад нет, — почти прошептала девушка.

— Бедняжка, добро пожаловать в ад, — грустно сказал молодой человек.

— Можно мне как-нибудь зайти к вам в гости? — Регина встrepенулась.

Она во чтобы то ни стало должна побороть свою депрессию. Она не даст замуровать себя на этой фазенде. Не позволит украсть у нее радость жизни. Вот перед ней мальчик, который не перестает улыбаться, он счастлив, и ей так нужно прикоснуться к его энергетике.

— Ну приходи, только если не будешь обижать мою... девушку.

— О! Гай, ты не думай, я очень рада за тебя и за нее, — призналась Регина. — Я давно хотела бы с ней подружиться. И теперь, я думаю, это стало возможным. Можно я загляну к вам вечером на чай?

— Ну хорошо, загляни, только ненадолго, ты понимаешь? — и он многозначительно посмотрел на сестру, вдруг покраснев под ее пристальным лукавым взглядом.

— Гай, вы можете мне доверять, я вас не обману, — заверила она его искренне.

С тех пор она стала частым гостем в маленьком коттедже.

Молчаливый сутулый Цезарь разобрался с

усилителем, и теперь Гай каждый вечер в рамках культурной программы терзал барабанные перепонки девушек, исполняя им brutальные арии своего любимца на электрогитаре, усугубляя впечатление вокальным исполнением сольных партий басом на грани реальных возможностей голосовых связок. Регина зажимала рот, сдерживая смех, но косилась на спокойно улыбающуюся Семерку и заставляла себя сдерживаться. Она видела, что поддержка девушки много значит для Гая, и тоже пыталась вести себя достойно, чтобы не обижать родственника. Гай самозабвенно наслаждался собственной игрой. Впервые у него были слушатели, готовые благосклонно оценить его мастерство.

Потом все вместе резались в карты, в лото и домино, а то могли просто сидеть у большого окна в темной комнате и рассказывать разные истории, всматриваясь в звездное небо.

В такие вечера Регине смертельно не хотелось покидать такую теплую компанию. Она была готова попроситься к ним на ночлег, хоть в комнату для прислуги, потому что уже знала, что Семерка постоянно спит с Гаем, но не решалась, боясь показаться слишком навязчивой.

Сейчас она направлялась к Гаю, желая узнать, куда это так быстро рванула Семерка, когда заметила, что у парня опять идет носом кровь. Все

же следует настоять на осмотре врача. Мало ли, с чем это связано. Она поздоровалась с братом с той теплотой, которую с некоторых пор испытывала к нему, но Гай проигнорировал ее приветствие. Он напряженно смотрел куда-то, и даже не повернул головы в сторону Регины. Кровь стекала по подбородку на рубашку, но молодой человек этого даже не замечал.

Девушка посмотрела в том же направлении и увидела, что к ним направляется Семерка, а на пути у нее стоит Максуд. Мужчина не видел ни Гая, ни своей невесты, ставшей с некоторых пор холодной и равнодушной к нему. В данный момент он не сводил взгляда с рабыни, спокойно и безмятежно шествующей по аллее. Она поравнялась с мужчиной и поздоровалась, Гай видел, как она склонила перед ним голову, как и положено рабам, потом остановилась, потому что мужчина что-то ей сказал. Гай вцепился в подлокотники кресла. Все же он слишком далеко от Семерки. Но что этому уроду нужно от нее среди бела дня?

А ему что-то оказалось нужно, потому что он попытался схватить рабыню за руку, но та вдруг очень ловко вывернулась и отскочила на безопасное расстояние, продолжая стоять рядом. Мужчину это разозлило, и он снова попытался ее схватить, уже более грубо, но опять потерпел неудачу. Каким-то образом девушка избежала

плена, и снова была на свободе. Этого оказалось достаточно, чтобы мужчина взбесился.

Он набросился на нее с перекошенным лицом, что-то крича, но, к безграничному изумлению и Гая и Регины, Семерка решила дать отпор Максуду. Тот несколько раз пытался ее ударить, но был остановлен удачно выставленными блоками. Девушка вдруг схватила его руку, крепко сжавшую ее предплечье, и каким-то неуловимым движением перекинула мужчину через плечо. Он оказался на земле, но это не остановило его, не охладило его пыл, а еще больше разъярило. Вскочив, он выхватил нож и ринулся в атаку на одинокую девушку.

Гай больше не мог смотреть на это, он принялся яростно крутить колеса своей коляски и что-то кричал, приближаясь к ним. Максуд глянул на него, но это лишь подстегнуло его ускорить свои действия. Семерка тоже увидела Гая, поэтому поставила блок, увернулась от ножа и отошла в сторону, давая место Гаю для маневра. Тот на всей скорости врезался в мужчину, сбив его с ног, слетел с кресла прямо на него, пока тот не успел подняться, и принялся наносить ему удары в челюсть с остервенением, которое напугало даже Семерку.

В это время подбежала Регина, громко крича на весь парк, что Максуд напал на беззащитного

человека, причем инвалида, и мужчина, изловчившись под довольно тяжелым телом молодого парня, наконец, рванулся и вскочил, сбросив Гая на землю.

Девушка привлекла-таки чье-то внимание, со стороны хозяйственных построек к ним уже бежали какие-то люди, и мужчина почел за лучшее ретироваться.

— Ну, шакалье отродье, я вам еще покажу, — прошипел он, и поспешил прочь, чтобы не столкнуться с подмогой. — Вы своей кровью умоетесь!

Ему дали уйти, не удостоив ответом.

— Ну ты даешь, — проговорила заворожено Регина, помогая Семерке поднять Гая и усадить в кресло.

— Семь, кто же ты? — задал вопрос и Гай. Он внимательно смотрел на нее, весь подбородок его был в крови. — Знаешь, это не просто махалово, ты вела бой, уворачивалась от атаки, как в фильмах. Это какая-то техника, и, похоже, серьезная. Где ты этому научилась?

Восхищенные глаза уставились на рабыню, она смутилась.

— Она не помнит, — ответила за нее Регина. — Семерочка, ты молодец! Мы восхищаемся тобой.

— И шрамы у тебя на теле странные, —

продолжал свою линию допроса молодой хозяйин. — Откуда они? Они получены в боях?

Рабыня растерянно пожала плечами. По ее виду можно было догадаться, что такое поведение, продемонстрированное ею несколькими минутами ранее, в первую очередь шокировало ее саму. Между тем она спохватилась, достала платок и принялась вытирать кровь с лица своего хозяина.

— Ты... защитил меня. Спасибо, — прошептала рабыня и взглянула таким проникновенным взглядом на своего хозяина, что Гая бросило в сладкую дрожь и сердце радостно запрыгало в груди.

— Ну хорошо, поехали отсюда, а то придется объяснять всем подряд, что тут произошло, — Гай первым сообразил, что пора уезжать с аллеи. — Больше, Семерка, от меня ни на шаг, поняла?

Девушка послушно кивнула.

* * *

Они пересекли долину за пару часов и вошли в парк, раскинувшийся на огромной территории. В центре, скрытый деревьями, высился особняк, стилизованный под средневековый замок средней руки. К нему вела подъездная аллея, огибающая деревья в центре, и заворачивающая к парадному крыльцу замка справа и слева, охватывая

асфальтовым кольцом клочок парка.

— Твою мать, какая красота, — презрительно процедил Арсений, стирая пот со лба.

Солнце стояло в зените, палило нещадно, ветра почти не было.

Их давно заметили, во дворе уже ждал комитет по встрече непрошенных гостей. В центре колоритной композиции возвышался странный молодой человек с длинными белыми волосами, высокий и худой, его окружала команда подобных ему людей, в большинстве своем длинноволосых. Они демонстративно держали руки на ружьях, висящих на груди.

— Смотри, эльф! — тихо хохотнул Бертуччо, без стеснения разглядывая лидера в центре. — Не удивлюсь, если у него и ушки треугольные. Арс, проверим, а? Ну точно он операцию сделал, спорим?

— Позже, — отрезал Арсений, не спуская глаз с хозяина особняка. Он погладил ствол своего Бекаса.

Ребята, шедшие позади, тоже положили руки на свои ружья, в основном помповые, с короткими стволами.

— Они здесь в ролевые игры, что ли, играют? — пробормотал Бертуччо, поправляя на плече автомат УЗИ.

— Ага, а мы орки, и все по-взрослому, —

Арсений сплюнул, не сводя глаз и блондина.

Они уже добрых три минуты сверлили друг друга взглядами, пока гостям было позволено приблизиться к ступеням замка.

Не доходя десяти метрах остановились. Тишина накрыла обе делегации, только слышалось карканье ворон, воркование голубей, и слабый ветер доносил редкие окрики со стороны плантаций, расположенных дальше вглубь долины, простирающейся за особняком.

При этом сердце Арсения болезненно жжалось. Уже несколько недель его не покидала мысль, что, возможно, его жена томится в рабстве, и это было невыносимо. Как страстно он надеялся на то, что она жива, так же неистово он молился, чтобы эта последняя версия оказалась несостоятельной. Он боялся увидеть, что с ней могли сделать на плантациях, зная ее непримиримый характер и своенравие. Обостренное чувство справедливости могло причинить ей много боли и страданий, и Арсений снова мысленно застонал.

«Ненавижу! Убью» — вновь и вновь твердил он. На лице же его застыла вежливая улыбка.

— День добрый, — произнес он приветливо, — не дадите ли напиток с дороги усталым путникам?

Ни одно хмурое лицо напротив не озарила

ответная улыбка. Блондин молчал, пристально разглядывая высокого крепкого мужчину с недобрыми серыми глазами. Этот тяжелый взгляд может покалечить, и его лучезарная фальшивая улыбка никого здесь не обманет.

— А что путники забыли в наших дебрях? — казалось, он с трудом разлепил губы, снизойдя до ответа. Его голубые глаза были холодны как лед.

— Забыли, кое-кого, — охотно кивнул Арсений. — Мы ищем одного человека. Вот, дошли до вас, хотим узнать, не забегал ли к вам.

— Чем можем — поможем, — сподобился до кивка головой «эльф».

Команда Арсения по спартански переносила жару и жажду, но Арсений и сам понимал, что дальше без воды им придется худо. Провианта в заплечных мешках и рюкзаках сколько угодно, а вот вода кончилась еще четыре часа назад. При воспоминании о бассейне на предыдущей плантации Арсений громко сглотнул, облизывая пересохшие губы. Это не укрылось от внимательного взгляда хозяина замка.

— Пошли за мной, — произнес он и спустился по лестнице, свернув направо. Его команда не отступала ни на шаг, ревностно осматривая ряды непрошенных гостей.

Обогнув здание, все вместе вышли к небольшому колодцу, установленному на

забетонированном пяточке, стилизованному под старину, с «куликом» для поднятия ведра.

Усталые запыленные путники радостно выдохнули, бросившись к колодцу. Заскрипел механизм, ведро бухнулось о воду, издав изумительный всплеск, и через короткое время несколько голов склонилось над полным ведром, в котором отражался фрагментик неба и огромные глаза счастливых, оказавшихся в очереди первыми.

— Там кружка есть, — подал голос блондин, прислонившись к перилам беседки, обвитой плющом.

Кружка дожидалась жаждущих, прикованная к бортику колодца длинной тонкой цепочкой. Арсений улыбнулся, оглядывая своих «архаровцев».

«Архаровцы» вдруг спохватились, и все дружно обернулись к нему.

— Арсений Николаевич, — позвал высокий брюнет с серьгой в ухе, мастер спорта по самбо, стрелок от бога, безжалостный убийца по призванию, — идите, пейте, вам больше всех досталось.

Арсений улыбнулся ему, но отрицательно покачал головой.

— Пейте, а мне поговорить нужно, — и приблизился к хозяину.

— Красиво здесь, — надо было с чего-то начинать, и Арсений принялся производить «ломку льда».

С большим удовольствием он поломал бы сейчас этого самого красавчика, который осуществлял свои детские мечты и реализовывался за счет процветания этого проклятого бизнеса, играя на крови своих рабов.

— Да, мы с друзьями много лет потратили на это дело, — кивнул «эльф».

Для него не было ничего важнее разговоров про дело «всей его жизни». Получив плантацию по наследству от дяди, он потратил год на то, чтобы смириться и свыкнуться с мыслью, что придется оставить университет, жизнь в большом городе и вообще удалиться от цивилизации, вступив в конфликт с законом. Желание быть богатым, пусть и ценой отшельничества и опасности, пересилило все остальное. Когда Лангольф, в миру Ленчик, пообжился на местности и хорошенько осмотрелся, он пришел в восторг: да здесь же рай для ролевиков, коим он был лет с четырнадцати.

Несколько месяцев понадобилось на то, чтобы прощупать старых приятелей по клубу на предмет переезда сюда. Те, кто решился сменить образ жизни и нравственные ценности, составили костяк его группы. Бизнес шел по налаженной колее — спасибо дяде, при жизни держащему все в ежовых

рукавицах — а они, контролируя работу управляющего, агентов по продаже и звеньевых, занялись обустройством быта, воссоздавая антураж той сказки, в которой привыкли жить с отрочества.

Серьезной реконструкции подвергся особняк. За несколько лет его удалось перестроить, и теперь взору путников предстал замок, гордость хозяина, во всей своей красе и мощи.

Жизнь в этом мирке развивалась в двух плоскостях. В одной — вырванные из привычной среды люди попадали в ад, каждый день работая на своего хозяина, в поте лица, через боль и кровь, ломая нервную систему, психику и теряя здоровье. Во второй — красивые здоровые парни играли в костюмированные игры.

Иногда им требовалась «дама сердца», или «принцесса, охраняемая драконом», и та рабыня, на кого падал жребий, удостаивалась такой чести. Бывали и несчастные случаи, когда неверно посланная стрела пронзала не чучело дракона, а саму принцессу, но к ответу, разумеется, никого не призывали. Героиню заменяли, и игра продолжалась.

Арсению не требовалось ничего слушать, он понял все и так. Эти пустышки, не умеющие ценить человеческую жизнь, привыкшие «убивать» с детства, не придавали значения ничему кроме своих интересов и пристрастий. Мертвые души,

застрявшие в жестоком детстве, дорвавшиеся до настоящего оружия и имеющие возможность не ограниченного финансирования своих затей.

— Так кого вы ищете? — уже более дружелюбно обратился Лангольф к Арсению.

Мужчина достал фотокарточку, предоставленную ему безутешным отцом Светланы, расправил и протянул молодому человеку, следя, чтобы он случайно не испортил ее.

— Симпатичная, — вежливо кивнул молодой человек.

Арсений видел, что девушка ему не понравилась и никаких эмоций на его лице не проявилось.

— Я понимаю, что ты не можешь знать в лицо всех, кто на тебя работает, но... может быть, нам помогут твои звеньевые? — сердце Арсения бешено колотилось, в голове мутилось, он почувствовал, что ему просто необходимо сделать хотя бы глоток воды.

Молодой рабовладелец молчал.

— Я заплачу, — произнес Арсений. — Двойную цену, понимаешь? Если она здесь, я выкуплю ее, и мы просто уйдем, клянусь.

— Уйдешь? А оружие у тебя на что? — Лангольф кивнул на его бойцов.

— Самооборона. Ради безопасности этой девушки я не пролью ничьей крови. Просто возьму

и уйду.

«Эльф» склонил голову к плечу, задумчиво разглядывая красивого мужчину со шрамом на щеке.

— Мне не нужна война, мне нужна одна единственная девушка. Я готов заплатить за нее двойную цену, — Арсений ждал ответа. — Тройную.

— Хорошо, сейчас я их соберу, — согласился Лангольф, покоритель пустошей. — Может, пообедаете с нами?

— Спасибо, нет, — Арс, не говоря больше ни слова, нетвердой походкой направился к ребятам, плещущимся водой из ведра.

Бертуччо, заметив, что он направляется к ним, замер, не сводя с него глаз.

— Сейчас придут звеньевые, — тихо сказал Арсений, принимая от него кружку студеной воды.

— Арс, спокойно, мы найдем ее, — прошептал Берт.

— Бертуччо, я так больше не могу, у меня сердце лопнет. Три плантации, и все в ноль.

— Ну, их здесь не так уж и много...

— Семь, — вежливо вставил слово Валерий. — Я наводил справки. Инфа, конечно, засекречена, но кое-что накопать удалось.

— Семь... — Арсений прислонился к ограде колодца, запрокинул голову, закрыл глаза.

Где же ты, моя милая, любимая... Тебе плохо? Ты страдаешь? Ты ждешь меня?

Минут через десять со стороны замка подошла группа мужчин в грязной засаленной одежде, загорелых до черноты, все как один с кнутами в огромных ручищах. Где их таких откапывают, зло подумал Арсений. Вновь мелькнула картинка, когда такой вот амбал безжалостно опускает плеть на спину его девочки, и в глазах потемнело. Бертуччо был рядом и вовремя положил другу руку на плечо.

— Брат, идем, — и он подтолкнул его к надсмотрщикам.

Лангольф уже передал им фотографию и ждал ответа. Арсений напряженно следил за выражением лиц мужчин. Те равнодушно смотрели на карточку и передавали следующему, отрицательно качая головой. Арсений почувствовал, как его внутренности скручивает в тугий узел неведомой силой, и не понимал, радоваться ему очередной неудаче, или плакать, оглашая окрестности громким воем.

Прежде чем Лангольф озвучил ответ, Арсений уже все понял. Он покачал головой.

— Кто она тебе? — тихо спросил молодой «эльф», возвращая фотографию.

— Жена, — глухо ответил Арсений, пряча под опущенными ресницами потухший взгляд.

— Ух ты! Не позавидую я тому, у кого ты ее найдешь, — Лангольф был серьезен, говоря это.

Видимо, он подумал, что ему здорово повезло, что девушки у него не оказались, ведь месть этого парня будет ужасной, что бы он там ни обещал.

Арсений кивком подозвал своих ребят, утоливших жажду, и снова сияющих, готовых хоть в бой, хоть в длинный поход за своим предводителем.

— Хочешь выпить? — предложил вдруг хозяин плантации.

— Спасибо, нет. Голова должна быть ясной.

— Вы можете остаться переночевать, а завтра с новыми силами отправитесь на поиски.

— Я дорожу каждым часом, ты должен понять, — тихо объяснил Арсений. — Вот если поделюсь водой, я буду тебе благодарен.

— Да сколько угодно! — казалось, молодой человек был рад оказаться полезным. — Я даже могу вам канистру одну подарить. Лишней не будет.

— Послушай, — Арс повернулся к нему. — Подскажи, куда нам идти дальше? В какую сторону?

— Дня три пути, если пешком, — плантатор махнул рукой вдоль гор, и внимательно посмотрел на Арсения. — И два, если на колесах.

— Сколько? — лаконичность мужчины

привела «эльфа» в восторг.

— Пятьсот баксов. Наличными.

— Разумеется, не фантиками, — Арсений кивнул Валерию, и тот достал деньги.

С предыдущей фазенды они выбирались таким же способом, и местные расценки примерно знали.

— Отлично, — Лангольф улыбнулся этим долларам, как будто своих ему было мало. — Я дам вам лучшего водителя.

— Лучшего не обязательно. Достаточно, если он отличает педаль газа от тормоза, — проговорил Арсений без улыбки. Ему не терпелось отправить дальше, ведь каждый день пути сокращал время его разлуки с любимой.

— Рад был бы встретиться с тобой при других обстоятельствах, — Лангольф протянул ему свою узкую ладонь.

— Взаимно, — Арсений ответил на рукопожатие. «Я свернул бы тебе шею голыми руками в первом же костюмированном бою».

* * *

Генрих в волнении поднялся с кресла и прошелся по комнате. Подошел к окну, распахнул обе створки, любуясь видом на горы. Вдалеке виднелась вертолетная площадка. Давно он не летал

на своей Сесне. Птичка, наверное, дуется на него, он совсем забыл про нее. Но у него уважительная причина: он влюблен, и никуда не может отлучиться с плантации — ведь его сердце осталось бы здесь.

*Мой кончен труд,
дописан мой рассказ,
И гаснет, как звезда
перед зарею,
Тот факел, о
который я не раз
Лампаду поздней
зажигал порою.*

Генрих не мог скрыть победной улыбки. Его рассказ только начинается. Рассказ о его любви, страсти и восхищении. И напишет он его кровью на прекрасной нежной коже удивительной девушки.

Так, не забыть отдать распоряжение собрать мешок лепестков роз завтра к полудню. Генрих прикрыл лицо руками, чувствуя легкую дрожь. Завтра к полудню. Завтра к полудню. Завтра все и начнется! А как долго будет продолжаться — зависит только от него.

*Что написал, то
написал, — не скрою,*

*Хотел бы лучше, но
уж я не тот,
Уж, верно,
старость кружит надо
мною,
Скудеет чувств и
образов полет,
И скоро холодом
зима мне в грудь дохнет.*

Нет, его зима наступит еще не скоро. В свои сорок пять он чувствует себя молодым как никогда. Любовь его прекрасных женщин дает ему силы, окрыляет и вдохновляет. Их боль и слезы делают его утонченнее, когда он проходит путь их страдания вместе с ними, оставаясь рядом до самого конца, чтобы нежно закрыть их глаза при последнем вздохе. И они уходят в мир иной, пройдя очищение, горнило, изменяющее их и делающее подобными ангелам, когда их собственная кровь омывает их от земной грязи и открывает небесные врата, чтобы руки любящего создателя приняли их в свои объятия прямо из его рук. О да, он работает в паре с самим господом!

Столько мыслей сейчас пронеслось в его голове, столько чувств теснилось в груди. Генрих ходил по комнате, тяжело дыша и переживая восторг. О, как много ему хочется сказать ей, еще

больше — сделать. Он подарит ей свою любовь, свою нежность, свою страсть и... смерть!

Он метнулся к книге, чтобы свериться, не забыл ли последние строчки бессмертного шедевра.

*Прости! Подходит
срок неумолимо.*

*И здесь должны
расстаться мы с тобой.*

*Прости, читатель,
спутник пилигрима!*

*Когда его признаний
смутный рой*

*В тебе хоть отзвук
находил порой,*

*Когда хоть раз им
чувства отвечали...*

Нет, Генрих больше не мог оставаться в комнате. Он пересек ее широким шагом, распахнул дверь и бегом бросился к лестнице.

— Дмитрий! Где Дмитрий!

Ему срочно нужен садовник. Где его черти носят?

— Дмитрий! Мерзавец! — баритон мужчины разносился по всему холлу. Из гостиной выглянула женщина, мать Регины.

— Генрих, милый, что ты раскричался?

— Мне нужен Дмитрий! Он должен был принести свежие цветы!

— Он давно их принес и снова ушел в сад. Где же ему еще быть? Иди туда, если он так тебе нужен, но на сегодня он выполнил твое задание — свежие цветы отданы горничным, те уже расставили их во все вазы по всему дому.

— Мне нужны еще цветы, много цветов, — пробормотал мужчина, направляясь к выходу в сад.

Генрих продумал все. Он выбрал предлог, чтобы вызвать Гая завтра в особняк и задержать его там подольше. Отдал распоряжение пяти девушкам-рабыням по поводу сбора лепестков роз. Дмитрий был проинструктирован на счет цветов, которые должен доставить к двенадцати часам ко входу в хозстроение. Два его телохранителя должны будут схватить девушку и доставить ее туда же, но чуть позже, чтобы у Генриха было время все приготовить, украсить, зажечь свечи.

Накладки недопустимы. Появление Семерки в его «комнате» должно получиться торжественным и запоминающимся. Оно должно впечатлить девушку, чтобы сразу задать определенный тон и нужный настрой.

Генрих прохаживался по холлу, в волнении жестикулируя. Лицо светилось в предощущении наслаждения.

Он продумал все, что касалось его участия, но кто-то высший имел свои планы на завтрашний день, и мечтам Генриха не суждено было сбыться.

Весь вечер мужчина был оживлен, разговорчив, развлекал родных веселыми шутками и сам много смеялся. Он не догадывался, что живет на этой земле последние часы. Как раз до полудня следующего дня. Впрочем, как и большинство его родных, сидящих сейчас на диванчиках и в креслах, лениво попивающих кофе, и ведущих милую ни к чему не обязывающую беседу.

ГЛАВА 9

Утро выдалось жарким, солнце палило нещадно. Безоблачное небо не предвещало дождя не то что в ближайшие сутки, а даже в ближайшие несколько дней.

Люди спасались от безжалостного зноя, как могли, исходя из тех возможностей, которые им были предоставлены.

Бедные рабыни, вышедшие в поле еще затемно и поймавшие пару часов легкой предутренней прохлады, сейчас страдали, абсолютно беззащитные перед жадными лучами солнца. Они повязывали головы своими футболками, но это не спасало от сильной головной боли и слабости. Звеньевые непрерывно таскали

ведра с водой из привезенной цистерны, и поливали женщин из шлангов, чтобы избежать солнечного удара и обезвоживания. Хороший раб — это работоспособный раб, и надо сделать все необходимое, чтобы работа не прекращалась.

Особняк стоял с закрытыми занавешенными окнами. Домочадцы скрывались в своих комнатах, спасаясь под кондиционерами. Вялость и сонливость бродили по притихшему дому. Коридоры были пустынные, дети валялись на диванах, тихими голосами жалуясь родителям на слабость.

В казарме было душно, спертый воздух, пропитанный запахом оружейной смазки и табака, кружил голову и отуплял мозги. Боевики, призванные охранять фазенду, расслабились, и кто дремал, кто тихо курил, задумчиво уставившись в какую-то точку перед собой, кто чистил оружие. Потные полуголые мужчины, привыкшие к жизни в полевых условиях, переносили жару мужественно и безропотно.

Семерка с Гаем занавесили окна в своей комнате и валялись на кровати, изредка лениво переговариваясь. В комнате было тихо, словно все звуки ушли в небытие, и только периодически потрескивали деревянные стены на жаре.

Девушка периодически смачивала простыни и вешала на окна и на дверь. Кондиционер был

безнадежно сломан, вентилятор не справлялся с поставленной перед ним задачей, и молодым людям ничего не оставалось, как раздеться в надежде хоть на какое-то облегчение от зноя. Мысль, что такое состояние продлится еще долгое время, ввергала в уныние.

Внезапно вдалеке послышались глухие удары, подобные раскатам грома, крики и визги.

— О, неужели гроза начинается? — с надеждой поинтересовался Гай. — Было бы просто замечательно. Дождик нам совсем не мешает, — юноша оживал с каждой секундой. — Ты побегаешь голышом под дождем? — он хитро посмотрел на девушку. — Для меня.

Семерка поднялась с кровати, подошла к окну и выглянула на улицу. Вдалеке по аллее бежали люди, лиц не было видно, но паника и ужас угадывались невооруженным взглядом. Семерка напряглась.

— Гай, похоже, это не гроза, — пробормотала она, приглядываясь к хаотично бегущим людям. На бледно-голубом небе не наблюдалось ни единого облачка.

— А что же тогда так гремит?

— Что угодно, но это не природное явление.

Семерка подошла к кровати, схватила свое платье, натянула на влажное тело.

— Я схожу, посмотрю, в чем там дело, а ты

жди меня здесь, хорошо?

— Только недолго, и не выходи из парка, чтобы тебя не заметили из дома, понятно? — напутствовал ее Гай. — Глянь одним глазком, и назад. Я жду.

Девушка кивнула, и направилась к дверям.

— Семерка, — окликнул ее Гай и, дождавшись, когда она обернется, повторил со значением: — Осторожней, и нигде не задерживайся, поняла?

Как только она шагнула за порог, и под окном слышались ее тихие шаги, он принялся тревожно ожидать возвращения своей... девушки.

Он старался не задумываться над тем, любит ли его Семерка. Он понимал, что это невозможно, но, тем не менее, она вела себя так, что у него не было повода переживать, ревновать и мучиться. Она была рядом, не тяготилась этим, и все указывало на то, что ей хорошо с ним, а этого бедному юноше было достаточно. Он сам не умел любить, часто сбивался на властный тон, мог невзначай обидеть ее, невольно, случайно, лишь оттого, что человек не может так быстро перестроиться и изменить свое мировоззрение. Но сам не мог не отметить, что постепенно становился другим.

Рядом с ней он определенно становился лучше и понимал, что теперь, пусть незаметно и

исподволь, его жизнь переплелась с ее жизнью, и не видел своего будущего без этой девушки. Он нуждался не столько в ее теле, сколько в доброте, нежности, понимании и... дружбе.

После стольких лет одиночества он, наконец, нашел родственную душу и обрел покой. Он даже с ужасом размышлял о том, что однажды может дойти до такой стадии, когда начнет думать о том, чтобы освободить ее, подарить ей свободу и отпустить, чтобы сделать счастливой. Но до этого было еще далеко, и пока он не желал думать об этом, потому что уже сейчас это начинало рвать ему сердце. Разве что проносилась мысль, что в эту новую жизнь она могла бы взять с собой его... но это вряд ли... наверное... Это уж точно из разряда фантастики, а Гая в наивности мог упрекнуть разве что ребенок из особняка.

Семерка вышла из коттеджа и замерла, не зная, в какую сторону ей пойти. Она узнала многих бегущих. Слуги, наемные работники, сестры Генриха и дети бежали через парк, с выпученными глазами, громко крича. Ничего не понимая, Семерка испугалась — ей передался общий ужас.

Не рассуждая долго, она вышла на дорожку, ведущую к особняку. Аллея упиралась в центральный вход, и девушка свернула с нее, притаившись за высоким кустарником, подстриженным в форме конуса. Двор был пуст.